

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Caucasian Science Bridge

2024 Vol. 7 № 4 (26)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по социологическим наукам

Журнал включен в перечень **ВАК МНУВО РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал принимает научные материалы по следующим научным специальностям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.6. Социология культуры (социологические науки), 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in Sociological Sciences

“Caucasian Science Bridge” journal is included in the list of **the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation** of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science should be published.

Editors of the journal accept materials in the following scientific specialties: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.6. Sociology of culture (sociological sciences), 5.4.7. Sociology of management (sociological sciences).

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attribution – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 3.12.2024. Подписано в печать 15.12.2024. Выход в свет 25.12.2024.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,02. Тираж 550 экз. Заказ № 9730.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр-т Стачки, 200/1, тел. (863) 243-41-66.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор; Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет Св. Климента, г. София, Болгария

Коцева Даниела – доктор социологических наук, доцент, университет «Гоце Делчев», Штип, Северная Македония

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела международных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пенкова Стойка – доктор социологических наук, доцент, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, Международный языковой центр «ESZETT», г. Аннандейл, Вирджиния, США

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований «Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия

CAUCASIAN SCIENCE BRIDGE

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria.

Kotseva Daniela – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Goce Delchev University, Shtip, North Macedoni

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Penkova Stoyka – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center “ESZETT”, Annandale, Virginia, USA

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation “Center for Social and Political Research” “Strategy”, Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Методология и методы социологических исследований

Ковалев В.В. Защита по научному докладу как альтернативный (менеджеристский) способ соискания учёной степени.....8

Этносоциология

Бедрик А.В. Чикарова Г.И.

Постсоветские диаспоры Юга России: между мигрантофобией и гражданской интеграцией..... 23

Социология образования

Бабинцев В.П. Осипов А.М. Серкина Я.И.

Социология высшего образования: к оценке сущности, рисков, институционализации и перспектив в России..... 32

Богданова И.Н. Работающий студент: стратегии совмещения учебной и трудовой деятельности..... 47

Богданова О.В. Категория «дополнительное профессиональное образование» в предметном поле социологического знания.....60

Социология управления

Беспалова А.А.

Влияние технологий искусственного интеллекта на конструирование рекреационного пространства города.....70

Петрулевич И.А.

Нормативные основы менеджеристского управления высшим образованием в России.....80

Латушко Н.А.

Управленческие практики межрегионального сотрудничества в Южном федеральном округе: проблемы и перспективы.....89

Социология культуры

Исакова Ю.И

Социально-демографические и стратификационные факторы удовлетворенности досугом (на примере Ростовской области).....97

Социология семьи

Верещагина А. В.

Российская семья в эпоху перемен: автономная, неуправляемая, непредсказуемая.....108

Дискуссионная трибуна

Сухова Е.Е.

Рецензия на учебник для вузов «Социология образования»117

А.М Осипов

Post-scriptum к рецензии на учебник по социологии образования124

Информация для авторов.....126

CONTENT

Methodology and methods of sociological research

Kovalev V.V.

Scientific report defense as an alternative
the (managerial) way of applying for an academic degree.....8

Ethnosociology

Bedrick A.V. Chikarova G.I.

Post-Soviet diasporas of Southern Russia: between migrant phobia
and civil интеграцией..... 23

Sociology of education

Babintsev V.P. Osipov A.M. Serkina Ya.I.

Sociology of higher education: towards an assessment of the essence, risks, institutionalization and
prospects.....32

Bogdanova I.N. The working student: strategies for
combining academic and work деятельности.....47

Bogdanova O.V. Category of "additional professional
education" in the subject field of sociological knowledge.....60

Sociology of Management

Bespalova A.A.

The impact of artificial intelligence technologies on the design of recreational space
города.....70

Petrulevich I.A.

The normative foundations of managerial management of higher education in
Russia.....80

Latushko N.A.

Management practices of inter-regional cooperation in the Southern Federal District:
problems and перспективы.....89

Sociology of Culture

Isakova Y. I.

Socio-demographic and stratification factors of leisure satisfaction (on the example
of the Rostov region).....97

Sociology of Family

Vereshchagina A.V.

Russian family in times of change: autonomous, uncontrollable, unpredictable.....108

Discussion Tribune

Sukhova E. E.

Review on the textbook for universities "Sociology of Education"117

Osipov A.M.

Post-scriptum to a review of a textbook on sociology of education.....124

Information for authors.....126

Методология и методы социологических исследований

Научная статья

УДК 316.344.34:378.2

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.1>

EDN PKAERJ

Защита по научному докладу как альтернативный (менеджеристский) способ соискания учёной степени**Виталий В. Ковалев¹**

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия
e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена инновационным характером норм о соискании ученой степени по научному докладу и отсутствием надлежащей экспертизы этой процедуры со стороны научного сообщества. Ставится проблема, в соответствии с которой принятие новых правил о защите ученой степени по совокупности публикаций с высокой степенью вероятности может привести к росту имитационных практик в виде замены полноценной диссертации статьями с псевдонаучным содержанием. Выдвигается гипотеза, согласно которой переход на защиту по совокупности публикаций приведет к снижению качества подготовки научных кадров.

Методы. Методологические основы определены с использованием работ, написанных в концептуальных границах менеджеристского подхода. Прикладное исследование проведено с применением документарного метода. Источником эмпирической информации стали акты Правительства, Минобрнауки и ВАК РФ, локальные документы Южного федерального университета, данные государственной статистики.

Результаты и их обсуждение. Предметная структура статьи состоит из трех элементов. Первый сформулирован как характеристика институциональных правил соискания ученой степени по научному докладу. Здесь рассматривались два вопроса: логический объем понятия «соискание учёной степени по научному докладу» и нормативные барьеры процедуры соискания учёной степени по совокупности публикаций. Установлено, что научный доклад отождествляется с тремя признаками: большое значение для науки, краткость и известность широкому кругу специалистов. Возможность защищаться по научному докладу предоставляется только аспирантам очной формы обучения, в течение периода обучения, а также аспирантам (докторантам), имеющим портфолио из расширенного списка научных публикаций. К аспирантам очной формы обучения все три признака адресуются по совокупности. Защита может проходить только в постоянных диссертационных советах с последующим обязательным вызовом на экспертный совет ВАК РФ. Второй элемент предмета исследования – причины и ожидаемые результаты от введения альтернативного способа соискания учёной степени. Результаты были получены на основе анализа трёх переменных: 1) норм, определяющих процесс соискания ученой степени по научному докладу; 2) сложившейся социальной ситуации с подготовкой научных кадров; 3) реализуемой государством менеджеристской модели оценки эффективности организаций науки и высшего образования. Сделан вывод, что целью соискания учёной степени по научному докладу является не повышение качества подготовки научных кадров, а обеспечение показателей по защитах аспирантов ради декларации мнимой эффективности государственного управления высшим образованием и наукой. Третий элемент предмета исследования – возможные варианты улучшения порядка соискания учёной степени по защите научного доклада. Предлагается повысить входные барьеры для соискания учёной степени по научному докладу через расширение обязательного объёма научных публикаций и повышения их

качества за счёт увеличения удельного веса публикаций в журналах из K1 и K2. Также выдвигается предложение официально запретить взимание денежных средств за оказание издательских услуг.

Ключевые слова: научный доклад; совокупность публикаций; диссертация; подготовка научных кадров; ВАК РФ; учёная степень; диссертация; защита диссертации.

Для цитирования: Ковалев В.В. (2024). Защита по научному докладу как альтернативный (менеджеристский) способ соискания учёной степени. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), С. 8-21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.1>

Defense by scientific report as an alternative (managerialist) way of taking a degree

Vitaly V. Kovalev¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia
e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is conditioned by the innovative nature of the rules on degree defense by scientific report and the lack of proper expertise of the adopted rules on the part of the scientific community. The problem is posed, according to which the adoption of new rules on the defense of academic degrees on the basis of a set of publications with a high degree of probability can lead to the growth of imitation practices in the form of replacing a full-fledged dissertation with a pseudo-scientific report. The hypothesis is put forward, according to which the transition to defense by scientific report will lead to a decrease in the quality of training of scientific personnel.

Methods. The methodological framework is defined using works written within the conceptual boundaries of the managerialist approach. The applied research was carried out using the documentary method. The source of empirical information were acts of the Government, Ministry of Education and Science and VAK RF, local documents of the Southern Federal University, state statistics data.

Results and its discussion. The subject structure of the article consists of three elements. The first element is formulated as a characterization of the institutional rules of the thesis on scientific report. Two issues were considered here: the logical scope of the notion of the degree conferral by scientific report and the limitations of the normative order of the dissertation defense by the set of publications. It was established that the scientific report is identified with three attributes: great importance for science, brevity and popularity among a wide range of specialists. The opportunity to defend by scientific report is given to full-time graduate students during the period of study and doctoral students who have a portfolio of an extended list of scientific publications. The defense can take place only in the permanent dissertation councils with the subsequent obligatory summons to the expert council of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The second element of the subject of the study is the reasons and expected results from the introduction of an alternative mode of degree fulfillment. The results were obtained by analyzing three variables: 1) the norms that define the process of a scientific report; 2) the current situation with the training of scientific personnel; 3) the managerialist model of assessing the effectiveness of science and higher education organizations implemented by the state. It is concluded that the purpose of the degree is not to improve the quality of training of scientific personnel, but to provide indicators for the defense of postgraduate students in order to declare the supposed effectiveness of state management of higher education and science. The third element of the subject of the study is the possible options for improving the order of the competition for a degree on the defense of a scientific report. The author proposes to raise the entrance barriers to the degree by scientific report through expanding the mandatory volume of scientific publications and improving their quality by increasing the proportion of publications in journals from K1 to K2. There is also a proposal to officially prohibit the charging of money for the provision of publishing services.

Keywords: scientific report; set of publications; dissertation; training of scientific personnel; VAK RF; academic degree; dissertation; dissertation defense.

For citation: Kovalev V.V. (2024). Defense by scientific report as an alternative (managerialist) way of taking a degree. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), P. 8-21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.1>

Введение

Социальный институт высшего образования и науки продолжает реформироваться. Начатые на рубеже XX-XXI вв. преобразования коснулись практически всех аспектов его функционирования. Не затронутым по базовым основаниям до недавнего времени оставался лишь порядок присуждения учёных степеней. Здесь тоже были определенные инновации, но они имели в значительной степени поверхностный характер, касаясь в основном повышения входных барьеров для соискателей. Последние несколько лет ситуация начала меняться и в системе аттестации научных кадров. Наиболее значимой реформой, которая потенциально способна полностью трансформировать процесс получения учёных степеней, стало введение правил, допускающих порядок защиты диссертации по научному докладу. Они были приняты Постановлением Правительства РФ от 20 марта 2021 г. № 426 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 26 мая 2020 г. №751». Этим актом разрешалась защита докторской диссертации по совокупности публикаций при наличии не менее 50 статей, опубликованных в журналах из списка ВАК РФ. Постановлением Правительства РФ от 26 октября 2023 г. № 1786 данный порядок был распространён на кандидатские диссертации.

Подобное правило существовало и ранее, но оно применялось лишь в порядке исключения, только для докторских диссертаций и лишь в тех случаях, когда научное сообщество считало нецелесообразным оформлять выдающиеся достижения некоторых учёных по строгим квалификационным нормам. Текущие преобразования имеют несколько иную природу и совсем другие мотивы. Более того, новые правила о «научном докладе» уже скоро могут стать массовой практикой, вытеснив собой традиционную форму защиты диссертации, как более обременительную и затратную. А это с высокой степенью вероятности повлечёт наступление последствий, потенциально способных разрушить всю систему подготовки научных кадров.

Соискатели пока ещё не спешат воспользоваться новыми возможностями. Широко распространённой практики защит, за исключением отдельных случаев, на данном этапе времени не сложилось. Следовательно, нет и эмпирического материала, который можно было бы изучать с точки зрения социологической предметности. Вероятно, именно по этой причине учёные не торопятся вынести свои суждения новому институциональному порядку. Постепенно складывающийся научный дискурс поддерживается, как правило, юристами, которые по традиции оперативно реагируют на любые изменения в законодательстве. Некоторые из них высказывают определенного рода опасения, связанные с вероятными последствиями от реформы. Так, С.Ю. Егоров обращает внимание на нарушение принципа равенства возможностей (Егоров, 2022), Е.Н. Дорошенко допускает снижение качества подготовки кадров, хотя и не связывает это напрямую с реализуемой реформой (Дорошенко, 2023). В то же время, каких-либо глобальных проблем и трудностей учёные не видят. И.М. Мацкевич и вовсе полагает, что новый порядок лишь укрепит систему отечественных научных журналов, а также поспособствует распространению практики создания разовых диссертационных советов (Мацкевич, 2023). По нашему мнению, столь оптимистичное восприятие проводимых реформ не вполне оправданно. Если мы говорим лишь о количественных показателях, как индикаторах качества, то ракурс реформирования, безусловно, выбран правильно. Но, нетрудно догадаться, что прямой корреляции между качеством и количеством в науке нет. И, следовательно, вопрос о роли и значении реализуемых

преобразований нужно формулировать несколько иначе, не отрывая его от тех социальных процессов, которые протекают в современной науке.

В свете сказанного, цель данной статьи сформулирована следующим образом: определить цели, выгодоприобретателей и вероятные последствия от введения процедуры соискания учёной степени по совокупности публикаций на основе научного доклада.

Методология

Мы высказываем предположение, что реформа нормативного порядка аттестации научных кадров проводится в рамках более общей реформаторской политики, ориентированной на внедрение менеджеристских инструментов оценки эффективности высшего образования и науки. С этой позиции теоретическая платформа исследования зиждется на работах по менеджеристской проблематике. Имеющиеся эмпирические данные будут интерпретированы с точки зрения представлений о том, что основная цель реформ состоит в повышении количественных показателей как базового индикатора, указывающего на рост управленческой эффективности в системе высшего образования и науки. Основным источником эмпирической информации – нормативные акты Правительства России и министерства высшего образования и науки РФ. Дополнительно используются правовые акты Южного федерального университета, дополняющие федеральное законодательство.

Результаты и их обсуждение

Общая характеристика институциональных правил соискания учёной степени по научному докладу.

Первый вопрос, который следует обстоятельно разобрать, заключается в установлении логического объёма понятия «научный доклад». В нормативных документах не проясняется следует ли его считать обычным докладом, совокупностью публикаций, авторефератом или какой-то иной формой диссертации. Законодатель достаточно произвольно использует все четыре варианта. Но, может так стать, что ни один из них не удовлетворит имеющимся в нормативных актах упоминаниям.

В абз. 3 п. 15 Положения о присуждении ученых степеней ВАК РФ сказано, что «диссертация в виде научного доклада представляет собой краткое обобщенное изложение результатов проведенных соискателем ученой степени исследований и разработок, известных широкому кругу специалистов». Однако в абз. 4 п. 25 этого же документа отмечается, что «диссертация в виде научного доклада рассылается членам диссертационного совета, принявшего диссертацию к защите, и заинтересованным организациям как автореферат». То есть диссертация отождествляется уже с авторефератом. Кроме того, во всех упоминаниях в нормативных актах анализируемая форма научной работы определяется как «научный доклад, подготовленный на основе совокупности ранее опубликованных соискателем ученой степени работ» (см., напр., абз. 3 п. 12(1) Положения о присуждении ученых степеней ВАК РФ).

Итак, все четыре определенных выше понятия – доклад, совокупность публикаций, автореферат, иная форма диссертации – законодатель употребляет в качестве равноценных. Подобную небрежность считаем недопустимой и даже безответственной. Начнем с того, что автореферат – это не диссертация, а диссертация – не автореферат. При этом ни первое, ни второе не могут быть научным докладом. А научный доклад, в свою очередь, не может интерпретироваться как диссертация. По всей видимости, это альтернативный способ соискания учёной степени, т.к. он не обладает важнейшими признаками диссертации.

В научной традиции даны четкие определения того, что следует считать диссертационной работой. По мнению Ф.А. Кузина «...это особый вид научного произведения, которое представляет собой отражение средствами литературы научного исследования, в котором реализуется научное творчество как процесс научного

освоения действительности и как создание научных ценностей, обогащающих саму науку» (Кузин, 2000, с. 6). Как считает А.В. Лубский, диссертация представляет собой «...самостоятельное научное исследование, которое проводится в соответствии с определенными требованиями, принятыми в научном сообществе и системе ВАК» (Лубский, 2015, с. 205). С точки зрения В.В. Громыко диссертация является «особой разновидностью научного исследования, выполненного в соответствии с устоявшимися методологическими правилами» (Громыко, 2016, с. 4). С.Г. Селетков указывает на полноту и системность как важнейший признак диссертационного исследования (Селетков, 2013).

Из этих определений следует, что диссертация традиционно понималась учёными как крупная, обладающая свойствами системности научная работа, написанная по определённым правилам. Совершенно очевидно, что к научному докладу данное понимание не применимо. Во-первых, доклад не является научной работой. Он содержит в себе лишь какие-то из идей, выбранные из других научных работ. Во-вторых, это не крупное и не системное исследование. В-третьих, Положение о присуждении ученых степеней ВАК РФ практически индифферентно к определению того, как нужно писать научный доклад и какие структурные элементы он в себя включает. По всей видимости, федеральные реформаторы оставили детализацию на усмотрение научных сообществ, ответственных за подготовку научных кадров. Отчасти эти ожидания реализовались. Так, определенные указания на представление о содержательной структуре научного доклада дает абз. 3 п. 3.2 Положения о присуждении ученых степеней ЮФУ. В нем сказано, что «диссертация, оформляемая в виде научного доклада, имеет следующую структуру: а) обложка; б) оглавление; в) текст диссертации, включающий в себя введение, основное содержание, заключение, список литературы, список научных публикаций, в которых изложены основные научные результаты диссертации...». То есть по сути, мы имеем дело с неким подобием автореферата, на который не распространяются квалификационные требования, предъявляемые к автореферату.

Иными словами, законодатель называет диссертацией то, что на самом деле диссертацией не является, а внешне похоже на автореферат, не имеющий квалификационных характеристик. Несколько огрубляя ситуацию, диссертацией в такой модели выступает научный доклад и совокупность статей соискателя, которые с учётом рассмотренных выше признаков диссертации следует считать квазидиссертацией (её формальным подобием). И если это так, то материалы, заключённые в таких статьях, должны быть выдающимся научным достижением, освобождающим их автора от демонстрации определенного рода умений, которые в процессе экспертизы диссертации принято проверять у молодого учёного. Речь идет о разработке концепции, анализе степени научной разработанности проблемы, создании теоретико-методологических оснований, структурировании предмета исследования, предложении практических рекомендаций и т.п. Но по каким признакам допустимость защиты на основе научного доклада можно считать обоснованной? Как установить, что соискатель учёной степени овладел в совершенстве научным мастерством? Какие научные достижения свидетельствуют о том, что проверять его профессиональные умения не представляется необходимым?

Индикаторы, указывающие на то, что молодой учёный уже сложился в маститого специалиста, сформулированы очень неопределенно. Ранее совершенно не случайно право соискать учёную степень по научному докладу предоставляли лишь для докторских диссертаций. Выдающимся учёным не нужно было доказывать свою состоятельность. У них уже была устойчивая репутация в научном сообществе. Именно по этой причине действующее законодательство апеллирует к тому, что статьи, воспринимаемые в качестве квазидиссертации, должны иметь большое значение для науки, техники и технологий (абз. 1 п. 3.1.1 Положения о присуждении ученых степеней ЮФУ). Главный критерий – большое значение для науки. Но кто это будет

устанавливать? Если додумывать, то, вероятно, имеется в виду научное сообщество в лице действующего диссертационного совета. Или всё-таки выпускающей кафедры? Или сохраняется тот же порядок, который принят в отношении традиционных диссертаций? Опять вопросы. Но даже если они разрешатся через дополнительные пояснения, главная проблема такой модели, где отсутствует сам объект оценки в виде диссертации, состоит в том, что научная состоятельность исследований соискателя учёной степени устанавливается не по самодостаточной работе (диссертации), интегрирующей в себе комплекс определенных умений, а на основе совокупности разрозненных текстов, наличие у которых общего композиционного замысла даже не предусматривается. Это потенциально таит в себе высокие риски злоупотреблений, главный из которых – допуск к защите лица, не показавшего необходимый уровень развития профессиональной культуры.

В абз. 3 п. 15 Положения ВАК и в абз. 3 п. 3.1.1 Положения ЮФУ приводится ещё один индикатор научной состоятельности достижений соискателя: «Диссертация в виде научного доклада представляет собой краткое обобщенное изложение результатов, проведенных соискателем ученой степени исследований и разработок, известных широкому кругу специалистов». Если не фантазировать, а воспринимать текст буквально, то под известностью подразумевается всего лишь расширенное, по сравнению с обычным порядком, количество публикаций. Но разве можно считать опубликование рукописи в научном журнале свидетельством того, что она была прочитана и стала «известна широкому кругу специалистов»? Это лишь возможность, которую надлежит установить, но совсем не социальный факт. И, наконец, даже если рукопись имеет некоторое количество просмотров по счётчику РИНЦ, допустимо ли это считать выдающимся научным достижением? А если прочитанное вызвало разочарование или отторжение? А если прочитанное накручено самим автором и является лишь имитацией известности? Это означает, что инициаторы реформ не желают видеть разницы между потенциальной возможностью и реальным состоянием. По сути происходит подмена понятий: публикация в журналах, которые с высокой степенью вероятности не читаются, отождествляется с известностью «широкому кругу специалистов». Данное представление сильно расходится с реальным положением в издательском деле, в котором многие элементы являются в большей степени бизнесом, чем наукой.

Второй вопрос, который не менее актуален, чем установление логического объёма понятия «научный доклад», это отграничение процессуального допуска к защите по совокупности публикаций от традиционной защиты по диссертации. Мы выявили четыре существенных различия. Их нормативный смысл заключается в том, чтобы установить более высокие входные барьеры по сравнению с теми, которые действуют, когда защита проводится с полноценной диссертацией.

Первое ограничение: *соискание учёной степени по научному докладу разрешается только для аспирантов очной формы обучения и докторантов.*

Устанавливается абз. 3 п. 15 Положения ВАК РФ. Однако для аспирантов вводится одно значимое уточнение. Новая модель защиты применяется лишь в период обучения в аспирантуре или в течение одного года после окончания обучения. Абз. 2 п. 3.1.1 Положения ЮФУ подтверждает федеральную норму, но не вводит т.н. санитарный год после завершения учёбы в аспирантуре. Иными словами, аспиранты Южного федерального университета могут воспользоваться правом защищаться по научному докладу лишь в течение трёх лет от даты поступления в аспирантуру. По истечении этого времени от них потребуют предоставить полновесную диссертацию.

Второе ограничение: *соискание ученой степени по научному докладу не допускается в разовых диссертационных советах.*

В соответствии с абз. 5 п. 16 Положения о присуждении ученых степеней ВАК соискатель ученой степени имеет право представить диссертацию к защите в любой диссертационный совет, за исключением диссертации в виде научного доклада,

представление которой в разовый диссертационный совет не допускается. Этот же запрет подтвержден пп. «и» п. 20, где сказано, что основанием для отказа в приёме диссертации к защите является представление соискателем ученой степени в разовый диссертационный совет диссертации в виде научного доклада. Положение о присуждении ученых степеней ЮФУ подобное ограничение не содержит. Едва ли подобное расхождение с федеральным законодательством следует считать оправданным.

Третье ограничение: *соискание ученой степени по научному докладу возможно при наличии большего количества квалификационных публикаций.*

Положение о присуждении учёных степеней ВАК даёт по этому вопросу самые общие указания. Так, в абз. 4 п. 13 указано, что допуск к защите докторской диссертации по совокупности научных публикаций предоставляется, если их объём за последние десять лет составляет не менее 50 статей. Требования к защите кандидатской диссертации – не менее 10 статей (абз. 9 п. 13 Положения...). В абз. 10 п. 13 Положения о присуждении ученых степеней ВАК содержится важное уточнение, в соответствии с которым минимальное количество публикаций дифференцируется на основании категоризации журналов из списка ВАК РФ.

Диссертационные советы, работающие в автономном режиме, устанавливают свои правила. В Южном федеральном университете требования к количеству публикаций не отличается от федерального законодательства. Но детализация публикаций по категориям журналов из списка ВАК реализована непосредственно в Положении о присуждении учёных степеней. Соискателю предлагается опубликовать из 10-и не менее 3-х статей в журналах K1 и K2 (абз. 1 п. 2.5). Ещё одной квалификационной нормой является участие в не менее, чем 5-и конференциях, из которых по меньшей мере две должны быть международные. Участие в них следует подтверждать не только традиционной фиксацией доклада в программе конференции, но и публикацией в форме статьи (абз. 2 п. 2.5). Квалификационным порогом для докторских диссертаций определена численность статей в журналах из Перечня ВАК за последние 10 лет в объёме 50 публикаций в журналах K1 и K2, в том числе не менее 25 статей в журналах K1 (п. 2.7). Очень важно отметить, что в Положении ЮФУ наконец-то ясно и категорично решен вопрос со всякого рода сборниками и тезисами конференций, издаваемых с индексацией в базах Scopus и Web of Science. Такого рода публикации не являются квалификационными и не отождествляются ни с одной из трёх категорий журналов из списка ВАК.

Защищающимся по техническим наукам также следует знать, что патенты на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, свидетельства о государственной регистрации программ для электронных вычислительных машин, баз данных, топологий интегральных микросхем не приравниваются к публикациям, если соискание ученой степени осуществляется по совокупности публикаций (абз. 3 п. 12(1) Положения ВАК и п. 2.9. Положения ЮФУ). Данная норма, очевидно, принята с целью предотвращения споров о принадлежности публикаций, отождествляемых с патентами и пр., к той или иной категории в рамках классификации ВАК РФ.

Четвертое ограничение: *соискатель учёной степени по научному докладу всегда вызывается на экспертный совет ВАК.*

В абз. 3 п. 44 Положения о присуждении учёных степеней ВАК сказано, что при защите диссертации в виде научного доклада соискатель учёной степени приглашается на заседание экспертного совета не позднее чем за 10 дней до дня соответствующего заседания. Положение о присуждении учёных степеней ЮФУ подобного ограничения не содержит.

Появление четырёх рассмотренных ограничений, видимо, вызвано опасениями, что соискание учёной степени по научному докладу может при определённых обстоятельствах привести к снижению качества подготовки научных кадров. С этих

позиций их принятие следует признать разумным и обоснованным. Следовательно, очень важно понять при каких обстоятельствах могут возникнуть вероятные отклонения в ожидаемых результатах.

Причины и ожидаемые результаты от введения альтернативного (менеджеристского) способа соискания учёной степени.

Чтобы выяснить причины изменения институционального порядка подготовки научных кадров, нужно принять во внимание три переменных: 1) нормы, определяющие процесс соискания учёной степени по научному докладу; 2) сложившуюся ситуацию с подготовкой научных кадров; 3) реализуемую государством менеджеристскую модель оценки эффективности организаций науки и высшего образования.

Первую переменную мы обстоятельным образом уже проанализировали, разобрав все нормы о соискании учёной степени по научному докладу. Теперь можно сделать выводы. Совершенно очевидно, что данный порядок принят для того, чтобы упростить аспирантам возможность защитить диссертацию. Причем не когда им захочется, а только в период их обучения, что важно для выполнения целевых показателей эффективности. После того, как время, актуальное для включения их защит в отчеты по науке истекает, они уже не смогут воспользоваться своим право защищаться по совокупности публикаций. В «просроченный» период времени, который никак не влияет на выводы об эффективности управления наукой, им придется писать или дописывать диссертацию в традиционной форме. Обычным соискателям, прикрепленным к вузам «со стороны», это льготное право не предоставляется.

Теперь рассмотрим вторую переменную. Смысл создания для аспирантов благоприятствующей ситуации легко раскрывается через статистику защит диссертаций за последние несколько лет. Она представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Основные показатели деятельности аспирантуры*

Год выпуска из аспирантуры	Численность обучающихся в аспирантуре	Количество защитивших диссертацию, в %
2010	157.4	33.8
2011	156.3	33.1
2012	146.8	35.2
2013	132.0	34.7
2014	119.9	28.3
2015	109.9	25.8
2016	98.4	26.0
2017	93.5	16.1
2018	90.8	17.7
2019	84.3	15.5
2020	87.8	14.0

* *Источник:* расчеты ИСИЭЗ НИУ ВШЭ на основе данных Росстата; результаты проекта «Подготовка справочных и аналитических материалов по вопросам развития науки в Российской Федерации и за рубежом, подготовка предложений по развитию статистического наблюдения в сфере науки с учетом актуализации мер государственной политики» // <https://issek.hse.ru/news/963963519.html>

2021	90.2	14.3
2022	109.7	13.9
2023	121.6	14.1

Нетрудно заметить постепенное, а временами и довольно резкое снижение количества выпуска аспирантов с защищенными диссертациями. Причин такого состояния довольно много, и они, вне всяких сомнений, должны стать предметом для самостоятельного рассмотрения. Что касается нашей проблематики, то выскажем следующее предположение: основной причиной институционализации правил о соискании ученой степени по совокупности публикаций является существенное снижение количества защит диссертаций по итогам обучения в аспирантуре.

Озабоченность руководителей из минобрнауки представленной ситуацией нельзя понять вне контекста, который формируется принятой управленческой политикой. Это третья переменная – реализуемая государством менеджеристская модель оценки эффективности организаций науки и высшего образования.

В наших публикациях последних лет мы отстаиваем тезис о том, что система государственного управления в России последних двадцати лет основывается на ценностях менеджеристской идеологии. Здесь мы подробно не будем останавливаться на всех её аспектах и содержательных особенностях. Для решения задач данной статьи достаточно принять во внимание лежащий на поверхности менеджеристского управления тезис, в соответствии с которым управленческая эффективность измеряется посредством положительной динамики количественных показателей. Однако его констатация не освобождает нас от необходимости показать взаимосвязь между управленческими практиками и достижением целей, которые преследуются субъектами управления.

Начнем с того, что повышение удельного процента защищенных диссертаций от численности поступивших на обучение аспирантов предусмотрен Постановлением Правительства РФ от 13 мая 2021 г. №729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства "Приоритет-2030"». От выполнения заданных нормативов зависят объемы прямого финансирования по всем аспектам деятельности образовательных организаций (Жучкова, Павлюк, 2024).

Показатели защищенности аспирантов также прямо влияют на некоторые показатели по ректорским эффективным контрактам. Так, согласно Приказу минобрнауки от 1 февраля 2022 г. №92 «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений» важнейшим показателем выступает «доля работников в возрасте до 39 лет в общей численности НПР». Если их доля достигает показателя свыше 45%, то за эффективность вузу начисляется 10 баллов. Каждый балл измеряется фиксированным объемом денежных средств, которые по совокупности баллов за все показатели получает руководитель образовательной организации. Такие же показатели имеются в эффективных контрактах и руководителей министерства науки и образования. Поэтому вся управленческая вертикаль минобрнауки материально заинтересована в повышении роста защит аспирантов, которых потом можно использовать как кадровый резерв для повышения «доли работников в возрасте до 39 лет в общей численности НПР».

От роста показателя защищенности аспирантов напрямую зависит финансирование самой аспирантуры, то есть выделение образовательной или научной организации количества бюджетных мест. Этот порядок регулируется Приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 28 августа 2023 г. № 824 «Об утверждении Порядка проведения конкурса по распределению контрольных цифр

приема...». Раздел 5 этого Приказа посвящен аспирантуре, а п. 5.2 регулирует показатели, характеризующие качество выпуска. В пп. 5.2.1 имеется показатель, устанавливающий соотношение числа защищенных диссертаций и выпущенных в отчетном году аспирантов. За достижение минимального порогового барьера образовательной организации начисляется 25 баллов. По релевантности данный показатель один из самых значимых. Но образовательная организация может рассчитывать на 25 баллов лишь в том случае, если достигнет минимальный пороговый барьер в 20% защит диссертаций от числа завершивших обучение аспирантов. Напомним, что в 2023 году соотношение защит от числа завершивших обучение было 14.1% (таблица 1), а непосредственно в образовательных организациях и того меньше – 11.2%. Иными словами, по средним статистическим данным вузы, претендующие на прием обучающихся в аспирантуру, не доходят даже до минимальных показателей.

В реальных практиках распределения показателей могут быть разные, но по медианным значениям работа аспирантуры признается неэффективной. Даже крайне низкий показатель (20%) по защищенности аспирантов вузы выполнить не в состоянии. Отсюда понятным становится стремление руководителей минобрнауки, научных и образовательных организаций снизить объём требований к диссертациям, чтобы улучшить внешние индикаторы своей управленческой состоятельности. Вместо того, чтобы изучать реальные причины деградации аспирантуры, инициаторы реформы решили искусственно поднять уровень управленческой эффективности. Разумеется, это не имеет никакого отношения к качеству подготовки научных кадров, но, если соискание учёных степеней по совокупности публикаций повысит процент защищаемости диссертаций, это именно так в отчётных документах и назовут.

Возможные варианты улучшения порядка соискания учёной степени по защите научного доклада

Главная проблема такой модели состоит в том, что научная состоятельность публикаций соискателя учёной степени устанавливается исключительно через субъективное усмотрение, с игнорированием сложившихся научных традиций и правил, что потенциально таит в себе высокие риски злоупотреблений. С этой точки зрения идеальным вариантом была бы отмена возможности защищать кандидатские диссертации по научному докладу. Но, как нетрудно понять из предыдущего изложения, руководство минобрнауки на такой шаг не пойдёт. Реальных предпосылок к тому, чтобы повысить качество подготовки кадрового резерва в аспирантуре нет. Проблем настолько много, что простым давлением количественных показателей на руководство вузов их уже не решить. Поэтому власть вполне сознательно пошла на имитационные практики, чтобы хотя бы как-то совместить собственные потребности в декларации управленческой эффективности и формально связанные с ними количественные показатели. Очевидно, что в этом имеются признаки академического мошенничества, но менеджеристская логика иных вариантов социального поведения не предоставляет. Каждый из аутсайдеров конкурентной борьбы теряет финансирование от государства. И в таком положении имитационные практики – это всего лишь способ адаптации к институциональным правилам, заданным управленческой моделью. Отказ от защиты по совокупности публикаций был бы логичен, если бы власть нашла в себе силы сделать полный демонтаж менеджеризма в сфере высшего образования и науки, признав ошибочность выбора этой либеральной и экзогенной российским традициям концепции управления. В связи с этим мы настаиваем на полной отмене новых правил о защите диссертации, а предлагаем сделать в них некоторые уточнения.

Наиболее существенные изменения мы считаем нужным внести в количественные и качественные характеристики совокупности публикаций, которая предоставляет квалификационные основания защищаться по научному докладу. По нашему мнению, объём статей, достаточный для получения права претендовать на кандидатскую степень, следует увеличить до 20-и. ВАК РФ и ДАНК ЮФУ рекомендуют оптимальный

объем в 10-ть публикаций. Нам представляется, что данная цифра сильно занижена. Напомним, что в действующем законодательстве «совокупность публикаций» отождествляется с «диссертацией» через признак общеизвестности работ соискателя. Если это так, то соискателю кандидатской степени будет нетрудно свои выдающиеся работы обнародовать в 20-и публикациях. Кроме того, считаем необходимым поднять требования к качественному составу публикаций. Их следует увеличить с 3-х рекомендованных в журналах К1 и К2 до 10-и. При этом не менее 5-и должны быть размещены в журналах К1.

Данные предложения отчасти отражают наше представление о том, что уровень неоправданной коммерциализации в редколлегиях журналов К1 ниже, чем в К2 или К3. Едва ли это утверждение применимо к каждому из журналов, но наше личное знание ситуации в отрасли социологических наук свидетельствует о том, что общая тенденция отражена верно.

В Положениях ВАК и ЮФУ отсутствует детализация и систематизация требований к публикациям из списка ВАК. Нигде не указано, что должны включать в себя научные статьи. Между тем, диссертации имеют строгую структуру, отражают способность соискателя мыслить логически, систематизировано, фундаментально, иметь и проявлять навыки к эмпирической работе. В связи с этим возникает много вопросов относительно содержания публикаций, дающих право защищаться на основе научного доклада. Должны ли быть обнародованы отдельно теоретические и эмпирические статьи, а также рукописи, посвященные структурированию сложившейся научной традиции, каким образом это принято в текстах диссертации? И если должны, то каковы шансы на опубликование именно таких работ? Эти сомнения значимы в контексте того, что в редколлегиях обычно ориентированы на принятие рукописей, включающих в себя комплексный набор умений. Диссертация же состоит из взаимосвязанных между собой крупных текстуальных фрагментов. Чтобы сделать квалификационные для защиты по научному докладу публикации, их надо будет искусственно разделять в статьях для разных журналов. Между тем, это концептуально противоречит правилам издательской деятельности, нацеленных на внутреннюю завершенность публикуемого результата. Совершенно очевидно, что разрешение защищаться по совокупности публикаций игнорирует целый ряд квалификационных умений, которыми соискатель овладевал в ходе работы над полноценным текстом диссертации. Сама же диссертация во многом выступала инструментом, обеспечивающим своеобразный тренинг по овладению профессиональным мастерством учёного. Написание отдельных, даже очень хороших статей, не в состоянии подменить труд над диссертационным исследованием. Частичное решение проблемы видим в том, чтобы легализовать такие разновидности аспирантских статей как «дискурсивные», «методологические», «эмпирические», «аналитические», «управленческие». Названия имеют дискуссионный характер. И данное предложение не обязательно вносить в Положение о присуждении ученых степеней. Достаточно принять соответствующие Рекомендации. Важно то, что принятие этого предложения позволит экспертной комиссии или рецензентам выпускающих кафедр более квалифицированно оценить уровень профессиональной культуры соискателя ученой степени по научному докладу.

Ещё одна группа рисков связана с возможной деградацией редакционных коллегий научных журналов. Отсутствие требований к качеству и типологии научных статей неизбежно приведет к росту «платных предложений», от которых редколлегиям будет крайне сложно удержаться в связи с резким увеличением значимости публикаций для аспирантов и новыми возможностями защититься «малой кровью». Правила о защите по научному докладу в некотором роде являются провокацией коррупции. Стоит ожидать, что ценники за услуги, которые и сейчас отнюдь не низкие, поднимутся ещё выше.

Трудно представить на что рассчитывали инициаторы анализируемой реформы. Вероятно, они надеются, что научное сообщество само выработает все необходимые

неформальные нормы и новый институт заработает эффективно. Но научное сообщество ещё с 1990-х гг. прошлого века глубоко коммерциализировано. В него проникло множество элементов, которым чужд дух академических правил и ценностей, которые ориентированы на карьеру и/или зарабатывание денег любыми путями и средствами. Многие из них руководят научными и образовательными организациями, возглавляют диссертационные советы, активно участвуют в оппонировании диссертаций, отстраняя, тем самым, честных ученых от процесса принятия академических решений. Но, самое, главное, все эти практики очень органично встраиваются в менеджеристскую управленческую модель. Она ориентирована на эффективность, которую невозможно обеспечить текущим объемом ресурсов. Отсюда неизбежность имитационных практик и дальнейшее ухудшение профессиональной этики. И если это так, то необходимы строгие формальные правила, которые смогут хотя бы как-то снизить рост девиантных действий. Мы убеждены, что ВАК РФ наконец-то должен четко сформулировать правила о запрете взимания денежных средств с авторов, предоставляющих научные рукописи. И это должно быть отнесено не только к аспирантским публикациям, но и ко всем авторам. Сама по себе ситуация, когда ученый платит деньги за то, чтобы получить право опубликоваться, противоречит духу академической науки. Выпуск журнала должен быть символом престижности определенной части научного сообщества, свидетельством его способности привлекать к себе настоящих, а не ряженых учёных. Разрешая развиваться коммерческому рынку платных научных услуг в издательском деле и, одновременно, отождествляя диссертацию по совокупности публикаций с известностью «широкому кругу специалистов» как единственным признаком ее состоятельности, мы порождаем лицемерную практику двойных стандартов, возмущаясь её присутствию в политике, но почему-то считая нормальной в сфере науки.

В целом, нужно отметить, что новый порядок защиты на основе научного доклада требует более обстоятельной регламентации. Возможно даже отдельного документа. Значительная часть норм из действующего Положения экзогенна по своему содержанию принимаемым правилам о защите по совокупности публикаций. Внешне это выглядит так, будто они искусственно встроены в него по чему-то желанию.

Также надо отметить, что уже сейчас определенной частью научного сообщества защита по совокупности публикаций воспринимается как явное снижение научных требований к соисканию учёной степени. Причем масштаб этого снижения никому не понятен, что потенциально может привести к попыткам защититься на основании некоего подобия студенческих рефератов с расширенным содержанием. Это почти наверняка приведет к утрате научных критериев к определению состоятельности идей и текстов соискателя, а вместе с тем к росту конфликтов внутри научного сообщества.

Заключение

Совершенно очевидно, что инициаторы реформы пытаются искусственным образом резко повысить объем защит кандидатских диссертаций. На фоне провалов аспирантской подготовки: отбора в аспирантуру недостойных кандидатур, игнорирования научными руководителями своих обязанностей, снижения качества экспертизы диссертаций, неспособности значительной части нового поколения к научной деятельности – данная попытка выглядит ничем иным, как стремлением скрыть существенные недостатки в работе системы.

Качество науки не измеряется количеством защищенных диссертаций. Оно также не зависит от численности кандидатов наук в стране. А их уменьшение, напротив, не может быть индикатором ухудшения ситуации в отрасли. Поэтому вместо работы над исправлением недостатков нам предлагают принять модель подготовки научных кадров, которая эти недостатки уверенно скроет.

Сам переход к защите диссертаций на основе научных докладов является преждевременным. Прежде, чем к нему переходить, следовало бы навести порядок в

издательском деле. Процедура принятия статей к публикации на платной основе выводит журнал из институциональной сферы научного знания в сферу предпринимательства, а редакцию журнала – в категорию псевдо-предпринимателей. Даже многие журналы из списка ВАК предоставляют платные издательские услуги. Поскольку статьи теперь подменяют текст диссертации, то размещение публикаций на платной основе в таких журналах фактически приравнивается к легальной форме покупки учёной степени за деньги. Рано или поздно, но это создаст правовой прецедент для признания публикаций в платных журналах как коррупционной практики. Присуждение ученой степени является юридическим фактом, порождающим определенные правоотношения. Соискатель, получая диплом кандидата или доктора наук, приобретает право на занятие более высоких должностей, совершение юридически значимых действий и т.п. Это, в целом, связано с ростом его социального статуса. И, с учетом положения дел в отрасли, этот рост напрямую увязывается со способностью соискателя оплачивать издательские услуги. Однако реализация юридически значимых действий не должна иметь в своих основаниях коррупционных источников, создаваемых на легальной основе. Вот почему новая реформа не связана ни с эффективностью управления наукой, ни с повышением качества подготовки научных кадров, ни с созданием условий для роста научных инноваций. За ней стоит попытка скрыть провалы в управлении и при помощи очередных игр с показателями построить привлекательный фасад из псевдонаучных достижений.

Литература

- Громыко, В.В. Методология написания диссертационной работы / В.В. Громыко // *Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова*. – 2016. – №3. – С. 3-15. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2016-3-3-19>
- Дорошенко, Е.Н. О возможности представления диссертации на соискание ученой степени кандидата наук в форме доклада, подготовленного на основе опубликованных работ / Е.Н. Дорошенко // *Актуальные проблемы российского права*. – 2023. – Т. 18. – №5. – С. 173–180. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.150.5.173-180>.
- Егоров, С.Ю. Проблема целостности новой российской системы научной аттестации (на примере требований к диссертации) / С.Ю. Егоров // *Современное образование*. – 2022. – №1. – С. 9-21. <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2022.1.37622>.
- Жучкова, С.В. Аспирантура в приоритете? Совершенствование аспирантуры как элемент программ развития вузов «Приоритета-2030» / С.В. Жучкова, Д.М. Павлюк // *Университетское управление: практика и анализ*. – 2024. – Т. 28. – №1. – С. 21–33. <https://doi.org/10.15826/umpra.2024.01.002>
- Кузин, Ф.А. Диссертация: методика написания, правила оформления, порядок защиты. / Ф.А. Кузин. – М.: Ось-89, 2000. – 224 с.
- Лубский, А.В. Как не следует писать диссертацию, или зачем надо разрабатывать концепцию диссертационного исследования / А.В. Лубский // *Гуманитарий Юга России*. – 2015. – Т. 2. – №1. – С. 203-215.
- Мацкевич, И.М. Изменение законодательства, регулирующего вопросы государственной научной аттестации: перспективы, возможные трудности, пути преодоления / И.М. Мацкевич // *Юридическая техника*. – 2023. – №17. – С. 17-21.
- Селетков, С.Г. Диссертация как феномен научного исследования / С.Г. Селетков // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. – 2013. – Т. 2. – №1. – С. 156-163.

References

- Doroshenko E.N. On the possibility of submitting a dissertation for the degree of candidate of sciences in the form of a report prepared on the basis of published works. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2023; 18(5):173-180. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.150.5.173-180>. (In Russ.)

- Egorov S.Y.* Problem of integrity of the new Russian system of scientific attestation (on the example of requirements to the dissertation). *Sovremennoe obrazovanie = Modern Education*. 2022; 1:9-21. <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2022.1.37622>. (In Russ.)
- Gromyko V.V.* Methodology of writing a thesis. *Vestnik REHU im. G.V. Plekhanova = Bulletin of Plekhanov Russian Economic University*. 2016; 3:3-15. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2016-3-3-19>. (In Russ.)
- Kuzin F.A.* Dissertation: methodology of writing, rules of registration, order of defense. Moscow: Os-89; 2000. 224 p. (In Russ.)
- Lubsky A.V.* How not to write a dissertation, or why it is necessary to develop the concept of dissertation research. *Gumanitarnij Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2015; 2(1):203-215. (In Russ.)
- Matskevich I.M.* Changing the legislation regulating the issues of state scientific attestation: prospects, possible difficulties, ways to overcome. *Juridicheskaya tekhnika = Legal technique*. 2023; 17:17-21. (In Russ.)
- Seletkov S.G.* Dissertation as a phenomenon of scientific research. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Bulletin of A.S. Pushkin Leningrad State University*. 2013; 2(1):156-163. (In Russ.)
- Zhuchkova S.V., Pavlyuk D.M.* Postgraduate studies in priority? Improvement of postgraduate studies as an element of higher education institution development programs "Priority-2030". *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University management: practice and analysis*. 2024; 28(1):21-33. <https://doi.org/10.15826/umpa.2024.01.002>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 6.10.2024

Дата окончания рецензирования: 10.11.2024

Дата принятия к публикации: 13.11.2024

Информация об авторе

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Sectoral and Applied Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: vitkovalev@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Научная статья**УДК 314.7**<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.2>

EDN AMZNEA

Постсоветские диаспоры Юга России: между мигрантофобией и гражданской интеграцией*¹**Андрей В. Бедрик**¹¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: avbedrik@sfedu.ru**Галина И. Чикарова**²²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: chikarova@sfedu.ru**Аннотация**

Введение. В постсоветский период миграционные волны существенно изменили демографический облик Юга России. Сегодня Юг России – мультикультурный и миграционно насыщенный регион, в котором пересечение культур может приводить как к интеграции, так и к межэтническим напряжениям. Средства массовой информации играют важную роль в формировании общественного восприятия мигрантов, особенно в отношении постсоветских диаспор. Цель статьи – выявить специфику восприятия миграции в регионах Юга России.

Методы. Положения статьи основываются на анализе стилистики и тональности освещения миграционных вопросов в российских СМИ.

Результаты исследования. В отношении постсоветских диаспор на Юге России сохраняются устойчивые этнофобии, которые усиливаются медийной риторикой. Выделено несколько образов, которые транслирует медиа: образ «преступника», «конкурент за ресурсы», «культурный чужак», образ «жертвы». Высокий уровень ксенофобии и отрицательное отношение к мигрантам в обществе требуют реализации ключевых шагов на пути к гармоничному сосуществованию народов, среди которых программы интеграции, сбалансированное освещение в СМИ и развитие мультикультурных диалогов.

Ключевые слова: миграция; постсоветские диаспоры; мигрантофобия; этнофобия; миграционная политика; Юг России.

Для цитирования: Бедрик А.В., Чикарова Г.И. (2024). Постсоветские диаспоры Юга России: между мигрантофобией и гражданской интеграцией. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), С. 23-30. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.2>.

**Post-Soviet Diasporas of Southern Russia:
between migrant phobia and civic integration*²****Andrey V. Bedrik**¹¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: avbedrik@sfedu.ru**Galina I. Chikarova**²²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: chikarova@sfedu.ru

*Статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда №23-28-01721 «Диаспорные институты в интеграции и дезинтеграции полиэтнического сообщества Юга России».

² The article was carried out within the framework of the project of the Russian Scientific Foundation №23-28-01721 «Diaspora institutions in the integration and disintegration of the multiethnic community of the South of Russia».

Abstract

Introduction. In the post-Soviet period, migration waves significantly changed the demographic appearance of Southern Russia. Today the South of Russia is a multicultural and migration-saturated region in which the intersection of cultures can lead to both integration and interethnic tensions. The mass media play an important role in shaping the public perception of migrants, especially in relation to post-Soviet diasporas. The purpose of the study is to identify the specifics of the perception of migration in the regions of Southern Russia.

Methods. The article is based on the analysis of the style and tone of coverage of migration issues in the Russian media.

The results of the study. Persistent ethnophobia in relation to the post-Soviet diasporas exists in the South of Russia. It is reinforced by media rhetoric. There are several images that are broadcast by the media: the image of a "criminal", "competitor for resources", "cultural outsider", the image of a "victim". The high level of xenophobia and negative attitude towards migrants in the society require the implementation of key steps towards the harmonious coexistence of peoples, including: integration programs, balanced media coverage and the development of multicultural dialogues.

Key words: migration; post-Soviet diasporas; migrant phobia; ethnophobia; migration policy; South of Russia.

For citation: Bedrik A.V., Chikarova G.I. (2024). Post-Soviet Diasporas of Southern Russia: between migrant phobia and civic integration. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), P. 23–30. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.2>.

Введение

Вопросы межэтнических отношений становятся все более значимыми в современном мире, особенно в регионах с высоким уровнем миграции. Юг России, как мультикультурный и миграционно насыщенный регион, является ярким примером зоны, где пересечение культур может приводить как к интеграции, так и к межэтническим напряжениям. Миграция в постсоветский период усилила этническое разнообразие в регионе, что сделало взаимодействие различных групп населения критически важным для социальной стабильности.

Фактор миграции играет двоякую роль в межэтнических отношениях. С одной стороны, он способствует культурному обогащению, экономическому развитию и решению демографических проблем. С другой стороны, рост численности мигрантов вызывает опасения в части общества, что усиливает мигрантофобию, порождает стереотипы и конфликты. В условиях глобализации и текущей геополитической обстановки, включая СВО, необходимость разработки эффективных программ интеграции становится приоритетной.

Исследования постсоветских миграций и их влияния на межэтнические отношения широко представлены в научной литературе. В трудах таких авторов, как В.А. Тишков (Миграция и межнациональные отношения..., 2019) и В.М. Кабузан (Эмиграция и реэмиграция в России..., 1998), анализируется историческая и социальная динамика миграционных процессов, в том числе роль постсоветской миграции. Работы социологов В.И. Мукомеля (Мукомель, 2005) и Ж.А. Зайончковской (Зайончковская, 2000) уделяют внимание адаптации и интеграции мигрантов. Однако большинство исследований фокусируются на проблемах Москвы и Центральной России, тогда как Юг России изучен недостаточно. В последние годы появился интерес к вопросам этнической сегрегации, мигрантофобии и роли СМИ в формировании образов мигрантов.

Работы А.В. Малашенко (Малашенко, 2004), Л.М. Дробижевой (Дробижева, 2016) и С.В. Рязанцева (Рязанцев, 2018) акцентируют внимание на роли миграции в формировании новых этнокультурных ландшафтов Юга России.

В статьях А.В. Малашенко рассматривается проблема ислама как культурного и социального фактора, влияющего на отношения мигрантов с коренным населением. Л.

М. Дробижева подчеркивает значимость социальных программ интеграции и изучает уровень ксенофобии в различных регионах. Рязанцев акцентирует внимание на экономических аспектах миграции, особенно на роли строительного сектора в трудовой занятости мигрантов.

Несмотря на значительный вклад, все еще остается недостаток систематизированных исследований о роли средств массовой информации в формировании образов мигрантов и о специфике восприятия миграции в регионах Юга России.

Миграционные волны

В постсоветский период миграционные волны существенно изменили демографический облик Юга России. В 1990-е годы массовая миграция началась с распада СССР и вооруженных конфликтов в республиках. На Юг России переезжали армяне (после Карабахского конфликта), азербайджанцы, молдаване, а также русские из стран Центральной Азии. К 2000-ым годам новая волна миграции была связана с масштабными стройками и спортивными мероприятиями, например, Олимпиадой в Сочи в 2014 г., чемпионатом мира по футболу в 2018 г. Значительное количество трудовых мигрантов прибыло из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана. Большинство приезжих сосредоточены в городах с развитой экономикой: Ростове-на-Дону, Краснодаре, Сочи. После пандемии наблюдается рост внутренней миграции, особенно в направлении крупных региональных центров Юга. Стоит отметить, что значимой остается трудовая миграция в строительный и сельскохозяйственный сектора (Комаровский, 2023).

В настоящее время продолжается прирост диаспор за счет трудовой миграции. В 2021 году, по данным переписи, представленной в Таблице 1, в Ростовской области проживало 86 тысяч армян и 12 тысяч азербайджанцев, в Краснодарском крае – свыше 200 тысяч армян, 8 тысяч азербайджанцев и около 4 тысяч узбеков, в Крыму и Севастополе на лидирующих позициях украинцы, армяне и азербайджанцы. В Республике Адыгея заметно выделяются диаспоры армян (14810) и азербайджанцев (2270). Армянская диаспора также превалирует в Ставропольском крае, однако интересно заметить, что среди всех перечисленных регионов именно в Ставрополье проживает наибольшее количество туркмен (15100).

Таблица 1.

Распределение национального состава на Юге России, Всероссийская перепись населения, 2021 г. (чел.)³

	Ростовская область	Краснодарский Край	Крым	Адыгея	Севастополь	Ставрополье
Армяне	86265	211132	7717	14810	1299	135384
Азербайджанцы	12083	8804	2729	2270	546	13996
Молдаване	1924	2010	1474	172	337	698
Узбеки	4313	4635	2476	693	351	4041
Таджики	4302	2946	671	864	203	1620
Кыргызы	2334	589	104	65	77	300
Туркмены	581	514	77	543	21	15100
Украинцы	26000	29317	14585	2810	25308	9895

³ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 15.11.2024).

			2			
--	--	--	---	--	--	--

Прирост украинской диаспоры в регионы Южной России в 1990-х и 2000-х годах обусловлен рядом факторов, включая экономические и политические изменения, а также последствия региональных конфликтов. Распад СССР и экономический кризис в независимой Украине привели к значительному увеличению миграционных потоков в Россию, особенно в соседние южные регионы. Основными причинами миграции стали экономическая нестабильность, сильные социальные связи и близость и общность языка. Масштабный спад промышленности, инфляция и безработица на Украине побуждали людей искать лучшие условия жизни в экономически более стабильной России. При этом миграцию украинцев в Южную Россию активно поддерживали культурные и семейные связи, исторически сложившиеся в приграничных регионах. Для украинцев Россия, особенно ее южные регионы, была культурно и языково близкой, что облегчало адаптацию.

В 2000-х годах миграционные процессы ускорились за счет усиливающихся экономических различий между странами. Несмотря на улучшение ситуации на Украине, экономическая привлекательность России оставалась выше, что стимулировало миграцию. Южные регионы России предоставляли работу в сельском хозяйстве, строительстве и промышленности, что привлекало украинских мигрантов. Также важно отметить в этот период наблюдался рост студенческой и научной миграции украинцев, а также семейных переселений. Эти волны миграции стали значимым явлением, изменившим структуру украинской диаспоры и ее интеграцию в полиэтнические социумы Южной России. Украинская миграция на Юг России усилилась после начала конфликта в 2014 году и особенно после событий 2022 года. Военные действия в Донецкой и Луганской областях привели к массовому притоку беженцев в Южную Россию. Россия активно принимала украинских переселенцев, предоставляя временное убежище, социальную поддержку и возможность получения гражданства. Этот приток усилил украинскую диаспору, изменил ее демографический состав и структуру, так как в нее вошло много людей из приграничных районов с глубокими этнокультурными связями с Россией.

Этнофобии в медиапространстве

В отношении постсоветских диаспор на Юге России сохраняются устойчивые этнофобии. Этнофобия, или страх и враждебность по отношению к представителям других этнических групп, представляет собой сложное явление, которое часто возникает на основе исторических, культурных или социальных предубеждений. В контексте постсоветского пространства этнофобии приобрели особую значимость в связи с распадом СССР, который разрушил прежние модели межэтнического взаимодействия и обострил чувство национальной идентичности. Основой этнофобий служат стереотипы и негативные установки, которые формируются на фоне конкуренции за ресурсы, политических противоречий и социальных изменений.

На практике этнофобии проявляются в форме дискриминации, стигматизации или культурного исключения. Например, мигранты из Средней Азии или Кавказа в постсоветской России часто сталкиваются с предвзятым отношением на бытовом уровне, а также в медиапространстве, где их образ может быть представлен через призму угрозы безопасности или социальной стабильности. Также у людей возникают негативные ассоциации с радикальным исламом. В общественном сознании мусульманские мигранты и представители кавказских народов начали восприниматься как потенциальная угроза безопасности, что усилило предвзятое отношение к этим группам. Ислам в целом, даже его традиционные или умеренные формы, часто подвергается стигматизации, а мусульманская одежда, такие как хиджабы, становится символом «чужеродности» и вызывает общественную настороженность.

Эта этнофобия усиливается медийной риторикой, где любые упоминания о террористической активности часто сопровождаются акцентом на этническом или религиозном происхождении преступников. Например, в дискуссиях о терроризме

кавказские или центральноазиатские фамилии террористов часто становятся объектом особого внимания, что формирует у общественности связь между этнической принадлежностью, религией и насилием. Особенно остро такие настроения проявились после крупных терактов, таких как захват школы в Беслане (2004 г.) и взрывы в московском метро (2010 г.), события в «Крокус Сити Холле» (2024 г.).

Как уже упоминалось ранее, средства массовой информации играют важную роль в формировании общественного восприятия мигрантов, особенно в отношении постсоветских диаспор. Журналистика задает тон общественному диалогу о миграции, определяя, будут ли мигранты восприниматься как позитивный ресурс или как угроза. В России медиа-сфера часто демонстрирует предвзятость в освещении миграционных вопросов, что значительно влияет на состояние межэтнических отношений.

Мигранты из стран бывшего СССР в российских СМИ часто изображаются через негативную призму. Можно выделить несколько образов, которые транслирует медиа. К первому образу относится образ «преступника». Это один из наиболее распространенных стереотипов, когда идет ассоциация мигрантов с криминальной средой. В новостных материалах о преступлениях часто акцентируется внимание на национальности подозреваемого, особенно если он является выходцем из Центральной Азии или Кавказа. Это усиливает восприятие мигрантов как потенциальной угрозы безопасности. Например, освещение случаев насилия, массовых драк, терактов или нелегальной деятельности, где журналисты подчеркивают этническое происхождение участников, создавая обобщение на всю диаспору.

Второй образ – это «конкурент за ресурсы», когда СМИ нередко изображают мигрантов как конкурентов местного населения за рабочие места, социальные услуги и ресурсы. Такие материалы вызывают чувство несправедливости и усиливают антагонизм. Например, статьи и сюжеты о мигрантах, работающих за более низкую зарплату, акцентируют внимание на экономической ущербности для местных работников.

Третий образ – это «культурный чужак». Еще один популярный медийный образ – мигрант как человек, который не интегрируется в российское общество, сохраняет свои обычаи, отгораживается от местных жителей. Это подогревает страх перед «этническими гетто» и усиливает культурные барьеры.

К четвертому образу можно отнести образ «жертвы». Это альтернативный, но менее распространенный образ мигранта в СМИ – человек, находящийся в уязвимом положении. Его эксплуатируют на работе, лишают прав, подвергают дискриминации. Однако даже в этом случае акцент делается на его беспомощности, что не способствует развитию уважительного восприятия.

Современное российское общество относится к миграции неоднозначно. За последний год стало заметно, что теракт в «Крокус Сити Холле» прервал долгосрочную тенденцию улучшения отношения к мигрантам. В настоящее время отношение к мигрантам остается сложным и неоднозначным, сильно зависящим от конкретных событий и криминальных инцидентов с их участием.

В регионах Юга России, с их исторической традицией многоэтничности, отношение к мигрантам, как правило, более терпимое. Однако и здесь существуют опасения по поводу роста криминала и культурной несовместимости (Аствацатурова, 2002, 67-69). Если говорить про специфику миграции в условиях СВО, то она заключается в усилении потоков вынужденных переселенцев из Украины, что вызывает дополнительное напряжение в регионах.

Механизмы регулирования миграционной политики

С учетом негативной повестки в миграционной тематике, связанной с социальной напряженностью, экономической конкуренцией и культурными разногласиями, необходимо рассмотреть механизмы регулирования миграционной политики. Интеграция мигрантов – это процесс включения мигрантов в экономическую,

социальную, культурную и политическую жизнь принимающего общества. В мире применяются различные модели интеграции, которые зависят от социального контекста, политических стратегий и культурных особенностей страны. Модель мультикультурализма, заключающаяся в сохранении мигрантами своей культурной идентичности при одновременном уважении норм принимающего общества, применялась в Канаде и в Австралии. Канадская политика мультикультурализма включает образовательные программы, поддержку этнических сообществ и предоставление равного доступа к экономическим ресурсам. Например, программа Language Instruction for Newcomers to Canada – LINC. В Австралии проводятся интеграционные курсы и ведется языковая поддержка и развиваются программы инклюзивности на всех уровнях.

Также существует модель ассимиляции, применяющаяся во Франции. Она заключается в том, что от мигрантов ожидается полная адаптация к культуре и нормам принимающего общества с отказом от элементов собственной культуры. Для этого во Франции осуществляются программы обучения французскому языку и ведется обязательное изучение истории Франции для новых граждан. Несмотря на активные усилия, модель часто подвергается критике за недостаток гибкости и конфликты в пригородных районах.

Швеции и Германии присуща интеграционная модель, которая направлена на создание баланса между сохранением культурной идентичности мигрантов и их участием в общественной жизни. Например, после миграционного кризиса 2015 года Германия внедрила обязательные интеграционные курсы, которые включают языковую подготовку, ознакомление с правами и обязанностями, а также помощь в трудоустройстве.

Сегрегационная модель присуща США. Она заключается в том, что мигранты живут обособленно и зачастую не получают какой-либо поддержки от государства. Так, в некоторых районах Соединенных Штатов крупные мигрантские общины остаются изолированными, поскольку программы интеграции носят децентрализованный характер.

Россия, несмотря на значительное количество мигрантов, не имеет разветвленной системы интеграционных программ, сопоставимой с вышеописанными моделями. Это связано с тем, что большинство программ в России носят фрагментарный характер и сосредоточены на контроле миграционных потоков, а не на интеграции мигрантов в принимающее общество. При этом основное внимание уделяется юридическим аспектам, а не социально-культурной или экономической интеграции (Варшавер, 2023, 380-381). Также важным аспектом является высокий уровень ксенофобии и отрицательное отношение к мигрантам в обществе, которые мешают реализации долгосрочных интеграционных программ. В связи с этим, России необходимо внедрять программы интеграции мигрантов, иначе страна может столкнуться с ростом социальной поляризации и ухудшением экономической ситуации. Для сохранения социальной стабильности необходимо работать над преодолением стереотипов и мигрантофобии. Программы интеграции, сбалансированное освещение в СМИ и развитие мультикультурных диалогов – ключевые шаги на пути к гармоничному сосуществованию. Юг России, с его историческим опытом сосуществования народов, может стать примером для всей страны в создании многонационального общества, основанного на доверии и взаимной выгоде.

Литература

Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион) / М.А. Аствацатурова. – Ростов-на-Дону-Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002. – 628 с.

Варшавер, Е.А. Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности / Е.А. Варшавер // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2023. – №2. – С.377-396. – DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396. – EDN: XICTAA.

Дробижева, Л.М. Вариации адаптационного потенциала населения к растущему этническому многообразию / Л.М. Дробижева // Россия реформирующаяся. – 2016. – №14. – С. 379-394. – EDN WBLZOL.

Зайончковская, Ж.А. Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы / Ж.А. Зайончковская // Проблемы прогнозирования. – 2000. – №4. – С. 1-15. – EDN HRTEFR.

Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami.

Комаровский, В.В. Современные миграционные потоки на постсоветском пространстве / В.В. Комаровский // Социально-трудовые исследования. – 2023. – №1 (50). – С. 41-53. – DOI 10.34022/2658-3712-2023-50-1-41-53. – EDN ZPZOHG.

Малашенко, А.В. «Тень ислама над Европой» / А.В. Малашенко // Международная жизнь. – 2004. – № 9. – С.93-106.

Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России / В. А. Тишков, В. В. Степанов, Н. А. Барышная [и др.]. – Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2019. – 340 с. – ISBN 978-5-4211-0243-4. – EDN XRISSQ.

Мукомель, В.И. Российские дискурсы о миграции / В.И. Мукомель // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2005. – №1. (75). – С. 48-57. – EDN НТМКLP.

Рязанцев, С.В. Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы / С.В. Рязанцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2018. – Т. 26, № 4. – С. 718-729. – DOI 10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729. – EDN ZAQDFR.

Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII - начале XX века / В.М. Кабузан; РАН. Ин-т рос. истории. – Москва: Наука, 1998. – 268 с.

References

Astvatsaturova M.A. Diasporas in the Russian Federation: formation and management (North Caucasus region). Rostov-on-Don-Pyatigorsk: SKAGGS Publishing House; 2002. 628 p. (In Russ.).

Varshaver E.A. Integration of migrants through the prism of a constructivist approach to ethnicity. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya=Bulletin of the RUDN. Series: Political Science.* 2023; 2:377-396. (In Russ.).

Drobizheva L.M. Variations of the adaptive potential of the population to the growing ethnic diversity. *Rossiya reformiruyushchayasya=Russia is reforming.* 2016; 14:379-394. (In Russ.).

Zaionchkovskaya J.A. Migration of the population of the USSR and Russia in the twentieth century: evolution through cataclysms. *Problemy prognozirovaniya =Problems of forecasting.* 2000; 4:1-15. (In Russ.).

The results of the VPN 2020. Volume 5 National composition and language proficiency. [Electronic resource] // Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami. (In Russ.).

Komarovsky V.V. Modern migration flows in the post-Soviet space. *Social'no-trudovye issledovaniya=Social and labor research.* 2023; 1(50):41-53. DOI 10.34022/2658-3712-2023-50-1-41-53. (In Russ.).

Malashenko A.V. "The shadow of Islam over Europe". *Mezhdunarodnaya zhizn'=International life.* 2004; 9:93-106. (In Russ.).

Migration and interethnic relations: a resource of public-public partnership in Russia / V. A. Tishkov, V. V. Stepanov, N. A. Baryshnaya [et al.]. Moscow: N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; 2019. 340 p. (In Russ.).

Mukomel V.I. Russian discourses on migration. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii=Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions.* 2005; 1:48-57. (In Russ.).

Ryazantsev S.V. Labor migration to Russia: myths and counterarguments. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika=Bulletin of the RUDN. Series: Economics.* 2018; 4:718-729. – DOI 10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729. (In Russ.).

Emigration and re-emigration in Russia in the XVIII - early XX century / V. M. Kabuzan; RAS. The Institute of Russian History. Moscow: Nauka, 1998. 268 p. (In Russ.).

Дата получения рукописи: 4.10.2024

Дата окончания рецензирования: 26.11.2024

Дата принятия к публикации: 27.11.2024

Информация об авторах

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: avbedrik@sfedu.ru

Чикарова Галина Игоревна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: chikarova@sfedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Bedrik Andrey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: avbedrik@sfedu.ru

Chikarova Galina Igorevna – Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: chikarova@sfedu.ru

The authors have no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья

УДК 316.74:378

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.3>

EDN HMCJAI

Социология высшего образования: к оценке сущности, рисков, институционализации и перспектив в России

Валентин П. Бабинцев¹

¹ Белгородский государственный университет, г. Белгород, Россия

e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Александр М. Осипов²,

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,

г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: osipov.al58@gmail.com

Яна И. Серкина³

³ Белгородский государственный университет,

г. Белгород, Россия

e-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируются итоги развития социологии высшего образования в России за последние двадцать лет. Подчеркивается, что она является особой подотраслью социологии образования, представляющей собой относительно самостоятельную отрасль социологического знания.

Результаты исследования. На основании анализа публикаций в отечественных журналах, монографий и учебников делается вывод о том, что количественные показатели, характеризующие развитие социологических исследований в высшей школе и реализующих их субъектов, недостаточно полно отражают сложившуюся в рамках рассматриваемого сегмента ситуацию и ее социодинамику. В этой связи осуществлен анализ факторов, определяющих развитие социологических исследований проблем высшего образования, к числу которых отнесены тенденции интеграции и дифференциации науки; неполнота ее институционализации; характер влияния объекта на субъект познания; особенности издательской позиции; открытая или латентная дискуссия представителей сторонников и противников реформирования образования; установки, транслируемые административно-бюрократической системой. Сделан вывод о том, что перспективы развития социологических исследований в высшей школе связаны с институционализацией социологии образования. Это предполагает формирование исследовательского сообщества, достижение договоренности относительно принципов и предмета исследования, базовых концепций, достаточного присутствия в программах высшего образования в России.

Ключевые слова: образование; высшее образование; высшая школа; социология образования; объект исследования; предмет исследования; административно-бюрократическая система.

Для цитирования: Бабинцев, В.П., Осипов, А.М., Серкина, Я.И. (2024). Социология высшего образования: к оценке сущности, рисков, институционализации и перспектив в России. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), С 32-46. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.3>.

Sociology of Higher Education: Towards an Assessment of Essence, Risks, Institutionalisation and Prospects in Russia

Valentin P. Babintsev¹

¹ Belgorod National Research University, Russia
e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Alexander M. Osipov²

² Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.
e-mail: osipov.al58@gmail.com

Yana I. Serkina³

³ Belgorod National Research University, Russia
e-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the results of the development of the sociology of higher education in Russia over the past twenty years. It is emphasized that it is a special sub-branch of the sociology of education, which is a relatively independent branch of sociological knowledge.

Results of the study. Based on the analysis of publications in domestic journals, monographs and textbooks, it is concluded that the quantitative indicators characterizing the development of sociological research in higher education and the subjects implementing them do not fully reflect the situation and its sociodynamics within the framework of the segment under consideration. In this regard, the analysis of the factors determining the development of sociological research on higher education problems, which include trends in the integration and differentiation of science; incompleteness of its institutionalization, is carried out; the nature of the object's influence on the subject of cognition; features of the publishing position; open or latent discussion of representatives of supporters and opponents of educational reform; attitudes broadcast by the administrative and bureaucratic system. It is concluded that the prospects for the development of sociological research in higher education are associated with the institutionalization of the sociology of education. This involves the formation of a research community, reaching an agreement on the principles and subject of research, basic concepts, and sufficient presence in higher education programs in Russia.

Keywords: education; higher education; higher school; sociology of education; object of research; subject of research; administrative and bureaucratic system.

For Citation: Babintsev V.P., Osipov A.M., Serkina Y.I. (2024). Sociology of higher education: towards the assessment of essence, risks, institutionalisation and prospects in Russia. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), P. 32-46. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.3>

Введение

Развитие социологии образования как одной из отраслей социологической науки протекает в России непоследовательно и противоречиво. Несмотря на то, что этой области социологического знания уделяют внимание многие исследователи (Вишневский, 2018; Горшков, 2016; Радаев, 2022; Тощенко, 2012 и др.), а ряд авторов давно изучают данную проблематику (Зборовский, 2005; Амбарова, 2016; Шуклина, 2005; Осипов, 2020; Матвеева, 2023 и др.), остаются проблемы, часть которых давно названа (Осипов, Матвеева, 2009). Как изменилась ситуация в этой подотрасли социологии образования? Поскольку ее детально не описать в одной статье, рассмотрим *факторы развития* исследований высшего образования, опираясь на публикации в журналах «Социологические исследования», «Высшее образование в России», некоторые монографии, материалы Всероссийских конгрессов.

Содержание их дает основание утверждать, что в состоянии социологии высшего образования заметны существенные сдвиги. На VI Всероссийском социологическом конгрессе ее проблемам были посвящены не менее 45 докладов (Социология и

общество:..., 2020); они же затронуты в выступлениях по социологии молодежи, управления, науки (Россия в системе современной социальной реальности:..., 2017)⁴. Однако, чтобы понять реальное состояние дел, нужно не только учитывать рост числа публикаций, но именно факторы развития научного процесса в настоящем и, насколько это возможно, в будущем.

Результаты исследования

«Возвращение» к сущности социологии высшей школы⁵

К числу этих факторов, несомненно, следует отнести *тенденции интеграции и дифференциации науки*, каждая из которых имеет неоднозначные, порой амбивалентные следствия. Тенденция интеграции разных отраслей социологического знания и других наук обычно оценивается позитивно: «степень интегрированности разных отраслей научного знания не должна отставать от степени интегрированности изучаемого объекта»⁶ (Яницкий, 2018, 18). Но в качестве побочного эффекта, в силу либеральной научной политики (отсутствия в ней планирования и координации) и спонтанности индивидуальных исследовательских интересов, эта же тенденция ведет к сужению и *размыванию* предмета изучения. В социологии образования размывание проявляется в «выдавливании» его сущности, заключающейся «в повышенном внимании к двум главным аспектам образования – его социально-системным и институциональным характеристикам» (Осипов, Тумалев, 2004, 119; Российская социологическая энциклопедия, 1998, 511–512). Ранее эту точку зрения выразили Ф. Р. Филиппов (1980) и Г. Е. Зборовский (1993–1994). В научной литературе не было возражений против такой формулировки сущности даже при разнообразии базовых парадигм. «Банальный» вопрос состоит в том, следует ли считать социологию высшего образования относительно самостоятельной составной частью (подотраслью) прежде всего социологии образования (что не отрицает ее связей и с иными отраслями социологии)? Для нас положительный ответ на него не подлежит сомнению. Но из этого ответа, если его принимает ученый, позиционирующий себя или свой научный труд в рамках предметного поля социологии образования, вытекает ряд существенных обязательств.

Почему именно эти два аспекта (социально-системный и институциональный) выражают сущность социологического понимания образования? Несмотря на множество диссертаций и учебных пособий, этот вопрос предстоит прорабатывать вновь ввиду того, что социологи часто, в силу особенностей своей теоретической подготовки или «позиции» в изучении образования и высшей школы не учитывают сущности научной отрасли в постановке проблем, двигаются по «индивидуальным рельсам» и даже формулируют новые тематики в русле «межотраслевой интеграции» или «новые социологии». Оправдание происходящего межотраслевой интеграцией в таком ее применении – подчас лукавый инструмент «свободы» исследователей, не берущих на себя профессиональную ответственность перед научной отраслью. В такой «традиции» они не связывают свои действия с задачами социологии образования как целостной науки⁷. Это – путь к размыванию предмета, усилению ее методологического кризиса и снижению ее социально-прикладной отдачи.

Напротив, ориентация исследования на сущностные аспекты социологии образования – институциональные и социально-системные свойства – поддерживает ее теоретическую интеграцию, конструктивность знания и социально-практическую отдачу, но не противостоит дифференциации проблемного поля и развитию ее эвристического потенциала. Такая ориентация требует углубленной методологической подготовки, подлинного научного профессионализма.

⁴ На V конгрессе таких выступлений было менее двадцати.

⁵ Социология высшего образования и социология высшей школы – синонимы.

⁶ Добавим в продолжение этого тезиса: и дифференциации объекта.

⁷ Межотраслевой и междисциплинарный типы исследования требуют изложения позиции ученого по каждой из взаимодействующих отраслей социологии или смежных наук. Пока же «традиция» междисциплинарности освобождает автора от норм конструктивности знания, преемственности, эвристичности и критики, тормозит научный процесс. С теоретическим кризисом такой традиции развивается альтернатива классического предметного деления – проблемное научное знание (работы А. И. Субетто и его научных последователей) и неклассическая социология (работы С. И. Григорьева, Н. А. Матвеевой и др.).

Расплывчатость отраслевой принадлежности (в упомянутой «традиции» межотраслевой интеграции) при обращении к проблемам высшего образования на самом деле реализуется как определенный уход от теоретической ответственности ученого не только перед социологией образования, но и перед другими смежными отраслями социологии (управления, социальной структуры, культуры и др.). Авторы «межотраслевых» исследований образования, как правило, не утруждают себя постулированием своих целей, базовых концепций в каждой из смежных отраслей.

В итоге, предмет социологии образования «заимствуется» другими отраслями социологии, в частности, социологией управления, которая резонно относит вопросы управления вузами к своей предметной области. Однако, поскольку предмет последней также отчасти размыт, управленческие проблемы вузов все чаще будут рассматриваться как объект внимания теории управления и менеджмента (несоциологических областей). Заметим, что издатели и даже редакторы научных журналов нередко «закрывают глаза» на неясную предметную принадлежность рукописей и их отступление от сущности соответствующих или смежных научных отраслей⁸.

Риски отождествления социологии высшего образования с его эмпирическим изучением

Эта, казалось бы, незначительная проблема (любой объект может исследоваться разными науками, формулирующими свой предмет, и они могут частично совпадать). Но она имеет значение для институционализации социологии образования в целом и ее подотрасли, охватывающей изучение высшей школы. Фактически, в случае упрощенного толкования предмета социологии образования ее специфика может быть сведена только к проведению эмпирических исследований поведения участников образовательных пространств, что, впрочем, можно рассматривать как проявление общей болезни российской социологии – увлечение массовыми опросами и Big data (Яницкий, 2018, 18). Такой настрой прослеживается в выступлениях социологов по этой тематике на VI Всероссийском конгрессе. В большинстве их комментируются конкретные исследования, но без теоретических обобщений.

Фактически, это шаг назад в изучении образования, откат от состоявшегося достижения – выработки «корпуса теорий, соответствующих масштабу и границам» изучаемого объекта (Осипов, 2018, 44). Эти теории мыслились как основа изучения высшей школы через призму отношений и связей между общностями в пространстве высшего образования. И задача заключалась не только в том, чтобы диагностировать состояние данных отношений и всех элементов системы высшего образования, но и теоретически осмыслить их существенные взаимосвязи и закономерности.

Именно желание избежать дублирования предметных полей с другими науками и смежными отраслями социологии побуждало и побуждает авторов концентрировать внимание на том, что, по их мнению, отличает их разработки, а именно – на специфике эмпирических данных. Так утверждался «одномерный» взгляд на социологию высшего образования как область, ограниченную ведением и интерпретацией эмпирических исследований. Он отражает как слабость методологической рефлексии самих исследователей, так и прагматическую позицию администраторов высшей школы. Оставался «белым пятном» и отставал в плане разработки вопрос о специфике институциональных функций и социально-системного строения высшего образования⁹.

Противоположная по своей направленности тенденция дифференциации научного знания также имеет неоднозначные следствия. Она оправдана, поскольку

⁸ В журнале «Высшее образование в России» теперь нет предметно-научных рубрик, что исключает его прежнюю активную роль в отношении соответствия статей сущности научных областей, изучающих высшую школу.

⁹ Социально-системное строение не сводится к формальным уровням и типам учреждений, а полагает образование целостным феноменом, применяя к нему язык социологии (Социология образования, 2023, 113 – 124). Оно создает эвристические возможности (в изучении бюрократических патологий, общественной эффективности образования и др.) без нарушения предметной целостности научной отрасли.

отражает рост многообразия социальной реальности. Но при этом грозит чрезмерным увлечением диверсификацией социологического знания, изобретением новых «частных социологий»; в социологии образования формируется, например, «студенческая социология», (Социология и общество:..., 2020). Но поскольку обычно «за деревьями не видят леса», без внимания исследователей часто остаются проблемы общего характера и сохраняется дефицит внимания к развитию отраслевой теории.

К институциональным аспектам высшего образования

Решение теоретико-методологических проблем изначально требовало обращения к теории познания, взаимоотношениям его субъекта и объекта. Но сделать это непросто из-за *неполноты институционализации объекта* – высшей школы как подсистемы образования. Лишь на первый взгляд это утверждение представляется не соответствующим реальному положению дел. Понимая под институционализацией нормативное регулирование процессов и явлений, ученые отметили, что подобная регуляция приняла в постсоветской России превращенные формы (Тхагапсоев, Сапунов, 2016). Кроме того, система образования является *метаинститутом*, обеспечивающим воспроизводство социума, в случае высшей школы – воспроизводство социально-профессиональной структуры социума.

Любой метаинститут характеризуется рядом признаков, состав которых еще предстоит уточнить (проблема метаинститутов исследована весьма слабо), но, по нашему мнению, к ним относятся:

- широкая сфера влияния, распространяющаяся на все общество;
- длительное время существования, соответствующее времени жизни социума;
- наличие универсальной институциональной матрицы, объединяющей разные по своей форме нормы (правовые, нравственные, конвенциональные, традиционные), в рамках единого ценностно-нормативного паттерна;
- многофункциональность – способность регулировать разные сферы социума.

Оценку деятельности, очевидно, следует осуществлять на основе представления о степени полноты выполнения главной функции; в нашем случае – воспроизводства социально-профессиональной структуры общества, которую не отменяют процессы общественной дифференциации. Но современная высшая школа выполняет ее недостаточно эффективно. Большая часть вузов, менеджеры которых руководствуются принципом формальной рациональности, пытаются сформировать у студентов комплекс компетенций¹⁰, но не готовят их к применению этих компетенций. Ж.Т. Тощенко пишет: «Забота о будущем производительном труде выпускников представлена весьма в небольшом объеме среди других многочисленных усилий руководства и преподавателей вузов» (Тощенко, 2024, 29). Возможно, фактор *неполноты* – один из детерминантов *кризисного* развития социологии высшего образования.

Со времен Гегеля и Маркса известно, что наиболее полное знание можно получить не о *становящемся*, а о *ставшем* объекте. Высшее образование, рассматриваемое как социальный институт, в России относится к объектам первого рода. Неполнота институционализации не позволяет в полной мере осмыслить процессы в высшей школе.

Несомненно, в последние годы исследователи продвинулись в освещении проблем институционализации образования и высшей школы. В частности, опубликованы теоретические и учебно-методические (формальный статус последних не снижает их теоретико-методологического значения) работы Г.Е. Зборовского (Зборовский, Шуклина, 2005; Зборовский, Амбарова, 2016; Зборовский, Амбарова, 2019), А.М. Осипова (2023), в которых обстоятельно рассмотрено функционирование высшей школы (Калмыков, Сатырь, 2016; Попов, Шестакова, 2022; Смолин, 2015). Однако

¹⁰ Разоблачение компетентностного подхода к образованию дают многие исследования (Донских, 2013; Levin, 1998; Neem, 2013 и др.).

остаются до настоящего времени нерешенными многие принципиально важные вопросы.

Вопрос «существует ли система высшего образования в России?» звучит хотя и непривычно, но своевременно и уместно ввиду многолетних необоснованных, социально деструктивных мер отраслевого топ-менеджмента, его вмешательства в программы высшей школы (Зборовский, Амбарова, Шуклина, 2017). Вряд ли следует согласиться с предложенным этими исследователями его решением на основе утверждения, что система существует, но является не оптимальной, *механической*, лишь требует перевода в свою *органическую* ипостась. Авторы пишут: «Не вдаваясь глубоко в принципы системного подхода и детали концепта «система», отметим, что состояние современного высшего образования в нашей стране можно адекватно описать понятиями механистической либо органической системы». При этом игнорируется предложенная концепция структуры образования как социальной системы, не сводимая к типам учреждений (Осипов, 2006, 171–211).

Но уровень общих социологических представлений о состоянии высшего образования, характеризующийся превалированием эмпирического подхода над теоретическим, требует, наоборот, вдаваться в принципы системного подхода. И если мы признаем рациональное требование системности в высшем образовании, то должны не только выявить связи между элементами, черты, позволяющие определить его как целостность, объяснить, что является системообразующими факторами, а что должно быть квалифицировано в качестве ядра системы и рассмотреть еще большой комплекс вопросов, предусмотренных методологией системного анализа. В противном случае рассуждения социологов принимают характер недоговоренностей, половинчатых оценок, типичных не только для специалистов в области социологии образования, но и для всей социологической науки.

Безусловно, заслугой Г.Е. Зборовского и его соавторов является постановка проблемы и попытка показать следствия, вытекающие из ошибочной интерпретации высшего образования как совокупности учреждений, а не специфического социального института. С учетом их разработок можно утверждать, что, во-первых, отраслевой топ-менеджмент формирует и распространяет сознательно *иллюзии* относительно собственных стратегий и реального состояния образовательных институций, характеризующихся внутренней нестабильностью и противоречивостью, следствием которых являются деструктивные, тупиковые социальные практики. Эти практики определяются как академические девиации, имитации, бюрократологии, оппортунизм, бумажный прессинг, коррупция, менеджеризм, дисфункции и т.п. Представления о них на теоретическом и эмпирическом уровнях – существенные достижения социологов в институциональном анализе высшего образования (Осипов, 2020; Красинская, 2016; Курбатова, Каган, 2016; Селиверстова, 2020; Тощенко, 2012)¹¹.

Однако до настоящего времени остаются недостаточно исследованными социальные механизмы *включения* деструктивных практик. Требуется ответа вопрос о том, почему вузовское сообщество с его высокими показателями интеллектуального развития не противостоит их тотальному применению.

Во-вторых, отраслевой топ-менеджмент не прислушивается к мнению социологов, но принятие им неадекватных управленческих решений всегда облегчается сервильными наукообразными разработками. Возникают важные вопросы об авторстве и профессиональном качестве этих разработок.

Можно утверждать, что неполнота институционализации высшего образования в конечном итоге оборачивается неполнотой институционализации исследующей его отрасли социологической науки.

Поэтому, анализируя ее развитие, нельзя не обратить внимания не действие фактора *прямого влияния объекта* на познающий субъект. Такое влияние – одна из аксиом современной теории познания. В социологии оно выражено едва ли не более

¹¹ Здесь упомянуты лишь некоторые из сотен российских публикаций.

заметно, чем в других социальных науках. Вузовские сообщества через своих *референтов* нередко воздействуют на ведущие эмпирические исследования социологов, возникает *сопротивление* социальной среды высшей школы социологическим измерениям (Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, 2023).

Испытывают социологи и внешнее давление. Этот внешний фактор связан с особенностями *издательской позиции*. От нее, как от *мягкой силы*, зависит многое в развитии и внедрении результатов научных разработок. Данное обстоятельство усугубляется двояко. Во-первых, ограниченным количеством изданий, специализирующихся в сфере социологии образования. Более не выходит журнал «Социология образования». Социологическая тематика слабо представлена в журналах «Высшее образование в России», «Высшее образование». Во-вторых, статьи социологической тематики часто помещены в иные рубрики: Е.А. Поповой и А.В. Климовой «Российские вузы: организационная специфика и выбор ориентиров развития» – в рубрику «Социология управления» (Попова, Климова, 2018). Эта операция производится в отношении статей М.В. Певной и соавторов (Певная, Шуклина, Черникова-Бука, 2022) и Р.Х. Симонян (2023).

Разумеется, у редакций научных изданий могут быть свои соображения о том, в какую рубрику включать те или иные публикации. Но сам факт неопределенности или спорности выбора дополнительно свидетельствует, на наш взгляд, об отсутствии ясных показателей для принятия решений.

Наличие результатов конкретных эмпирических исследований в настоящее время является едва ли не главным критерием для отнесения работы к социологии образования. С недавних пор (после кончины М.Б. Сапунова) этот критерий характерен для журнала «Высшее образование в России». Рукописи по вопросам институционального и системного характера отклонены или размещены в иных рубриках. Так, статья «Трансформация моделей университетов: анализ стратегий развития вузов мира», выполненная на основе метода анализа документов, вышла в рубрике «Высшее образование: критический дискурс», хотя лежит в предметном поле социологии (Штырно, 2022), как и статья М.В. Пашкова и В.М. Пашковой «Проблемы и риски цифровизации высшего образования» (Пашков, Пашкова, 2022).

Таким образом, задача квалификации работ по проблемам высшей школы как принадлежащих к социологии образования, решается издателями произвольно.

Изменить ситуацию можно, установив ясные критерии осуществления этой процедуры:

- анализ авторами высшего образования как сферы действий и взаимодействий общностей разного уровня (от малой группы до больших сообществ);
- интерпретация процессов в высшей школе на основе разработанных в социологии теорий среднего уровня, либо авторской теории, соответствующей концепциям этого класса;
- использование полученных достоверными методами результатов эмпирических социологических исследований;
- признание авторской позиции как заслуживающей обсуждения профессиональным социологическим сообществом в рамках предметной отрасли.

При этом два последних требования не безусловны, поскольку, во-первых, исследования могут иметь теоретический характер; во-вторых, возможны инновационные концепции вне рамок сложившейся парадигмы.

Перспективы социологии высшего образования

Фактором, детерминирующим развитие *социологии высшего образования* в течение последних десятилетий, в значительной мере стала *открытая* или *латентная дискуссия* сторонников и противников реформирования, особенно если речь идет о преобразовании на основе внедрения менеджеристской системы, активно внедряемой в России (Дятлов, Ковалев, 2023). М.А. Сафонова и М.М. Соколов произвольно и упрощенно делят их на «глобалистов» и «локалистов» (к числу вторых при отклонении этой статьи в одном из журналов причисляют и авторов данной статьи) (Сафонова, Соколов, 2021).

Первые, находившие административную поддержку на разных уровнях управления, обосновывали внедрение элементов Болонского процесса: переход к двухуровневой системе обучения «бакалавр – магистр»; внедрение компетентного подхода и рейтингования на всех уровнях; использование квалиметрической системы оценки качества образования и др. (Краснова, Пейтнев, 2019). Противники выступали с более или менее последовательной критикой этих и других решений и действий (Смолин, 2015). Социологи чаще оставались в рамках академического и квазиакадемического дискурса, хотя именно социологами были раскрыты многие опасные следствия непродуманного реформирования вузовской системы. В частности, на основании экспертных оценок исследователи РАНХиГС давно отнесли к их числу: «1. Формализм, бюрократизм, коррумпированность процесса образования. 2. Качественные проблемы кадрового состава. 3. Систему оплаты труда и оценки профессиональной компетентности работников. 4. Снижение уровня качества образования. 5. Невостребованность выпускников. 6. Фундаментальность образования/ отсутствие профильности образования» (Калмыков, Сатырь, 2016).

Социологи – сторонники второй позиции, хотя именно они активно отстаивали необходимость развития теоретических оснований социологии образования, оказались в положении оппонирующего меньшинства¹², их возможности проведения исследований сократились, как и воздействие на управление вузами и общественное мнение.

И все же не разгадана «загадка»: почему, в то время как представляющие иные науки отдельные ученые находили возможность выступать в традиционных и электронных СМИ с критикой издержек «болонизации» (Миронов, 2016; Малинецкий, 2023), социологи часто ограничивались рамками своего профессионального сообщества. Возможно, специфика работы социолога предполагает доступность для изучения диспозиций акторов общественных процессов, которые субъективны и меняются под воздействием внешних факторов. К числу таких факторов, несомненно, относятся *установки, транслируемые административно-бюрократической системой*. И от того, в какой мере субъекты социального действия предрасположены к диалогу, от диспозиции менеджеров разного уровня, но не сообщества ученых, в значительной степени зависят возможности проведения эмпирических исследований. Комплементарные отношения с ними открывают, а конфликты – существенно ограничивают их. В вузах всевластие администрации стало сетевым (вертикально-горизонтальным) и практически абсолютным, а критика осуществляемых ею практик оборачивается реальным ограничением перспектив научной работы.

Часть социологов уходит от постановки и разработки общих проблем образования в область эмпирических исследований. Но сформировались новые научные центры, исследования стали подчас более регулярными и межрегиональными, улучшается их методика, чаще применяются качественные методы.

Но нельзя не заметить несбалансированность тематики эмпирических исследований, концентрирующейся главным образом вокруг проблем студенчества. На VI Всероссийском социологическом конгрессе большинство выступлений по проблемам высшего образования раскрывали разные аспекты студенчества, что было задано названием секции «Студенческая социология: темы, проблемы, результаты». Но уже само по себе предложение ее свидетельствует о популярности именно данного направления. Проблематика студенчества затрагивалась и в рамках работы других секций, а институциональные и теоретические проблемы высшей школы вновь остались «в тени» конгресса.

Повышенное внимание к студенчеству мотивировано особой ролью образованной молодежи в становлении «дигитального» общества. Но, наш взгляд, оно же говорит и о том, что часть социологов, определяя свои научные интересы, исходит из

¹² В 2019-2024 гг. все 11 заявок, поданных ведущими учеными, по теме бюрократизма в образовании были отклонены в грантовых конкурсах РФФИ.

приоритетности более наглядных тем и *простых* решений, что ограничивает перспективы социологии образования в вузах.

Выделяются два блока проблем. Во-первых, содержательные, связанные с модификацией объекта исследований – вуза, с превращением его в так называемый *предпринимательский*, выстроенный по типу рыночной корпорации. Как отмечают Е.А. Попова и А.В. Климова, для сторонников этой трансформации «главным принципом эффективного функционирования вуза становится клиентоориентированность» (Попова, Климова, 2018, 68). Корпоративность вузов проявилась задолго до экспансии «предпринимательских» университетов и, как установили социологи, сопряжена с их *корпорационизмом* – сосредоточенностью не на служении сообществу, а изысканию корпоративной прибыли (Иванов, Осипов, 2004), что опровергает их классический статус *Храма Науки*. Несмотря на критическое восприятие такого подхода рядом исследователей и практиков, которые определили его как «макдонализацию» высшей школы, он, очевидно, в силу властного преобладания его сторонников в менеджеристской среде, будет постепенно и неуклонно воплощаться. А это значит, что станет расширяться предметное поле социологии образования применительно к вузам. Явно недостаточным окажется акцентирование внимания преимущественно на проблемах студенчества. Потребуется своего анализа вопросы, которые доньше относились к деятельности бизнес-организаций (образовательный маркетинг, отношения с клиентами, корпоративные отношения и корпоративное администрирование).

Второй блок проблем носит организационно-технологический характер и логически следует из тенденции корпоративизации. В любой корпоративной структуре формируется *корпоративное знание* – вся совокупность сведений, которые могут быть использованы в ее интересах. Элементом этих знаний с неизбежностью будут знания, полученные в ходе социологических исследований и рассматриваемые как товар, имеющий свою стоимость. Для социологов, работающих в рамках «своих» вузов, данное обстоятельство означает лишь то, что поддержку руководства получают в основном те проекты, которые сулят очевидную материальную или репутационную выгоду. Для специалистов, не вошедших в «альянс» с топ-менеджментом вуза, оно обернется ограничением доступа к тем сегментам пространства учреждения высшего образования, информация, циркулирующая в которых, может нанести ущерб корпоративным и репутационным интересам. А поскольку критерии установления доступа к информации обычно являются результатом административного усмотрения, можно с большой долей уверенности утверждать: ограничения будут довольно значительными.

Таким образом, за прошедшие двадцать лет со времени опубликования знаковой работы (Осипов, Тумалеев, 2004) в изучении проблем высшей школы произошли изменения. В большинстве случаев они связаны с ростом числа эмпирических исследований и публикационной активности, но не разработкой новых теорий, позволяющих осмыслить тенденции развития объекта. Более того, в теоретическом плане наблюдались регресс и затем реверс, что отражало развитие объекта – высшей школы, деструктивное вмешательство бюрократического топ-менеджмента «сверху» времен *болонизации* и тотальной формализации, затем с 2022 г. наметившийся отказ от участия в Болонском процессе. В сложившейся ситуации трудно прогнозировать будущее, однако представляется, что ключевой проблемой дальнейшего развития и высшего образования и отрасли науки, которая его исследует, является институционализация. В отношении объекта она предполагает утверждение норм, обеспечивающих реализацию главной функции – социально-профессионального воспроизводства общества и отказа учреждений высшей школы от ориентации на латентные (предпринимательство, идеологическое просвещение молодежи, забота об имидже и др.) функции и даже на дисфункции (обслуживание корпоративных интересов бюрократии), прикрываемое декларациями о ее реформировании. Для социологии образования институционализация означает формирование исследовательского сообщества, достижение договоренности относительно принципов исследования и требований научной этики.

Институционализация не предполагает «директивное» управление процессом развития социологического знания (хотя определенный риск реализации такого сценария существует), но означает лишь обращение к практике системного взаимодействия между специалистами, работающими в рамках отрасли науки, координацию их поисков, установление конвенций относительно приоритетов научных разработок. И – главное – в результате ее может быть сформирован механизм ответственности исследователей перед обществом в целом и профессиональным сообществом за качество и объективность полученных результатов.

Post scriptum (вместо заключения)

Данная статья была представлена в один из, казалось бы, авторитетных российских журналов и получила негативную оценку. Нас обвинили в упомянутом выше «локализме», в отсутствии представлений о широком круге публикаций по проблемам образования, особенно в журнале «Вопросы образования», о работе по изучению данной сферы, проводимой «Высшей школой экономики» (кстати, лабораторию социологии образования там возглавляет кандидат биологических наук Д.А. Александров). Явную обиду анонимного рецензента вызвало то, что наша статья не совпадала по своим выводам со статьей кандидата филологических наук М.А. Сафоновой (НИУ ВШЭ, СПб.) и кандидата социологических наук М.М. Соколова (Европейский университет в СПб.) «Структура поля российской социологии – 2020» в журнале «Социологические исследования. 2021. № 11. С. 91–105), в которой, по нашему мнению, предложена надуманная схема состояния российской социологии. Мы не намерены, следуя совету Михаила Юрьевича Лермонтова, спорить с анонимным рецензентом на полях данной рукописи. Но заметим одну странную вещь: все чаще социологический процесс в нашей стране определяется неравновесным взаимодействием клана анонимных экспертов и пишущих исследователей. И, если вторые пытаются посмотреть на те или иные объекты с новой, как правило, «прогосударственной, точки зрения, и закрепляют свои идеи в многочисленных фундаментальных монографиях и учебниках, то первые, концентрируясь в близких к либеральным политическим элитам исследовательских центрах, буквально душат эти попытки. Левиафан у Т. Гоббса пожирал свободы человека; нынешние ангажированные либеральной властью эксперты, пожирают фундаментальные и государственно-ориентированные плоды интеллектуального творчества.

Николай Гумилев предлагал: «посмотри в глаза чудовищ»; мы в очередной раз посмотрели и полагаем, что необходим действительно серьезный – главное – открытый разговор о самоорганизации социологической науки.

Литература

- Бабинцев, В. П. Исследование или расследование: перспективы социологии высшего образования в условиях бюрократизации и коммерциализации / В. П. Бабинцев, Г. Н. Гайдукова, И. Э. Надуткина, Ж. А. Шаповал // Вестник Института социологии. – 2023. – Том 14. № 2. – С. 50–69. – <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.4>. – EDN: YHIWQG.*
- Вишневский, Ю. Р. Тренды высшего профессионального образования: профессионализация или депрофессионализация? / Ю. Р. Вишневский, Д. Ю. Нархов, Я. В. Дидковская // Образование и наука. – 2018. – Т. 20. № 1. – С. 152–170. – <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-1-152-170>. – EDN: AAYXUB.*
- Горшков, М. К. Образование как фактор и ресурс гражданского участия и демократического развития общества / М. К. Горшков, И. Н. Трофимова // Социологическая наука и социальная практика. – 2016. – № 1 (13). – С. 15–19. – EDN: VPNDST.*
- Донских, О. А. Дело о компетентностном подходе / О. А. Донских // Высшее образование в России. – 2013. – № 5. – С. 36–45. – EDN: QAUWUB*
- Дятлов, А. В. Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов / А. В. Дятлов, В. В. Ковалев // Вестник*

- Института социологии. – 2023. – Том 14. № 2. – С. 70–91. – <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.3>. – EDN: RGIKSM.
- Зборовский, Г. Е.* Социология высшего образования / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. – 539 с.
- Зборовский, Г. Е.* Социология образования. В 2 частях / Г. Е. Зборовский. – Екатеринбург: Изд-во Свердловского инж.-пед. института, 1993–1994.
- Зборовский, Г. Е.* Концептуальные основы перехода к нелинейной модели высшего образования в регионе / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова // Экономика региона. – 2016. – Т. 12. Вып. 4. – С. 1157–1166. – <https://doi.org/10.17059/2016-4-17>. – EDN: XBKHZN.
- Зборовский, Г. Е.* Существует ли система высшего образования в России? / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, Е. А. Шуклина // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 76–86. – <https://doi.org/10.7868/S0132162517110095>. – EDN: ZRQQPF.
- Зборовский, Г. Е.* Социология образования. Учебное пособие для студентов социологических и педагогических специальностей / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина. – М.: Гардарики, 2005. – 383 с.
- Иванов, С. В.* Университет как региональная корпорация / С. В. Иванов, А. М. Осипов // Социологические исследования. – 2004. – № 11. – С. 105–110. – EDN: OWQMXH.
- Калмыков, Н. Н.* Российское высшее образование: взгляд экспертов / Н. Н. Калмыков, Т. С. Сатырь // Социологические исследования. – 2016. – № 8. – С. 91–97. – EDN: WHWAYT.
- Красинская, Л. Ф.* Модернизация, оптимизация, бюрократизация... что ожидает высшую школу завтра? / Л. Ф. Красинская // Высшее образование в России. – 2016. – № 3. – С. 73–82. – EDN: VQALEH.
- Краснова, Г. Н.* Высшее образование в России: проблемы и решения / Г. Н. Краснова, В. И. Пефтиев // Социально-политические исследования. – 2019. – № 3 (4). – С. 59–72. – <https://doi.org/10.24411/2658-428X-2019-10512>. – EDN: PEBXNB.
- Курбатова, М. В.* Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности / М. В. Курбатова, Е. С. Каган // Journal of Institutional Studies. – 2016. – Т. 8. № 3. – С. 116–136. – <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136>. – EDN: WNHUGV.
- Малинецкий Г.* Потерянное время. Дубль два. О том, что пора бы изменить в России / Г. Малинецкий // Газета.RU. – URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/articles/16674092.shtml>.
- Миронов, В.* Погоня за Хиршем: кто остается за бортом преподавания / В. Миронов // Православие и мир. – URL: <http://www.pravmir.ru/publikuyus-sledovatelno-prepodayu/>.
- Осипов, А.* Социология образования в России: «работа над ошибками» в начале XXI века / А. Осипов, Н. Матвеева // Высшее образование в России. – 2009. – № 9. – С. 36–42. – EDN: KVUBMP.
- Осипов, А. М.* Бюропатологии и бумажный прессинг в российском образовании / А. М. Осипов // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20. № 4. – С. 953–966. – <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966>. – EDN: SEJBMS.
- Осипов, А. М.* Об институционализации социологии образования / А. М. Осипов // Социологические исследования. – 2018. – № 7. – С. 41–49. – <https://doi.org/10.31857/S013216250000191-3>. – EDN: VJUZFC.
- Осипов, А. М.* Социология образования: очерки теории / А. М. Осипов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 501 с.
- Осипов, А. М.* Социология образования в России: проблемы развития и перспективы / А. М. Осипов, В. В. Тумалев // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 120–127. – EDN: OXAASJ.
- Пашков, М. В.* Проблемы и риски цифровизации высшего образования / М. В. Пашков, В. М. Пашкова // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31. № 3. – С. 40–57. – <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-22-3-40-57>. – EDN: RUBCXA.
- Певная, М. В.* Участие студенчества в социокультурном развитии города: проблемы социокультурной субъектности / М. В. Певная, Е. А. Шуклина, М. Черникова-Бука // Социологические исследования. – 2022. – № 5. – С. 101–113. – <https://doi.org/10.31857/S013216250018512-6>. – EDN: QYIQVB.

- Попов, Д. С. Высшее образование в зрелом возрасте в России: барьеры и модели / Д. С. Попов, Д. А. Шестакова // Социологические исследования. – 2022. – № 2. – С. 34–44. – <https://doi.org/10.31857/S013216250016092-4>. – EDN: HUEFPO.
- Попова, Е. П. Российские вузы: организационная специфика и выбор ориентиров развития / Е. П. Попова, А. В. Климова // Социологические исследования. – 2018. – № 12. – С. 63–72. – <https://doi.org/10.31857/S013216250003170-0>. – EDN: VPUZIR.
- Радаев, В. В. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? В. В. Радаев // Социологические исследования. – 2022. – № 6. – С. 114–124. – <https://doi.org/10.31857/S013216250019853-1>. – EDN: EITGKC.
- Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. – М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1998. – 672 с.
- Россия в системе современной социальной реальности: материалы выступлений участников V Всероссийского социологического конгресса (Москва, 14–15 ноября 2016 г.): сб. / отв. ред. и сост. Д. К. Танатова, Т. Н. Юдина. – М.: РГСУ, 2017. – 765 с.
- Сафонова, М. А. Структура поля российской социологии – 2020 / М. А. Сафонова, М. М. Соколов // Социологические исследования. – 2021. – № 11. – С. 91–105. – <https://doi.org/10.31857/S013216250015488-9>. – EDN: EUWRDB.
- Селиверстова, Н. А. Имитация образовательных практик в сфере высшего образования / Н. А. Селиверстова // Социологические исследования. – 2020. – № 3. – С. 71–77. – <https://doi.org/10.31857/S013216250008802-5>. – EDN: DRXYQN.
- Симонян, Р. Х. Специфика идентичности студентов приграничья России и Украины (на примере Белгородского и Харьковского госуниверситетов) / Р. Х. Симонян // Социологические исследования. – 2023. – № 5. – С. 108–116. – <https://doi.org/10.31857/S013216250025806-9>. – EDN: BVMOZP.
- Смолин, О. Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? / О. Н. Смолин // Социологические исследования. – 2015 (статья первая). – № 6. – С. 91–101; (статья вторая) 2015. – № 7. – С. 30–37. – EDN: UCFNWR
- Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов [Электронный ресурс]: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В. А. Мансуров; ред. Е. Ю. Иванова. – М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. – 6003 с. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM)
- Социология образования: учебник и практикум для вузов / под ред. А. М. Осипова. 2-е изд. – М.: Юрайт, 2023. – 424 с.
- Тощенко, Ж. Т. Новые лики активности: имитация / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 23–36. – EDN: PNCZQT.
- Тощенко, Ж. Т. Социальные парадоксы высшего образования в России / Ж. Т. Тощенко // Экономика образования. – 2012. – № 1. – С. 31–34. – EDN: QAWDWL.
- Тощенко, Ж. Т. Формы участия высшего образования в решении проблем производительности труда / Ж. Т. Тощенко // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2024. – Том. 24. №. 1. – С. 28–42. – <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-1-28-42>. – EDN: TCBRDD.
- Тхагапсоев, Х. Г. Российская образовательная реальность и ее превращенные формы / Х. Г. Тхагапсоев, М. Б. Сапунов // Высшее образование в России. – 2016. – № 6. – С. 86–97. – EDN: WBKJLL
- Филиппов, Ф. Р. Социология образования / Ф. Р. Филиппов. – М.: Наука, 1980. – 145 с.
- Трансформация моделей университетов: анализ стратегий развития вузов мира / Д. А. Штышно, Л. В. Константинова, Н. Н. Гагиев, Е. А. Смирнова, О. Д. Никонова // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31. № 6. – С. 27–47. – <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-6-27-47>. – EDN: GXMFCY.
- Яницкий, О. Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания / О. Н. Яницкий // Социологическая наука и социальная практика. – 2018. – Т. 6. № 1. – (21). – С. 7–22. – <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5734>. – EDN: YTPTYP.
- Levin, B. An Epidemic of Education Policy / B. Levin // Comparative Education. – 1998. – Vol. 34 (2). – Pp. 131–141.

Neem, J. N. Experience matters: Why competency-based education will not replace seat time / J. N. Neem // *Liberal Arts*. – 2013. – Vol. 99 (4). – P. 26–29.

References

- Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Nadutkina I. E., Shapoval J. A. Research or investigation: prospects for the sociology of higher education in the context of bureaucratization and commercialization. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023; 14 (2): 50-69. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.4>. (In Russ.)
- Vishnevsky Yu. R., Narkhov Yu., Didkovskaya Ya. V. Trends in higher professional education: professionalization or deprofessionalization? *Obrazovanie i nauka = Education and Science*. 2018; 20 (1): 152-170. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-1-152-170>. (In Russ.)
- Gorshkov M. K., Trofimova I. N. Education as a factor and resource of civic engagement and democratic development of society. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika = Sociological science and social practice*. 2016; 1 (13): 15-19. (In Russ.)
- Donskikh O. A. The case of the competence approach. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2013; 5:36-45. (In Russ.)
- Dyatlov A.V., Kovalev V. V. Efficiency of management of higher education in Russia in the practice of using managerial tools. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023; 14 (2): 70-91. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.3>. (In Russ.)
- Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Sociology of higher education. *Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet=Yekaterinburg: University of the Humanities*, 2019. – 539 p. (In Russ.)
- Zborovsky G. E. Sociology of education. In 2 parts. *Ekaterinburg: Izd-vo Sverdlovskogo ped. in-ta.. Uchrezhdenie Yekaterinburg: Publishing House of the Sverdlovsk Institute.-ped. Institute*, 1993-1994. (In Russ.)
- Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Conceptual foundations of the transition to a nonlinear model of higher education in the region. *Ekonomika regiona = Economics of the region*. 2016; 12 (4): 1157-1166. <https://doi.org/10.17059/2016-4-17>. (In Russ.)
- Zborovsky G. E., Ambarova P. A., Shuklina E. A. Is there a system of higher education in Russia? *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2017; 11: 76-86. <https://doi.org/10.7868/S0132162517110095>. (In Russ.)
- Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Sociology of education. Textbook for students of sociological and pedagogical specialties. M.: Gardariki = Gardariki, 2005. 383 p. (In Russ.)
- Ivanov S. V., Osipov A.M. University as a regional corporation. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2004;4 11:105-110. (In Russ.)
- Levin B. An Epidemic of Education Policy. *Comparative Education*. 1998; 34 (2): 131–141.
- Kalmykov N. N., Satyr T. S. Russian higher education: the view of experts. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2016; 8:91-97. (In Russ.)
- Krasinskaya L. F. Modernization, optimization, bureaucratization... What awaits high school tomorrow? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2016; 3:73-82. (In Russ.)
- Krasnova G.N., Peftiev V. I. Higher education in Russia: problems and solutions. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya = Socio-political studies*. 2019; 3 (4): 59-72. (In Russ.)
- Kurbatova M. V., Kagan E. S. Opportunism of university teachers as a way of adapting to strengthening external control of activities. *Journal of Institutional Studies*. 2016; 8(3):116-136. (In Russ.)
- Malinetsky G. Lost time. Take two. That it's time to change in Russia. Газета.RU. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/articles/16674092.shtml>. (In Russ.)
- Mironov V. The pursuit of Hirsch: who remains behind teaching. Orthodoxy and the World. URL: <http://www.pravmir.ru/publikuyus-sledovatelno-prepodayu>. (In Russ.)
- Neem J. N. Experience matters: Why competency-based education will not replace seat time. *Liberal Arts*. 2013; 99 (4): 26–29.
- Osipov A., Matveeva N. Sociology of education in Russia: "work on mistakes" at the beginning of the XXI century. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2009; 9:36-42. (In Russ.)

- Osipov A.M. Buro pathology and paper pressure in Russian education. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. = Bulletin of the RUDN. Series: Sociology.* 2020; 20 (4):953-966. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966>. (In Russ.)
- Osipov A.M. On the institutionalization of the sociology of education. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research.* 2018; 7:41-49. <https://doi.org/10.31857/S013216250000191-3>. (In Russ.)
- Osipov A.M. Sociology of education: essays on theory. Rostov n/A.: *Feniks = Phoenix*, 2006. 501 p. (In Russ.)
- Osipov A.M., Tumalev V. V. Sociology of education in Russia: problems of development and prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research.* 2004; 7:120-127. (In Russ.)
- Pashkov M. V., Pashkova V. M. Problems and risks of digitalization of higher education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia.* 2022; 31 (3): 40-57. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-22-3-40-57>. (In Russ.)
- Pevnaya M. V., Shuklina E. A., Chernikova-Buka M. Participation of students in the socio-cultural development of the city: problems of socio-cultural subjectivity. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research.* 2022; 5:101-113. <https://doi.org/10.31857/S013216250018512-6>. (In Russ.)
- Popov D. S., Shestakova D. A. Higher education in adulthood in Russia: barriers and models. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research.* 2022; 2:34-44. <https://doi.org/10.31857/S013216250016092-4>. (In Russ.)
- Popova E. P., Klimova A.V. Russian universities: organizational specifics and the choice of development guidelines. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research.* 2018; 12:63-72. <https://doi.org/10.31857/S013216250003170-0>. (In Russ.)
- Radaev V. V. Crisis in modern teaching: What exactly went wrong? *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research.* 2022; 6:114-124. <https://doi.org/10.31857/S013216250019853-1>. (In Russ.)
- The Russian Sociological Encyclopedia / under the general editorship of G. V. Osipov. M.: *NORMA – INFRA-M = NORMA – INFRA-M*, 1998. 672 p. (In Russ.)
- Russia in the system of modern social reality: materials of the presentations of the participants of the V All-Russian Sociological Congress (Moscow, November 14-15, 2016): sat. / ed. and comp. D. K. Tanatova, T. N. Yudina. M.: RGSU, 2017. 765 p. (In Russ.)
- Safonova M. A., Sokolov M. M. The structure of the field of Russian sociology – 2020. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research.* 2021; 11:91-105. <https://doi.org/10.31857/S013216250015488-9>. (In Russ.)
- Seliverstova N. A. Imitation of educational practices in the field of higher education. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research.* 2020; 3:71-77. <https://doi.org/10.31857/S013216250008802-5>. (In Russ.)
- Simonyan R. H. The specifics of the identity of students of the borderlands of Russia and Ukraine (on the example of Belgorod and Kharkov State Universities). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research.* 2023; 5:108-116. <https://doi.org/10.31857/S013216250025806-9>. (In Russ.)
- Smolin O. N. Higher education: the struggle for quality or an attempt on human potential? *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research.* 2015 (article one); 6:91-101; (Article two) 2015; 7:30-37. (In Russ.)
- Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions [Electronic resource]: Collection of reports of the VI All-Russian Sociological Congress (Tyumen, October 14-16, 2020) / Ed. V. A. Mansurov; ed. E. Yu. Ivanov. M.: ROS; FNISC RAS, 2020. 6003 p. 1 electron. opt. 12 cm disc (CD-ROM) (In Russ.)
- Sociology of education: textbook and workshop for universities / edited by A.M. Osipov. 2nd ed. Moscow: *Yurait = Yurait*, 2023. 424 p. (In Russ.)
- Toschenko J. T. New faces of activity: imitation. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research.* 2012; 12:23-36. (In Russ.)
- Toschenko J. T. Social paradoxes of higher education in Russia. *Ekonomika obrazovaniya = The economics of education.* 2012; 1:31-34. (In Russ.)

Toshchenko J. T. Forms of participation of higher education in solving problems of labor productivity. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya = Bulletin of the RUDN. Series: Sociology.* 2024; 24(1): 28-42. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-1-28-42>. (In Russ.)

Thagapsoev H. G., Sapunov M. B. The Russian educational reality and its transformed forms. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia.* 2016; 6:86-97. (In Russ.)

Filippov F. R. Sociology of education. M.: *The science = Nauka*, 1980. 145 p. (In Russ.)

Shtykhno D.A., Konstantinova L.V., Gagiev N.N., Smirnova E.A., Nikonova O.D. Transformation of university models: analysis of strategies for the development of universities in the world. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia.* 2022; 31(6): 27-47. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-6-27-47>. (In Russ.)

Yanitsky O. N. On the problem of modernization of humanitarian knowledge // *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika = Sociological science and social practice.* 2018; 6(1): 7-22. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5734>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 7.10.2024

Дата окончания рецензирования: 12.11.2024

Дата принятия к публикации: 18.11.2024

Информация об авторах

Бабинцев Валентин Павлович – доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия; e-mail: babintsev@bsuedu.ru

Осипов Александр Михайлович – доктор социологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: osipov.al58@gmail.com

Серкина Яна Игоревна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия; e-mail: serkina_ya@bsuedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Babintsev Valentin Pavlovich – Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia; e-mail: babintsev@bsuedu.ru.

Osipov Alexander Mikhailovich – Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia; e-mail: osipov.al58@gmail.com.

Serkina Yana Igorevna – Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia; e-mail: serkina_ya@bsuedu.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья**УДК.316.45**<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.4>

EDN RCACDK

Работающий студент: стратегии совмещения учебной и трудовой деятельности**Ирина Н. Богданова¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируется феномен современного работающего студента. Актуальность исследования обусловлена растущим числом работающих студентов, пребывающих в ситуации сложно сочетаемых видов деятельности – учебной и трудовой, что оказывает влияние на рост рисков образовательной неуспешности. В статье обозначены основные акторы, сопричастные к учебной и образовательной деятельности работающих студентов: преподаватели и работодатели. Реализуемые студентами стратегии совмещения видов деятельности рассмотрены в «образах для себя» – мнениях самих студентов, а также в «образах для других» – мнениях представителей референтных групп в лице преподавателей и работодателей.

Методология. В теоретико-методологическом плане мы исходим из основных концепций, составляющих полипарадигмальный дискурс социологии молодежи – социализационной, стилижизненной и рискологической, дающих представление о противоречивости и неочевидной идентичности стиля жизни современного студенчества (ценностная и поведенческая противоречивость). Такой подход позволил нам выделить две референтные общности социального института образования, а также расширить социальное пространство указанного института, включив в сферу когнитивных интересов работодателей. Это позволило обозначить особенности динамики взаимных интерпретаций относительно феномена работающего студента. Теоретико-методологическая составляющая позволила сформировать представления о стратегиях совмещения учебной и трудовой деятельности студентов в «образах для себя» (студенты) и «образах для других» (преподаватели и работодатели). Эмпирическую основу исследования составили метод анкетирования (интернет-опрос) работающих студентов вузов Донского государственного технического и Южного федерального университетов г. Ростова-на-Дону (N=350), а также экспертные полуформализованные интервью с ППС вузов (N=13) и работодателями (N=10).

Результаты и их обсуждение. В результате проведенного исследования нами выявлено, что рост числа работающих студентов оказывает преимущественно негативное влияние на главный вид деятельности студентов – учебную деятельность. Совмещение учебной и трудовой деятельности усиливает противоречивость стиля жизни (как интегратора социальных практик). Стратегия самоменеджмента, которую в «образе для себя» студенты определяют в качестве приоритетной в целях обеспечения возможности успешного совмещения разных видов деятельности, не реализуется, оставаясь декларативной и чреватой образовательной неуспешностью. Осознавая, что учеба становится второстепенной задачей, студенты используют стратегию не приоритетной значимости образовательного учреждения. Однако при этом она носит исключительно неформальный характер, обусловленный вовлечением преподавателей посредством использования их личного ресурса для решения проблем студентов, связанных с учебой. Работодатели в «образе для других» полагают, что главной для работающих студентов должна оставаться стратегия самоменеджмента.

Ключевые слова: работающие студенты; преподаватели; работодатели; референтные группы; стиль жизни; стратегии совмещения учебной и трудовой деятельности; риски образовательной неуспешности.

Для цитирования: Богданова И.Н. (2024). Работающий студент: стратегии совмещения учебной и трудовой деятельности. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), С. 47-59. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.4>

Working student: strategies for combining study and work activities in the “image for oneself” and “images for others”

Irina N. Bogdanova¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the phenomenon of the modern working student. The relevance of the study is due to the growing number of working students who are in a situation of difficult combined activities - educational and labor, which affects the formation of risks of educational failure. The article identifies the main actors involved in the social space of working students: teachers and employers. The strategies of combining activities implemented by students are considered in "images for themselves" (the opinions of the students themselves are revealed), as well as in "images for others" - the opinions of representatives of reference groups of educational institutions and the labor market represented by teachers and employers.

Methods. In theoretical and methodological terms, we proceed from the basic concepts that make up the polyparadigmatic discourse of youth sociology - socialization, lifestyle and risk, which give an idea of the inconsistency and non-obvious identity of the lifestyle of modern students (value and behavioral inconsistency). The methodology of the representative essence of the university corporate culture allowed us to identify two main reference educational communities, as well as expand the social space of actors to include employers, which allowed us to identify the features of the dynamics of mutual interpretations regarding the phenomenon of a working student. The theoretical and methodological component allowed us to form ideas about strategies for combining educational and work activities of students in "images for themselves" (students) and "images for others" (teachers and employers). The empirical basis of the study was a questionnaire method (Internet survey) of working students of the Don State Technical University and the Southern Federal University of Rostov-on-Don (N=350), as well as expert semi-formalized interviews with the teaching staff of the universities (N=13) and employers (N=10).

Results and its discussion. As a result of the research we have revealed that the increase in the number of working students has a predominantly negative impact on the main type of students' activity - learning activity. The combination of educational and labor activities increases the inconsistency of lifestyle (as an integrator of sociocultural practices). The strategy of self-management, which in the “image for themselves” students define as a priority to ensure the possibility of successful combination of different types of activities, is not implemented, remaining declarative and fraught with educational failure (as a complex problem). Realizing that studying becomes a secondary task, students use the strategy of supporting the educational institution. However, at the same time, it is exclusively informal in nature, due to the involvement of teachers, through the use of their personal resources to solve students' problems related to studies. Employers in the “image for others” believe that the main strategy for working students should remain self-management strategy.

Keywords: working students; teachers; employers; reference groups; lifestyle; strategies for combining academic and work activities; risks of educational failure.

For Citation: Bogdanova I. N. (2024). Working student: strategies for combining study and work activities in the “image for oneself” and “images for others”. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), P.47-59. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.4>

Введение

Актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что российское образование в целом и, высшее, в частности, по-видимому, стоит на пороге новых реформ. Реформирование института высшего образования невозможно без учета тех новых реалий, которые появились в последние годы.

В социологии за последние десятилетия сформировалось достаточное количество подходов к изучению проблем современной молодежи как особой социально-демографической группы. Молодежь обладает значительными профессиональными и социальными перспективами в силу присущей ей инновационной функции, особенностях которой социологи заявили еще в 80-е годы XX столетия. С этого момента сформировался ряд подходов, в основе которых лежит представление о особой субъектности молодежи (Михайлова, Зубок, 2023). В современном полипарадигмальном дискурсе обосновываются идеи, согласно которым особенности вхождения молодежи в различные пространственно-временные локализации (образование, семья, рынок труда и т.д.) не только отражают, но и определяют, в конечном счете, вектор развития социума. Современная молодежь является гетерогенной группой. Особое место здесь занимает студенчество, динамизм и мобильность которого обеспечивает ему наибольшую инновационную восприимчивость, делая эту возрастную когорту интеллектуальным и культурным авангардом молодого сегмента общества. Интерес социологов к данной группе обусловлен и тем, что она представляет собой поколение будущей интеллектуальной и производственной элиты. В многочисленных определениях студенчества находят отражение характеристики и особенности, отличающие его от других социальных групп. Мы в своем исследовании исходим из того, что студенчество – это определенная социально-демографическая группа, объединенная возрастом, спецификой труда, его характером и направленностью (процесс обучения и связанная с ним деятельность), а также особыми условиями жизни, психологией, поведением, спецификой стиля жизни, ценностными ориентациями и идеями. Исходя из этого, учеба определяется в качестве главной определяющей деятельности студенчества. Однако ни для кого ни секрет, что в современных условиях весьма распространенным становится феномен работающего студента, из числа студентов дневного отделения. В этом случае мы уже не можем говорить о том, что идентичность студенческой молодежи и особенности ее формирования определяются вхождением только в одну пространственно-временную локализацию, коей является институт образования. Перед нами оказывается молодой человек со «сложносочиненной» идентичностью, поскольку налицо параллельное его включение еще и в структуры рынка труда. Интерес к феномену работающего студента, коль скоро число студентов, совмещающих учебу и работу, за последние годы значительно возросло, определил цель данной работы: проанализировать основные стратегии, обеспечивающие возможность успешного сочетания учебной и трудовой деятельности, и выявить основные риски такого сочетания для главного вида деятельности, которым, по-прежнему, остается учебная деятельность, благодаря которой студенты осваивают весь объем необходимых знаний и компетенций.

Методология и методы исследования

В теоретико-методологическом плане мы используем основные подходы к изучению молодежи, сформировавшие направления исследовательского поля социологии: социализационный (А.И. Ковалева), рискологический (Ю.А. Зубок), стилезиженный (Е.Л. Омельченко). Дополняя друг друга, они обеспечивают возможность сфокусироваться на выяснении особенностей целенаправленной

социализации современного студенчества, проявляющейся в противоречивости стиля жизни (как интегратора социокультурных практик) и формировании идентичности вузовской молодежи в условиях современного подвижного и рискологического социума. Текущая, гибкая идентичность современных студентов, обусловленная и без того противоречивыми ценностными установками и поведенческими практиками, неопределенностью статусной позиции (незаконченность ее формирования), становится еще более «неочевидной» в условиях увеличения числа работающих студентов дневного отделения. Социальная саморегуляция как вхождение в институт образования в условиях расширения пространства выбора, создает напряжение между целями и задачами, которые ставят перед собой вузы, а также целями и задачами самих молодых людей. Противоречие между материалистическими и постматериалистическими ценностными установками современной студенческой молодежи, по-особому преломляется в условиях, когда социальная саморегуляция предполагает вхождение одновременно в разные пространственно-временные локации (институт образования и институт рынка труда), оказывая влияние на главный вид деятельности студенчества – учебную деятельность.

Студенчество пребывает в едином культурном поле института образования, формальным (материальным) выражением которого является вузовская корпорация как его пространственное и временно структурированное бытие. Одна из базовых задач корпоративной культуры – обеспечение социокультурной интеграции ее членов посредством достижения внутреннего «единства в многообразии». Для референтных групп вузовского коллектива – это, прежде всего, взаимодействие и гармонизация отношений студентов и преподавателей. Выявляя особенности противоречивого стиля жизни современного студенчества, мы исходим из сущностной репрезентативности вузовской корпоративной культуры, где главными остаются не материальные условия жизни личностей и групп, а субъект-субъектные отношения (Богданова, 2016). Стиль жизни студентов при этом становится демонстрацией социокультурных ориентаций, обращенных к другим субъектам вузовской корпорации, создавая основания для взаимной динамики интерпретаций. В этом случае выбранная методология предполагает не только «изучение образа для себя», то есть анализ представлений и мнений студентов о важнейших аспектах их жизни как источника информации о ценностных ориентациях, формировании молодежной культуры и фрагментации стилезиженных стратегий. Данный образ должен быть дополнен «образом для других», в качестве которых выступают преподаватели и работодатели. Отметим, что эта же идея заложена в общностном подходе, согласно которому студентов и преподавателей следует рассматривать как две основные образовательные общности. Вместе с тем, социальное пространство акторов, вовлеченных в орбиту образовательной деятельности, необходимо расширять, включая сюда также работодателей и рынок труда (Зборовский, Амбарова, 2021). Для нашего исследования еще один «образ для других» в лице работодателей также становится актуальным, поскольку это обусловлено двумя главными задачами вуза: достижение внутренней интеграции членов вузовской корпорации как инструментальной цели вуза, средства для достижения его главной цели, а также обеспечение условий для подготовки высокопрофессиональных и конкурентоспособных кадров для рынка труда. В контексте же нашего исследования этот «образ для других» актуализируется ввиду распространяющегося феномена работающего студента. Судя по количеству студентов, которые во время обучения не остаются исключительно в структуре института образования, а встраиваются в структуры рынка труда через разнообразные формы занятости, «отсроченного» выхода молодежи на этот рынок, скорее всего уже не наблюдается. Именно поэтому мы говорим о том, что стиль жизни современных работающих студентов – сложное, противоречивое явление, в котором формируются новые стратегии сочетания учебной и трудовой деятельности, порождающие соответствующие риски.

Эмпирической базой настоящего исследования послужил анализ данных анкетного интернет-опроса (платформа Google Forms) студентов двух вузов г. Ростова-на-Дону: Южного федерального университета и Донского государственного технического университета (N=350). Квотирование осуществлялось по направлениям подготовки: естественнонаучное (30%), техническое (33%), социально-гуманитарное (37%); и по уровням подготовки: (бакалавриат, магистратура). Кроме того, были сделаны полуформализованные экспертные интервью, проведенные с ведущими преподавателями указанных выше вузов (N=13), и с имеющими стаж работы 10 и более лет работодателями (N=10), у которых работают студенты очной формы обучения. Исследования реализовано в марте - июле 2023 года.

Результаты и их обсуждение

Свою основную задачу мы видели в изучении двух аспектов. Во-первых, выделить основные стратегии совмещения студентами учебной и трудовой деятельности, которые позиционируются обучающимися в «образах для себя» и оцениваются в «образах для других» преподавателями и работодателями. Во-вторых, влияние стратегий совмещения на учебу как основной вид деятельности работающих студентов.

Согласно результатам опросов, представленным в работах социологов, процент работающих студентов в современных условиях достигает 50-55% и более (Российская молодежь..., 2017). Данные опроса, проведенного в 2022 году НИУ ВШЭ показали, что 55% опрошенных бакалавров и 84% обучающихся в магистратуре работают. (Карьерные планы ..., 2022). Работа занимает у студентов порядка 70% от стандартной 40-часовой работы.

Напомним, что особенности идентичности и стиля жизни, формирующие паттерны поведения, складываются у студентов в сложносочиненном формате сочетания учебной и трудовой деятельности, благодаря одновременному вхождению в разные пространственно-временные локации, что формирует дополнительные риски (Чупров, Зубок, Уильямс К., 2003). В нашем случае речь идет об обратном негативном влиянии такого совмещения на учебу.

Мы исходим из определения образовательной неуспешности, которое предлагают в своих работах Г.Е. Зборовский и П.А. Амбарова, понимая под ней не просто академическую успеваемость, а целый комплекс характеристик деятельности, реализуемых студентами в процессе обучения и взаимодействия с преподавателями вуза, а также с работодателями. Среди основных показателей образовательной неуспешности выделяются следующие: невозможность (неготовность) освоить образовательные программы (слабые общекультурные и профессиональные) компетенции; недостаток образовательной мотивации; трудности профессионального самоопределения; отсутствие научно-исследовательской активности; академическое мошенничество; слабое стремление к накоплению человеческого капитала; наличие негативных социальных эмоций (Зборовский, Амбарова, 2021).

Опрос студентов ростовских вузов позволил выявить, что студенты начинают свою трудовую деятельность уже на 1-2 курсах. В среднем 5-20%, опрошенных студентов, из числа бакалавров и магистров, отметили, что уже в это время начали свою трудовую деятельность. Порядка 57-62% студентов, начали работать к 4-5 курсам обучения в вузе. Что касается магистров, то многие из них отметили, что свою деятельность трудовую начали уже обучаясь в бакалавриате (или специалитете). Поэтому в общем количестве опрошенных магистрантов, совмещающих учебную и трудовую деятельность с начала обучения в магистратуре, не так уж и много (около 15-18%). При этом по статистике общее количество работающих магистров, обучающихся на дневном обучении, достигает 85-90%.

Если опираться на три стратегии совмещения, выделенные в работе Е.А. Каплан и К.Ю. Ерицян, то следует указать на самоменеджмент, расчет на поддержку образовательным учреждением, ориентация на опору работодателей (Каплан, Ерицян, 2020).

Опрос студентов позволил определить, что основной для них является стратегия самоменеджмента. В «образе для себя» порядка 75% опрошенных студентов Донского государственного университета и 72% студентов Южного федерального университета отметили, что сочетая учебный процесс с работой, они *самостоятельно управляют собственным временем, энергией и ресурсами, решают свои проблемы с преподавателями и работодателями для достижения поставленных целей*. Принципиальной разницы между студентами разных направлений и уровней обучения не отмечалось (рис.1).

Рис 1. – Распределение ответов респондентов на вопрос «Главные условия для совмещения учебы и работы» (не более 2-х вариантов ответа).

Определяя свою способность к самоменеджменту, респонденты оценили ее высоко. По предложенной 5-бальной шкале (1 балл - отсутствие способности, 5 баллов – использование самоменеджмента в полной мере) 25% оценили свои способности управлять временем и определять приоритетность видов деятельности максимально, 35% – на «4»; 33,3% – на «3»; 6,7% – на «2». Минимальный балл оценки выбранной стратегии не отметил ни один из опрошенных студентов. Главным условием для совмещения учебной и трудовой деятельности 63,3% назвали «убежденность в умении спланировать совмещение учебы и работы». Гибкий график при этом отметили только 20% респондентов. 48,3 % указали на наличие свободного времени.

Студенты оценили отношение преподавателей к тем, кто сочетает учебную и трудовую деятельность. Порядка 53% всех студентов считают, что отрицательно, 22% – положительно, 25% – скорее нейтральное отношение. Студенты социально-гуманитарных направлений и естественных направлений обучения отметили, что более 60% преподавателей относятся отрицательно к работающим студентам. При этом наиболее нейтральное отношение преподавателей отметили студенты технических специальностей – 35%.

Студенты отметили, что образовательные учреждения, в целом, не поддерживают формально возможность подобного совмещения, что в общем-то очевидно. И по сути дела, только преподаватели, несмотря на отрицательное отношение, вынуждены оказывать поддержку, выделяя время на консультации, разрешая выполнять дополнительные задания и т.д. По крайней мере 35% респондентов из обоих вузов понимают, что с работающими студентами преподавателям приходится заниматься

индивидуально, в дополнительное к аудиторным занятиям время. Остальные ошибочно полагают, что это входит в обязанность преподавателей.

Самостоятельным показателем парадоксальности сознания и неочевидной идентичности стиля жизни студенческой молодежи, обусловленное противоречивым сочетанием материалистических и постматериалистических ценностей и установок, стали ответы на следующие вопросы. Выделяя основные причины, по которым студенты начинают трудовую деятельность во время учебы, отмечается, прежде всего, что «работа – это способ иметь личные деньги» (84%), «работа – это независимость от родителей» (68%). Правда при этом работу как необходимость платить за учебу указало только 4% опрошенных. Далее, почти в том же процентном соотношении, – «работа – это способ самореализации» (70%). Расширение круга общения за счет работы оказалось важным только для 16%. 18% сочли, что это даст им возможность приобрести опыт по будущей специальности. Но на вопрос о том, связана ли их работа с получаемой вузе профессией, только 6% ответили «скорее да». Остальные ответили отрицательно. Основными сферами их деятельности остаются преимущественно область торговли (продавец-консультант, кассир, менеджер по продажам, промоутер), индустрия быстрого питания, курьерские службы, колл-центры и т.д. Вряд ли в этом контексте можно всерьез говорить о профессиональной самореализации.

Стратегия самоменеджмента работающих студентов «в образе для других». Преподаватели в экспертных интервью указали на следующие особенности формирования студентами стратегии самоменеджмента.

Во-первых, работающие студенты пропускают 50% и более аудиторных занятий, что не может не сказываться на качестве получаемых знаний, несформированности необходимых компетенций, и, в конечном счете, на том, что образовательная программа не осваивается в полном объеме. Это становится и причиной, и следствием того, что социологи называют образовательной неуспешностью. Поведенческие стратегии работающих студентов являются также самостоятельным показателем ценностной противоречивости стиля жизни студентов. Студенты отмечают, что поступили в вуз, чтобы получить знания, что им «нравится учиться», а также для самореализации и самосовершенствования, но при этом на деле процесс обучения становится фрагментарным, учеба «от случая к случаю». Отсутствие системности, усердия приводит на деле к «симулякрам знаний» и обучению «ради корочки». И все это происходит в обществе знаний.

Во-вторых, основная позиция работающего студента «я же работаю», предполагает, что преподаватели «...должны войти в их положение» (И.Д. доцент ЮФУ). (должны «пойти навстречу», «...понять и сделать снисхождение», «...дать **какие-нибудь** дополнительные задания» и т.д.). Работающие студенты наиболее склонны к «академическому мошенничеству» (Зборовский, Амбарова, 2021). По мнению преподавателей, оно проявляется в том, что студенты требуют высокие баллы за плохо выполненные задания. Новой для студентов тактикой достижения своей стратегии совмещения видов деятельности становится не «клянчить» положительные оценки, а добиваться таковых во что бы то ни стало, «вынимая душу» из преподавателей (Радаев, 2019).

Преподаватели в своих оценках отмечали, что «...вся стратегия самоменеджмента сводится у студентов, по большей части, если не исключительно к тому, чтобы сообщить преподавателям о том, что они, видите ли, работают (И.Б., профессор ДГТУ), «...буквально потребовать дать ему индивидуальные задания, которые он выполняет как-нибудь и сдает в конце семестра «оптом» (А.В., доцент ЮФУ). «...Учитывая, что количество работающих студентов в группе возрастает к старшим курсам, то страдает качество подготовки, исключительно, по профессиональным дисциплинам» (В.В., доцент ДГТУ)». «Все эти индивидуальные задания, за очень редким исключением, выполнены на скорую руку, чтобы сдать преподавателю (Д.М., профессор, заведующий кафедрой ДГТУ).

Единодушное мнение преподавателей сводится к тому, что стратегии, поддерживаемые образовательным учреждением, по сути своей сводится к одной – поддержка преподавателями за счет их индивидуального ресурса. Что определяет такую позицию преподавателей? Идеология менеджериализма, связанная с новой практикой сохранения контингента учащихся вузов в условиях подушевого финансирования. В этой ситуации у преподавателя, если он планирует продолжать работать, нет никакой возможности отказать студенту, которого он не видит в течение семестра или видит очень редко. Отчисление студентов – дело очень сложное и практически невозможное, поэтому преподаватели отмечали, что *«...Хочешь, не хочешь приходится, и задания давать, и проверять их, тратить на это кучу времени, учитывая, что желающих так учиться все больше..»* (А.В., доцент ЮФУ). Преподаватели отмечают отсутствие какой-бы то ни было формальной составляющей, если уж говорить о стратегии поддержки образовательным учреждением. В нагрузке давно сокращены до минимума часы даже на контролирующую самостоятельную работу студентов.

Исходя из того, что феномен работающего студента активно вовлекает в орбиту институциональных взаимодействий институт образования и рынок труда, необходимо посмотреть на то, как стратегия самоменеджмента работающих студентов оценивается работодателем. «Образ для других», в лице последних, продемонстрировал отстраненную позицию. Студенты, отвечая на вопрос о том, как работодатели относятся к студентам, совмещающим работу и учебу, отметили, что мало интересуются или вообще не интересуются их проблемами. Тех, кто как-то помогает студентам из числа работодателей, оказалось 20%. Столько же тех, чье отношение можно назвать нейтральным. 46% отметили, что работодателей интересует только работа на предприятии.

Работодатели в интервью сообщили о том, что формирование графика совмещения деятельности, в случае студенческой молодежи, остается делом самих студентов. По мнению большинства работодателей, стратегия «самоменеджмента» остается едва ли не единственной. Из беседы с руководителями организаций, имеющих опыт работы со студентами, выяснилось следующее. Уже при приеме на работу с соискателями обговаривается их трудовой график. Уменьшение рабочего времени и изменение графика весьма затруднительно. За нарушения трудовой дисциплины, связанной с опозданиями или прогулами, предусмотрены штрафы и увольнение. *«Меня как руководителя, честно говоря, интересует выполнение работы на производстве. Если я буду подстраиваться под работающих у меня, в том числе студентов, то, как Вы понимаете, я только и буду заниматься тем, что корректировать их график. Нет, это невозможно. Они сами должны регулировать свою работу и учебу раз уж так решили их совмещать...»* (И.В. директор торговой организации). *«Студентов на работу приглашаем, но условия обговариваем сразу, меняем график неохотно, очень сложно...Знаю, что учатся, но это их проблема»* (Е.А. руководитель колл-центра).

Главное институциональное противоречие между рынком труда и образованием на примере работающих студентов проявляется в том, что стратегии, поддерживаемые работодателем, практически не реализуются. Работодатель, как правило, не подстраивается под график учебного процесса работающего студента, и требует выполнения работ в том временном формате занятости, какой считает нужным. Работодатели, по мнению студентов, реже всего идут им навстречу, даже в случае необходимости посещения экзамена, зачета, коллоквиума, и т.д. Но и в этом случае студенты обязаны оформлять отгул или краткосрочный отпуск «за свой счет». Только 5-8% студентов отметили стратегии, поддерживаемые работодателем.

Отношение к учебе как главному виду деятельности

В 2023 году Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрий Чернышенко озвучил впечатляющую статистику: в России обучается почти 4,5 миллиона студентов. «Это огромная армия молодых людей, жаждущих знаний и готовых

строить будущее нашей страны! В 2023/2024 учебном году в вузы поступило 1 236 022 первокурсника. Это словно целый город, наполненный энергией и новыми идеями» (Сколько студентов..., 2024).

Действительно, в «образе для себя» студенты заявляют, что основными мотивами поступления в вуз является «желание получить профессиональные знания и навыки» – 60%, «стремление к самосовершенствованию» – 52%, «чтобы найти высокооплачиваемую работу по окончании вуза» – 40%. Очевидно, что возможность реализации задуманного невозможно без усердия в учебной деятельности. Практика совмещения учебной и трудовой деятельности за счет якобы реализации стратегии самоменеджмента, и в «образе для себя» и, как мы видели ранее, в «образе для других» (преподавателей), приводит к тому, что эта мотивация носит декларативный характер, поскольку не подтверждаются реальным поведением студенческой молодежи в части отношения к учебе как главному виду деятельности, позволяющему реализовать намеченные жизненные стратегии. Если говорить в целом о результатах опросов студентов об их отношении к учебе, то за последние 10-15 лет социологи фиксировали цифру не более 20-30% тех, кто отмечал, что учится усердно, с полной отдачей сил. Почти 60% отмечали, что учатся «не бездельничая, но и сильно не напрягаясь». До 8% студентов честно заявляют, что учатся «спустя рукава», то есть бездельничают.

Опрошенные нами работающие студенты, как сказал бы И. Гоффман, «выдали себя» (Гоффман, 2007), отвечая на вопрос о том, «насколько они согласны с тем, что работа превышает учебу». Не согласились с этим утверждением только 14% респондентов. 14% выразили полное согласие, 38% – частичное согласие, а 54% – затруднились с ответом (рис.2).

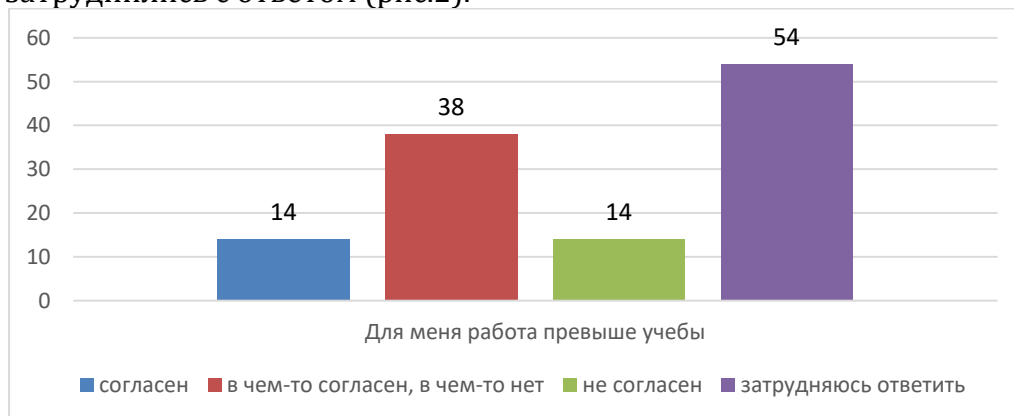

Рис 2. – Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько Вы согласны со следующим утверждением: «Для меня работа превышает учебу», %

Респонденты продемонстрировали полное понимание такого приоритета, и его обратное влияние на главный вид деятельности (рис.3)

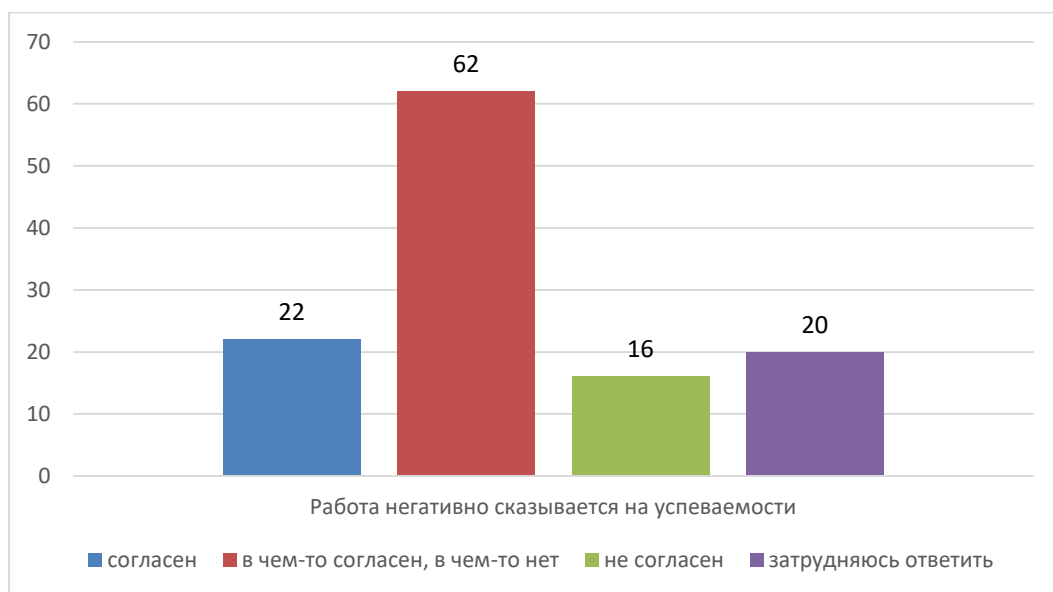

Рис 3. – Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько Вы согласны со следующим утверждением: «Работа негативно сказывается успеваемости», %

Реализация отмеченной выше стратегии «самоменеджмента», которую студенты определяют в качестве ведущей, приводит, по мнению преподавателей, к тому, что «...студенты появляются на занятиях от случая к случаю, не готовятся к занятиям. Что-то читают в Интернете, но не более того...» (И.Н., доцент ЮФУ). «...такой вид деятельности как конспект вообще перестал существовать. Распечатки преобладают, читают с листа с ошибками. Видно, что распечатали, но не удосужились прочитать... Хорошо еще распечатки, а в основном хотят что-то прочитать прямо с телефона (В.В., профессор ДГТУ).

На вопрос о том, «принимают ли студенты участие в научно-исследовательской работе», мы, как и ожидали, получили практически отрицательный ответ. В среднем только около 9% студентов, от общего числа опрошенных, посчитали, что принимают, указав на то, что «иногда присутствуют на проводимых вузом научных конференциях, форумах и т.д.». Выступают с докладами на научных студенческих конференциях только 2.3%, причем, преимущественно, из числа студентов, обучающихся на социально-гуманитарных и технических направлениях и специальностях.

Преподаватели, отмечали в своих интервью, что студенты, часто пропускающие занятия, демонстрируют неспособность накапливать знания, склонны лишь к односложным ответам, не в состоянии построить целостное выступление. Это, не может не влиять на профессиональное самоопределение. Если студенты 1-2 курса бакалавриата на вопрос «Планируете ли Вы в будущем работать по выбранной специальности» в 50% ответили, что «попытаются поискать работу по специальности». К 4-5 курсам так ответили только 9% опрошенных. 50% ответили: «Вряд ли я буду работать по специальности». 30% заявили категорично, что не планируют искать работу по специальности, а оставшиеся 11% – затруднились с ответом. Интересно, что эта закономерность выявлена нами у студентов всех направлений обучения. Мы готовы предположить, что студенты, взрослея, понимают, что они не овладели необходимыми знаниями, навыками, компетенциями, которые бы позволили им успешно самореализоваться в профессии.

Что касается работодателей, то они в своих интервью подтвердили в целом, «нейтральное», а точнее безразличное отношение к учебе их сотрудников, из числа работающих студентов. «... Иногда спрошу, как дела в институте... (С.Х, руководитель торговой организации). «Нет, почти не интересуюсь...потому что это его (студента) проблема, знал на что идет...» (С.П., директор в сфере организации быстрого питания). «Не помню случаев увольнения студентов из-за плохой успеваемости (С.Н. руководитель торговой сети).

Выводы и заключение

1. Феномен работающего студента становится все более распространенным явлением, актуализирую проблему возможности сочетания учебной и трудовой деятельности. Совмещение данных видов деятельности усугубляет и без того имеющую место противоречивость (парадоксальность) стиля жизни современного студенчества, проявляющегося в сложном сочетании ценностных установок (материалистических и постматериалистических) и неочевидной идентичности, формирующих столь же парадоксальные паттерны поведения в виде неадекватной мотивации к учебной деятельности.
2. Изучение феномена работающего студента в контексте репрезентативной сущности вузовской корпоративной культуры, предполагающей необходимость гармонизации отношений преподаватель-студент, определило необходимость не только изучения мнений студентов о механизмах, условиях и последствиях совмещения учебной и трудовой деятельности в «образе для себя», но и включения в сферу рассмотрения других заинтересованных акторов (в данном случае «образы для других» – преподавателей и работодателей).
3. Проведенный анализ позволил зафиксировать, что стратегия самоменеджмента, которую преимущественно используют студенты, совмещая учебную и трудовую деятельность, в настоящее время не может рассматриваться для большинства работающих студентов как обеспечивающая им успех в получении образования и ведет преимущественно к риску образовательной неуспешности как комплексной проблеме. Риск образовательной неуспешности следует рассматривать не только в контексте проблем вузовской корпорации и института образования, но в контексте социальных и будущих профессиональных рисков на рынке труда.
4. Академическая успеваемость не является при этом самостоятельным показателем успешности реализации данной стратегии, поскольку определяется не усилиями студентов по получению знаний, умений, компетенций, а стратегией, поддерживаемой образовательным учреждением, причем исключительно неформальными способами, через использование исключительно личного ресурса преподавателей для реализации политики сохранения студенческого контингента.
5. В этом процессе, как и в работе с выпускниками вузов, стратегии, поддерживаемые работодателем, имеют самый весьма «отвлеченный» характер. Несмотря на вхождение студентов в институт рынка труда, что ставит под сомнение «отсроченное вступление молодежи в трудовые отношения», проблемы работающих студенты остаются в контексте взаимной динамики интерпретаций исключительно двух образовательных общностей.

Литература

Богданова, И. Н. Российское студенчество в репрезентативных практиках: противоречия стиля жизни: монография / И. Н. Богданова; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – 170 с.

Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; Ирвинг Гофман; Пер. с англ. А. Д. Ковалева; Ин-т социологии РАН [и др.]. – Москва: РГБ, 2007. – 304 с. – EDN QONBER.

Зборовский, Г.Е. Образовательная неуспешность российского студенчества: социологическая интерпретация проблемы / Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова // *Социологические исследования.* – 2021. – № 3. – С.17 – 26.

Каплан, Е.А. Работа и учеба у студентов вузов: конфликт или фасилитация? / Е.А. Каплан, К.Ю. Ерицян // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* – 2020. – №4. – С.395 – 402.

Радаев, В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество / В. В. Радаев; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. – 224 с. – (Социальная теория). – ISBN 978-5-7598-1985-1. – <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>. – EDN STOTFS.

Российская молодежь: образование и наука / Н. В. Бондаренко, Ю. Л. Войнилов, Г. Л. Волкова [и др.]. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. – 72 с. – ISBN 978-5-7598-1597-6. – <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1597-6>. – EDN VAZFOE.

Хлюстов, С.С. Современные студенты: мотивы совмещения учебы и работы / С.С. Хлюстов, О.В. Румянцева // XXI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 22-23 марта 2018 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ. 2018. – С. 668-674.

Чупров, В. И. Молодежь в обществе риска / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. В. Уильямс. – 2-е издание. – Москва: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук "Издательство "Наука", 2003. – 229 с. – ISBN 5-02-006294-4. – EDN YABOOB.

Шуклина, Е. А. Образовательная успешность в контексте феноменологической социологии знания / Е. А. Шуклина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2020. – № 3. – С. 62-75. – <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.3.4>. – EDN TYAGQF.

Михайлова, Е., Зубок, Ю. Российская молодежь: сложный объект исследования и ключевой субъект конструирования будущего // Социодигер. Том 4. Выпуск 11-12 (30). – 2023. Режим доступа: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/rossiiskaja-molodezh-slozhnyi-obekt-issledovaniya-i-kljuchevoi-subekt-konstruirovaniya-budushchego>

Сколько студентов в России 2024. Студенты России 2024: Обзор ключевых цифр и тенденций. Режим доступа: <https://telegra.ph/Skolko-studentov-v-Rossii-2024-Studenty-Rossii-2024-Obzor-kljuchevyh-cifr-i-tendencij-10-17>.

Учиться, общаться и тусоваться, или главные ценности российского студенчества // wciom.ru – Информационный портал ВЦИОМа. 25 января 2022. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-1obzor/uchitsjaobshchatsja-i-tusovatsja-ili-glavnye-cennosti-rossiiskogo-studenchestva>.

References

Bogdanova I. N. Russian students in representative practices: contradictions of lifestyle: monograph. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Rostov-on-Don: Southern Federal University Press; 2016. 170 p. (In Russ.)

Goffman I. Presenting Oneself to Others in Everyday Life / Trans. from English by A. D. Kovalev; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences [and others]. Moskva: Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka = Moscow: Russian State Library; 2007. 304 p. (In Russ.)

Zborovskij, G.E., Ambarova, P.A. The educational failure of Russian students: a sociological interpretation of the problem. Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Research. 2021; 3:17-26. (In Russ.)

Kaplan E. A., Ericyan K. Y. Work and study among university students: conflict or facilitation? Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes. 2020; 4: 395-420. (In Russ.)

Radaev V. V. Millennials. How Russian Society is Changing. Moskva: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet "Vysshaya shkola ekonomiki = Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2019. – 224 p. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>. (In Russ.)

Russian youth: education and science / N. V. Bondarenko, Yu. L. Voynilov, G. L. Volkova [et al.]. Moskva: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet "Vysshaya shkola ekonomiki" = Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2017. 72 p. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1597-6>. (In Russ.)

Khlyustov S. S. Modern students: motives for combining study and work. XXI International Conference in memory of Professor L. N. Kogan "Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience", March 22-23, 2018, Yekaterinburg. Yekaterinburg: UrFU = Yekaterinburg: UrFU; 2018: 668-674. (In Russ.)

Chuprov, V.I., Zubok, YU.A., Uil'yams, K. Youth in a risk society. Second edition. Moscow: Science = Moskva: Nauka; 2003. 229 p. (In Russ.)

Shuklina, E.A. Educational success in the context of the phenomenological sociology of knowledge. Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki = Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences. 2020: 62-74. (In Russ.)

How many students are there in Russia in 2024. Students of Russia 2024: An overview of key figures and trends. Available at: <https://telegra.ph/Skolko-studentov-v-Rossii-2024-Studenty-Rossii-2024-Obzor-klyuchevyh-cifr-i-tendencij-10-17>. (In Russ.)

Mikhajlova, E., Zubok, YU. Russian youth: a complex object of research and a key subject of designing the future // Sociodigger. Volume 4. Issue 11-12 (30). 2023. Available at: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/rossiiskaja-molodezh-slozhnyi-obekt-issledovaniya-i-kljuchevoi-subekt-konstruirovaniya-budushchego>. (In Russ.)

To study, communicate and hang out, or the main values of Russian students // wciom.ru – Information portal VTSIOM. January 25, 2022. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uchitsja-obshchatsja-i-tusovatsja-ili-glavnye-cennosti-rossiiskogo-studenchestva>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 22.10.2024

Дата получения рукописи: 22.10.2024

Дата окончания рецензирования: 28.11.2024

Дата принятия к публикации: 29.11.2024

Информация об авторе

Богданова Ирина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Bogdanova Irina Nikolaevna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья**УДК 316.344.34**<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.5>

EDN MYXUFN

Категория «дополнительное профессиональное образование» в предметном поле социологического знания**Оксана В. Богданова¹**¹ Генеральный директор СО АНО ПК ИСЭР, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: oksanavelo9@bk.ru

Аннотация

Введение. Научная актуальность темы заключается в том, чтобы обобщить и систематизировать основные подходы к изучению дополнительного профессионального образования. В научном сообществе сложился масштабный по проблематике дискурс. Его теоретическое изучение позволит лучше понять имеющийся предметный спектр и оценить состоятельность тех или иных идей в последующем эмпирическом исследовании. Цель статьи: сделать типологию реализуемых в научном дискурсе по дополнительному профессиональному образованию научных подходов.

Методология. Теоретически модель исследования выстраивается через ресурсный и институциональный подходы. Эти две теории наиболее часто применяются в качестве методологических оснований для изучения ДПО. В данной статье с их помощью осуществляется типология сложившегося научного дискурса.

Результаты и их обсуждение. Ресурсный и институциональный подходы являются основными для построения теоретической модели и анализа эмпирических данных при изучении дополнительного профессионального образования. Исторически первым сложился ресурсный подход. Среди социологов он остается наиболее востребованным и в текущий момент. С применением ресурсного подхода изучались такие аспекты проблематики как преодоление социального неравенства, приобретение наиболее актуальных и затребованных профессиональных компетенций, разрешение диспропорций на рынке образовательных услуг, удовлетворение потребности в обучении на протяжении всей жизни и т.п. Институциональный подход стал применяться сравнительно недавно. Его цель состоит в том, чтобы оценить процессы равновесия в институциональном пространстве ДПО, измерить согласованность социальных целей основных акторов, понять масштабы издержек и измерить эффективность трат на дополнительное профессиональное образование. При помощи институционального подхода ДПО изучается в качестве локальной социальной системы, в которой действуют определенные закономерности и законы. Институциональный подход позволяет строго социологически измерить успешность реализуемых в пространстве дополнительного профессионального образования приписываемых ему социальных функций.

Ключевые слова: дополнительное образование; институциональный подход; ресурсный подход; ДПО; социология; профессиональное образование; методологические основы.

Для цитирования:

Богданова О.В. (2024). Категория «дополнительное профессиональное образование» в предметном поле социологического знания. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), С. 60-68. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.5>

The category 'additional professional education' in the subject field of sociological knowledge

Oksana V. Bogdanova¹

¹ Director General, SO ANO PK ISER, Rostov-on-Don, Rostov region, Russia
e-mail: oksanavelo9@bk.ru

Abstract

Introduction. The scientific relevance of the topic is to generalise and systematise the main approaches to the study of additional professional education. The scientific community has developed a discourse that is large-scale in terms of problems. Its theoretical study will allow us to better understand the available subject spectrum and assess the validity of certain ideas in the subsequent empirical study. The aim of the article is to make a typology of scientific approaches realised in the scientific discourse on additional professional education.

Methodology. Theoretically, the research model is built through the resource-based and institutional approaches. These two theories are most often used as methodological bases for studying APE. In this article, they are used to typologise the existing academic discourse.

Results and its discussion. Resource and institutional approaches are the main ones for building a theoretical model and analysing empirical data in the study of additional vocational education. Historically, the resource approach was the first to emerge. It remains the most popular among sociologists even at the present moment. The resource approach was used to study such aspects of the problem as overcoming social inequality, acquiring the most relevant and demanded professional competences, resolving disproportions in the market of educational services, satisfying the need for lifelong learning, etc. The institutional approach is a relatively recent approach. Its purpose is to assess the equilibrium processes in the institutional space of APE, to measure the coherence of the social goals of the main actors, to understand the scale of costs and to measure the effectiveness of spending on further professional education. With the help of the institutional approach, APE is studied as a localised social system in which certain regularities and laws operate. The institutional approach allows for a strict sociological measurement of the success of the social functions attributed to additional professional education in the space of additional professional education.

Keywords: additional education; institutional approach; resource approach; APE; sociology; professional education; methodological foundations.

For citation: Bogdanova O.V. (2024). The category of 'additional professional education' in the subject field of sociological knowledge. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), P. 60-68. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.5>

Введение

В последние несколько десятилетий на дополнительное профессиональное образование (далее – ДПО) возлагаются большие задачи. Они связываются с тем, что высшее образование, построенное на началах фундаментальности и потому крайне медленно реагирующее на изменения, происходящие на рынке труда, в полной мере не способно выполнять свои функции профессиональной подготовки. В связи с этим ДПО нередко отождествляется с образом спасителя, выполняющего важную социальную миссию. Под этой миссией обычно понимается способность дополнительного профессионального образования осуществлять функции повышения квалификации и переподготовки кадров. Отчасти подобные задачи связываются с преодолением «ошибок молодости», проистекающих от затруднений выпускников школ выбирать ту специальность, которая действительно представляется им важной и значимой. Но в не меньшей степени ДПО просто более оперативно способно реагировать на трансформационные изменения на рынке труда и эффективнее учитывать их в своих учебных программах.

Данное качество системы дополнительного профессионального образования неизменно привлекало к себе внимание со стороны исследователей. Одна часть социологического сообщества предпринимала попытки показать с разных ракурсов значимость ДПО; другая пыталась выявить его системные и функциональные недостатки. Иногда обе стороны научного дискурса переплетаются между собой, но, в работах критического характера, как правило, уже отсутствуют актуальные для второй половины XX в. сентенции о некоей миссионерской роли ДПО в институциональном поле образования. В настоящее время всё больше исследований проводятся, чтобы показать перспективные направления для улучшения работы дополнительного профессионального образования. Такой поворот в научной традиции предполагает повышения требований к методологической оснащенности исследований по ДПО. В данной статье мы ставим перед собой цель сделать типологию реализуемым в научном дискурсе по дополнительному профессиональному образованию научным подходам.

Методология исследования

Теоретически модель исследования выстраивается через ресурсный и институциональный подходы. Эти две теории наиболее часто применяются в качестве методологических оснований для изучения ДПО. В данной статье с их помощью осуществляется типология сложившегося научного дискурса.

Результаты исследования и их обсуждение

Ресурсный подход.

Одним из главных теоретических подходов, применяемых в ходе изучения образования, принято считать ресурсный подход. Немаловажно добавить, что сказанное в той же мере справедливо и применительно к исследованию экономических институтов. Об этом не стоит забывать, т.к. в сложившихся социальных отношениях профессиональное дополнительное образование тесно связано с потребностями работодателей, которые нередко выступают инициаторами повышения квалификации или даже переобучения собственных работников. Ресурсный подход стал применяться социологами как методология для исследования социальных неравенств. В отношении образования правильно было бы говорить о неравном доступе к его получению. С этой точки зрения позиции дополнительного образования принято представлять как новые социальные возможности, способные сгладить негативные последствия сложившегося неравенства. Особенно это верно в тех случаях, когда оно имеет практикоориентированный характер и нацелено на актуальные, недавно возникшие тренды в общественном развитии, которые не учитываются или воспринимаются как недостаточно важные в профессиональном обучении в классических университетах.

В рамках ресурсного подхода, производного от теории структуризации (Giddens, 1984), образование изучалось Э. Гидденсом. Исходная позиция автора состоит в том, что образование имеет бинарную природу, обладая способностью как усиливать, так и преодолевать неравенства. Потребность в преодолении возникает для борьбы с социальной дискриминацией и вследствие структурных изменений в экономике, стимулирующих переход к массовизации высшего образования. Поскольку в фокус его внимания в большей степени попадало образование, сложившееся в Великобритании и США, то в качестве возможных ресурсов потенциальной бинарности рассматриваются те, которые действуют в социальном пространстве англосаксонского мира. Это, прежде всего, ограниченное государственное регулирование и частные пожертвования. Благодаря им постепенно происходит выравнивание диспропорций, сложившихся исторически в пользу частных университетов. С этих позиций рассматривается и дополнительное образование, которое самостоятельным объектом исследования у Э. Гидденса не выступало.

Значительный вклад в развитие социологического знания об образовании с позиции ресурсного подхода внес П. Бурдьё. Для него образование представляет собой

инструмент, который воспроизводит и поддерживает социальное неравенство. Ученый делит всё социальное пространство на несколько относительно самостоятельных полей, в которых действуют социальные акторы, вступающие между собой в коммуникацию. Если она имеет продолжительный характер, то это позволяет говорить о наличии устойчиво сложившихся социальных практик. Устойчивость описывается посредством категории габитуса, вбирающего в себя социальные представления, стереотипы, ролевые модели и прочие регулятивы, обеспечивающие готовность к нормативно заданному типу социального поведения. Конечным итогом становится обретение совокупности капиталов, в числе которых как один из главных П. Бурдьё называет образование. Дополнительное профессиональное образование является особым видом капитала, производным от других ресурсных возможностей актора. Поскольку дополнительное образование имеет коммерческий характер, рост этого капитала зависит от социальных ресурсов семьи конкретного актора. Следовательно, получение качественного дополнительного образования помещено в прямую зависимость от тех видов ресурсов, которые производны от семейного капитала. П. Бурдьё, как видно, склонен был рассматривать дополнительное образование в качестве фактора, лишь усилившего общественное неравенство.

Ресурсный подход для изучения неравенств в образовании широко применялся Дж. Коулманом. Социолог участвовал в инициированном правительством США проекте об исследовании взаимосвязи между различными видами ресурсов и эффективностью образования. Изначальная гипотеза состояла в том, что значительную роль в усугублении неравенств играют материальные факторы. Однако результаты исследования показали, что приоритет принадлежит т.н. социальным ресурсам, в числе которых наибольшее значение имеет «человеческий капитал» (Коулман, 2001). Оказалось, что на результатах образовательной деятельности приоритетно сказываются семейная коммуникация, статус родителей, знакомства и наличие статусных родственников. Полученные выводы трансформировались в концепцию человеческого капитала, которая широко стала применяться и как объяснительный инструмент для процессов, протекающих на Западе в системе дополнительного профессионального образования.

Разновидностью ресурсного подхода можно считать инструменталистскую концепцию А. Бенавота. В ней образование выступает самостоятельным социальным институтом. Этот статус во многом является результатом перехода современного социального развития к тому, что принято называть обществом знаний, в глобально-теоретическом плане – информационным обществом. Образование является инструментом, посредством которого производятся ресурсы. Поэтому качественное образование есть гарант прироста общественного богатства. А. Бенавот был одним из первых социологов, который предложил модель дополнительного профессионального образования как важнейший элемент системы образования в целом. Данная идея обосновывалась тем, что в современных условиях фундаментальное классическое образование не поспевает за протекающими в обществе переменами и оказывается неспособным к воспроизводству новых видов ресурсов, необходимых на динамично развивающемся рынке труда (Benavot, 1983).

Институциональный подход.

В последние годы в отечественной социологической науке в осмыслении проблематики дополнительного профессионального образования начинает утверждаться институциональный подход. Очевидная цель такой интерпретации ДПО состоит в том, чтобы найти основания для его изучения в формате системной, организационной или нормативной модели, обладающей признаками, указывающими на её композиционное единство.

Среди отечественных социологов он активно поддерживается Л.В. Тарасенко. Его интерпретация даётся в опоре на функциональный и системный анализ.

В первом случае ДПО как социальный институт рассматривается в качестве совокупности функций, обеспечивающих ему релевантное положение в социальном пространстве среди других социальных институтов, образующих секторальную систему социума (Тарасенко, 2011). Функциональная значимость ДПО анализируется в рамках концепции непрерывного образования. В соответствии с этой концепцией современное общество находится на такой стадии развития, когда полученное однажды образование не способно обеспечить актора всем необходимым капиталом знаний на оставшуюся часть взрослой жизни. Это означает, что профессиональные компетенции следует пополнять по мере возникновения такой необходимости. Социолог отмечает, что данная необходимость возникает на этапе позднего модерна и в постиндустриальном обществе. Подобная интерпретация одинаково справедлива как в отношении производственного сектора, так и применительно к непромышленным видам деятельности. Стремительные изменения происходят везде. Следовательно, обновлению подлежат все профессии, которые приобретаются в студенческие годы в университетах. Л.В. Тарасенко определяет данное положение «префигуративным» способом трансляции культуры. Это сближает точку зрения ученого с концепцией «человеческого капитала», рассмотренную нами ранее в опоре на ресурсный подход. Всего социолог выделяет три базовые функции социального института дополнительного профессионального образования: компенсаторную, адаптационную и преобразующую. Благодаря первой происходит обновление профессиональных компетенций. ДПО компенсирует перманентно возникающие пробелы в образовании. Адаптационная проявляется в процессе вторичной профессиональной социализации и особенно актуальна для профессиональной переподготовки. Действия в рамках преобразующей функции близки по внутреннему содержанию к такой форме социализации как интериоризация. В процессе получения ДПО слушатель должен научиться экстраполировать свой новый социальный статус в пространство профессиональной деятельности, а эффективность этой деятельности следует считать эмпирическим индикатором успешности профессионального преобразования (Тарасенко, 2010).

С точки зрения системного анализа Л.В. Тарасенко выделяет и описывает разные уровни ДПО: школьный, средне-специальный, вузовский, производственный. Однако ни на одном из своих уровней он не достигает в полном объеме целей, которые поставлены перед ним российским обществом. Основная проблема состоит в качестве программ ДПО, разрабатываемых образовательными организациями, и низкой мотивации слушателей, заинтересованных преимущественно лишь в формальном исполнении предписаний со стороны работодателей. Поэтому социолог характеризует социальный институт дополнительного профессионального образования как маргинальный, указывая на его практически полную зависимость от социальной политики государства на всех системных уровнях. Сравнивая развитие аналогичных структур на примере России и США, социолог приходит к выводу, что российская модель дополнительного профессионального обучения плохо встроена в систему горизонтальных связей (частные университеты, субъекты предпринимательства и т.п.), а целиком и полностью зависит от государства. Это делает ее не гибкой, что препятствует эффективному функционированию ДПО в российском обществе.

Н.С. Данакин и Е.В. Чикилева (Данакин, Чикилева, 2016) раскрывают институциональную природу ДПО через его социальные задачи. В их числе указывается на необходимость стимулирования профессиональной мобильности, повышения интеллектуального потенциала социума, обеспечения образовательных возможностей работников, преодоления профессиональной некомпетентности, решения проблем вторичной профессиональной социализации, создания условий для самореализации. Едва ли это можно назвать в полной мере институциональным анализом. И, по всей видимости, авторы на него не претендуют, хотя и определяют в титуле к своему исследованию ДПО как социальный институт. Но в другой работе, уже за авторством

одной Е.В. Чикилевой, указывается на то, что «...ДПО является одной из наиболее демократичных систем института образования» (Чикилева, 2020, с. 119). Данный вывод свидетельствует о методологической непроработанности институционального подхода в указанной работе. Очевидно, это объясняется представлением автора о том, что институт дополнительного профессионального образования лишь находится в статусе становления (институционализации).

Аналогичным образом, то есть отталкиваясь от возникших социальных потребностей, ДПО рассматривается как социальный институт Г.И. Алмаевой. Речь опять же идет об институционализации, под которой понимается наличие социальной цели и необходимых условий для ее достижения. Цель трактуется стандартно: переход «от образования на всю жизнь к образованию через всю жизнь» (Алмаева, 2013). Это прямо связывается с развитием общества знаний и ростом конкуренции среди работников, чья привлекательность становится выше благодаря включенности в ДПО. В качестве условий говорится о роли государства для преодоления социального неравенства (имущественного, возрастного, гендерного) и необходимости более активного участия работодателей. В целом, такой институциональный подход по поставленным проблемам и заявленной тематике намного ближе к уже рассмотренному нами ресурсному. То есть содержательные грани между ресурсной и институциональной теориями стираются.

В.Л. Первухин, В.А. Кирьянова, Н.В. Ситкевич представляют институт дополнительного профессионального образования как совокупность социально-значимых функций, регулируемых принятыми государством нормативными актами. Акцент в их работе делается на наличии неких барьеров, в основе которых лежат дефекты нормативной регуляции. Чтобы преодолеть препятствия для институционализации ДПО предлагается улучшить процедуру аккредитации, заменив ее с общественной на государственную. Это, как считают специалисты, повысит конкурентоспособность программ ДПО и решит проблемы с мотивацией слушателей (Первухин, Кирьянова, Ситкевич, 2020).

Принципиально иные основания институционального подхода закладываются в работах коллектива авторов, возглавляемого В.В. Вольчиком. Дополнительное профессиональное образование представлено как самостоятельная подсистема, располагающаяся на стыке двух смежных социальных институтов: экономики и, собственно, самого образования. Оно имеет коммерческий характер, что проявляется вне зависимости от субъектов оплаты в пространстве его институциональных коммуникаций: индивида, работодателя, государства. Это прочно связывает его с институтами экономики. Однако поскольку получение прибыли не является в нем основной, во всяком случае, – единственной, целью деятельности, то его коммерческая компонента не превращает ДПО в чисто коммерческий вид коммуникации. Подобная институциональная двойственность задает его основные признаки. Они сводятся к непродолжительности процесса обучения, практикоориентированности и гибкости в образовательных запросах, а также способах удовлетворения информационных пожеланий клиентов (Вольчик, Фурса, Филоненко, Кривошеева-Медянцева, 2017). В.В. Вольчик (с соавторами) рассматривает социальный институт дополнительного профессионального образования как систему определенных формальных ограничений, которые определяют правила вхождения акторов на рынок образовательных услуг. Концептуально такой подход основывается на традициях неинституциональной теории. Проанализировав федеральные и региональные (на примере законодательства Ростовской области) нормы, учёные приходят к выводу о крайне упрощенном порядке организации образовательной деятельности в формате ДПО. Приведенный выше тезис разъясняется не только особой ролью этого вида образования, но и необходимостью создавать специальные стимулы к его развитию.

Исследовательская группа состояние данного социального института с точки зрения его социальной полезности оценивает крайне невысоко. «Адаптация к

изменению институтов может приводить к выбору акторами поведенческих стратегий, которые можно охарактеризовать как послушание и молчаливый оппортунизм, когда за внешне респектабельным фасадом маскируется полное отсутствие содержания образовательного процесса» (Вольчик и др., 2016, с. 79). Оценивая текущее состояние социального института дополнительного профессионального образования, фактически отмечается, что оно большей частью является продуктом рыночных, нежели образовательных отношений. Его образовательная ценность сомнительна, но как продукт коммерческих усилий, выпущенный на рынок образовательных услуг, ДПО постепенно становится фактором, вокруг которого группируются интересы определенных социальных акторов. Данный вывод, на самом деле, перечёркивает ценность проведенной реформы ДПО и, безусловно, нуждается в тщательном социологическом исследовании.

Заключение

Ресурсный и институциональный подходы являются основными для построения теоретической модели и анализа эмпирических данных при изучении дополнительного профессионального образования. Исторически первым сложился ресурсный подход. Среди социологов он остается наиболее востребованным и в текущий момент. С применением ресурсного подхода изучались такие аспекты проблематики как преодоление социального неравенства, приобретение наиболее актуальных и затребованных профессиональных компетенций, разрешение диспропорций на рынке образовательных услуг, удовлетворение потребности в обучении на протяжении всей жизни и т.п. Институциональный подход стал применяться сравнительно недавно. Его цель состоит в том, чтобы оценить процессы равновесия в институциональном пространстве ДПО, измерить согласованность социальных целей основных акторов, понять масштабы издержек и измерить эффективность трат на дополнительное профессиональное образование. При помощи институционального подхода ДПО изучается в качестве локальной социальной системы, в которой действуют определенные закономерности и законы. Институциональный подход позволяет строго социологически измерить успешность реализуемых в пространстве дополнительного профессионального образования приписываемых ему социальных функций.

Литература

- Алмаева, Г.И.* Дополнительное профессиональное образование в вузе: формирование нового социального института / Г.И. Алмаева // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – №11(31).
- Вольчик, В.В.* Специфика адаптивных стратегий в сфере дополнительного профессионального образования: барьеры и рентоориентированное поведение / В.В. Вольчик, Е.В. Фурса, Ю.В. Филоненко, Д.Д. Кривошеева-Медянцева // Вопросы регулирования экономики. – 2017. – Т. 8. – №3. – С. 103-119. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2017.8.3.103-119>
- Вольчик, В.В.* Институциональная и организационная структуры дополнительного профессионального образования в Ростовской области / В.В. Вольчик, Е.В. Фурса, И.М. Ширяев, Т.А. Зотова, В.В. Кот // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – №4. – С. 77-84.
- Данакин, Е.С.* Развитие социального института дополнительного профессионального образования в России / Е.С. Данакин, Е.Н. Чикилева / Диагностика и прогнозирование социальных процессов. Материалы международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Ч. 2. – Белгород: БГТУ, 2016. – С. 121-128.
- Коулман, Дж.* Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – №3. – С. 122-139.
- Первухин, В.Л.* Институциональная составляющая дополнительного профессионального образования / В.Л. Первухин, В.А. Кирьянова, Н.В. Ситкевич / Образование - лингвистика

- коммуникация: современные тенденции и перспективы развития. Всероссийская научно-практическая конференция. Сборник статей. – Новомосковск: РХТУ, 2020. – С. 100-104.

Тарасенко, Л.В. Моделирование социального партнерства в системе дополнительного профессионального образования в сетевую эпоху / Л.В. Тарасенко // Общество: социология, психология, педагогика. – 2011. – №3-4. – С. 45-48.

Тарасенко, Л.В. Дополнительное профессиональное образование в современной России: становление института вторичной профессиональной социализации / Л.В. Тарасенко. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2010. – 288 с.

Чикилева, Е.Н. Тенденции и условия развития дополнительного профессионального образования в России: социологический анализ (на примере Белгородской области) / Е.Н. Чикилева // Регион: Экономика и Социология. – 2020. – №2(106). – С. 116-131. <https://doi.org/10.15372/REG20200206>.

Benavot A. The Rise and Decline of Vocational Education / A. Benavot // *Sociology of Education*. 1983; 56(2): 63-76. <https://doi.org/10.2307/2112655>.

Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. / A. Giddens. – Cambridge: Polity Press, 1984. 326 p.

References

Almaeva G.I. Additional professional education in higher education: the formation of a new social institution. *Sovremennyye issledovaniya social'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal) = Modern Studies of Social Problems (electronic scientific journal)*. 2013; 11(31). www.sisp.nkras.ru.

Benavot A. The Rise and Decline of Vocational Education. *Sociology of Education*. 1983; 56(2): 63-76. <https://doi.org/10.2307/2112655>.

Chikileva E.N. Trends and conditions of development of additional professional education in Russia: a sociological analysis (on the example of the Belgorod region). *Region: Ekonomika i Sociologiya = Region: Economics and Sociology*. 2020; 2(106): 116-131. <https://doi.org/10.15372/REG20200206>.

Coleman J. Capital social and human. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*. 2001; 3: 122-139.

Danakin E.S., Chikileva E.N. Development of the social institute of additional professional education in Russia / Diagnostics and forecasting of social processes. Materials of the international scientific-practical conference: in 2 parts. Part 2. Belgorod: BSTU, 2016: 121-128.

Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984: 326.

Pervukhin V.L., Kiryanova V.A., Sitkevich N.V. Institutional component of additional professional education / Education - linguistics - communication: modern trends and prospects of development. All-Russian scientific and practical conference. Collection of articles. Novomoskovsk: RCTU, 2020: 100-104.

Tarasenko L.V. Modelling of social partnership in the system of additional professional education in the network era. *Obshchestvo: sociologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2011; 3-4: 45-48.

Tarasenko L.V. Additional professional education in modern Russia: formation of the institute of secondary professional socialisation. Rostov-on-Don: Southern Federal University, 2010: 288.

Volchik V.V., Fursa E.V., Filonenko Y.V., Krivosheeva-Medyantseva D.D. Specificity of adaptive strategies in the sphere of additional professional education: barriers and rent-oriented behavior. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki = Economic regulation issues*. 2017; 8(3): 103-119. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2017.8.3.103-119>

Volchik V.V., Fursa E.V., Shiryayev I.M., Zotova T.A., Kot V.V. Institutional and organisational structures of additional professional education in Rostov region. *Gosudarstvennoe i*

municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS = State and Municipal Management. Scientific Notes of SCAGS. 2016; 4: 77-84.

Дата получения рукописи: 20.10.2024

Дата окончания рецензирования: 28.11.2024

Дата принятия к публикации: 30.11.2024

Информация об авторе

Богданова Оксана Владимировна – генеральный директор СО АНО ПК ИСЭР, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: oksanavelo9@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Bogdanova Oksana Vladimirovna – Director, SO ANO PK ISER, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: oksanavelo9@bk.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 316.334.56

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.6>

EDN OIOCSU

Влияние технологий искусственного интеллекта на конструирование рекреационного пространства города

Анна А. Беспалова¹

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: anna_isir@mail.ru

Аннотация

Введение. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) долгое время являются одной из наиболее актуальных тем в научном и публичном дискурсах. Люди в своей повседневной жизни всё чаще пользуются всевозможными приложениями, техническими устройствами на основе ИИ, в результате чего меняется характер социальных практик. Сфера досуга и рекреации не является исключением. Изменения происходят не только в повседневности горожан, но и в работе организаторов рекреации, администрации города. Среди населенных пунктов России лидерами по масштабам внедрения новых технологий являются крупные города, что задает рамки предметного поля исследования. Цель работы – определить, какое влияние оказывает ИИ на конструирование рекреационного пространства отдельными акторами, а также как в новых условиях изменяются факторы, определяющие этот процесс.

Методология исследования. При рассмотрении рекреационного пространства города использован социально-конструктивистский подход, а также отдельные положения его наиболее радикального воплощения в виде акторно-сетевой теории. В качестве эмпирической базы исследования выступают частные исследования, посвященные отдельным аспектам использования технологий ИИ в городе.

Результаты исследования и их обсуждение. На отдельных примерах (транспорт, мобильность, безопасность) показано, как может измениться характер рекреационных практик в результате внедрения технологий ИИ. Даже если они изначально направлены на решение других городских проблем, изменяя городское пространство в целом, трансформируют и характер социальных практик рекреантов (туристы, экскурсанты, отдыхающие), организаторов рекреации (коммерческие организации, физические и юридические лица, получающие прибыль от своей деятельности) и органов управления рекреационной деятельностью (органы власти, в функцию которых входит управление развитием рекреации в городе). В перспективе ИИ, специальные интернет-сервисы могут позволить лучше учитывать интересы и возможности отдельных акторов в процессе принятия решений, наладить диалог между акторами, а также повысить уровень компетентности горожан в вопросах развития территорий. Выделены факторы конструирования рекреационного пространства города, на которые оказывает наибольшее влияние ИИ: историко-культурные, природно-климатические, этические факторы, население города и его потребности в рекреации.

Ключевые слова: город; рекреация; досуг; искусственный интеллект; умный город; рекреатор; рекреант.

Для цитирования: Беспалова А. А. (2024). Влияние технологий искусственного интеллекта на конструирование рекреационного пространства крупного российского города. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), С. 70-79. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.6>.

The impact of artificial intelligence technologies on the design of the city's recreational space

Anna A. Bespalova¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: anna_isir@mail.ru

Abstract

Introduction. Artificial intelligence (AI) technologies have long been one of the most relevant topics in scientific and public discourses. People are increasingly using all kinds of applications and AI-based technical devices in their daily lives, as a result of which the nature of social practices is changing. The field of leisure and recreation is no exception. Moreover, changes are taking place not only in the daily lives of citizens, but also in the work of recreation organizers and the city administration. Among the settlements of Russia, the leaders in terms of the scale of the introduction of new technologies are large cities, which determines the subject field of the study. The purpose of the work is to determine what influence AI has on the construction of recreational space by individual actors, as well as how the factors determining this process change in new conditions.

Research methodology. When considering the construction of the recreational space of the city, a combination of several approaches is most used, within the framework of the methodology of constructivism: systemic and structural-functional, as well as individual provisions of the actor-network theory. The empirical basis of the research is private research on certain aspects of the use of AI technologies in the city.

Results of the study and their discussion. Individual examples (transport, mobility, safety) show how the nature of recreational practices may change as a result of the introduction of AI technologies. Even if they are initially aimed at solving other urban problems, changing the urban space as a whole, they also transform the nature of recreational practices of recreants (tourists, tourists, vacationers), recreation organizers (commercial organizations, individuals and legal entities that profit from their activities) and recreational management bodies (authorities whose function is includes management of recreation development in the city). In the future, AI, special Internet services can make it possible to better take into account the interests and capabilities of individual actors in the decision-making process, establish a dialogue between actors, and also increase the level of competence of citizens in matters of territorial development. The factors of designing the recreational space of the city, which are most influenced by AI, are highlighted: historical and cultural, natural and climatic, ethical factors, the population of the city and its needs for recreation.

Keywords: city; recreation; leisure; artificial intelligence; smart city; recreator; recreant

For citation: Bespalova A. A. (2024). The influence of artificial intelligence technologies on the design of the recreational space of a large Russian city. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), P. 70-79. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.6>.

Введение

В последнее время технологии искусственного интеллекта широко применяются во многих сферах общественной жизни. Городское пространство не является исключением. Крупные города стали лидерами по масштабам внедрения новых технологий, в связи с этим представляет особый интерес рассмотреть, как изменился процесс формирования городского пространства в условиях активного внедрения искусственного интеллекта. Предметом научного интереса автора является рекреационное пространство города, в связи с чем в статье сделан фокус именно на этой части городской жизни. Мы опираемся на методологию конструктивизма (Бергер, Лукман, 1995), которая позволяет рассмотреть рекреационное пространство города как результат действий и взаимодействий акторов. Цель статьи – определить, какое влияние оказывает искусственный интеллект на конструирование рекреационного

пространства отдельными акторами, а также, как в новых условиях изменяются факторы, определяющие этот процесс.

Городская жизнь, содержательное наполнение пешеходных улиц, парков, скверов и других зон рекреационной деятельности находится в состоянии постоянного преобразования, что требует регулярного социологического мониторинга. Тем не менее, научные исследования в этой области нельзя назвать системными, они носят разовый (точечный) характер. Существует достаточно много теоретических разработок. Так, вопросам открытых городских общественных пространств посвящены работы (Ненько, 2020; Кайсарова и др., 2023). Среди работ эмпирического характера можно выделить исследования Ненько, Недосека, Молоко, Подкорытова, 2022; Ненько, Недосека, Смирнова, 2023; Уханова, Жданова, Косыгина, 2023. Отдельным аспектам внедрения технологий искусственного интеллекта в городе посвящены работы Редина, Хаустов, 2022; Расходчиков, 2022). С точки зрения теоретико-методологических разработок обращают на себя внимание публикации зарубежных ученых Wu, Gunko, Stryjakiewicz, Zhou, 2022; Stedman, 2003; Budruk, Thomas, Tyrrell, 2009.

Влияние технологий искусственного интеллекта на конструирование рекреационного пространства крупного российского города ещё не было предметом специальных социологических исследований, что придает теме проблемный характер.

Методы исследования рекреационного пространства города

Цель, заявленная в статье, предполагает как обращение к теоретическим разработкам отечественных ученых, так и вторичный анализ результатов эмпирических исследований, близких к изучаемой проблеме. В результате проведенного автором диссертационного исследования (Беспалова, 2016), было выявлено, что при рассмотрении конструирования рекреационного пространства города наиболее эффективно сочетание нескольких подходов, в рамках методологии конструктивизма (Berger and Luckmann, 1966): системного и структурно-функционального, а также отдельных положений акторно-сетевой теории (Латур, 2014).

Согласно авторской концепции «рекреационное пространство города рассматривается как часть социального пространства города, конструируемого в результате взаимодействия акторов (рекреантов и рекреаторов) рекреационной деятельности при создании рекреационной зоны и реализации рекреационных потребностей» (Беспалова, 2016).

При рассмотрении функциональной структуры рекреационного пространства города и выявления изменений в процессе его конструирования использован структурно-функциональный подход, предложенный в работах Т. Парсонса (1997) и Р. Мертона (2006). Базовыми элементами рекреационного пространства города являются рекреационные ресурсы, инфраструктура рекреационной деятельности, акторы конструирования рекреационного пространства.

Также в осмыслении проблематики внедрения искусственного интеллекта в конструирование рекреационного пространства города использованы положения акторно-сетевой теории (Латур, 2014), что позволило рассмотреть данный процесс как результат функционирования сложных сетей, образуемых людьми, техническими устройствами и природными объектами, то есть определить значение новых технологий в уже сложившейся системе.

Во избежание смешения понятий необходимо развести ряд категорий, близких по значению, и оттого часто используемых как синонимичные. Это такие понятия как зеленые пространства, общественные пространства, пространства для рекреации. «Публичные (общественные) пространства – это часть городской среды, постоянно и бесплатно доступной для населения. Чаще всего под общественными понимаются места, где происходит городская общественная жизнь (площади, набережные, улицы, пешеходные зоны, парки). Публичные пространства подразумевают определенные правила поведения, то есть люди, находясь в нём, действуют в зависимости от того

пространства, в котором находятся в определенный период времени» (Публичные пространства...). К зеленым городским зонам относятся такие участки в городском пространстве, которые имеют зеленые насаждения в виде травы, деревьев, кустарников, обладающие широким спектром культурных экосистемных услуг (КЭУ) – возможности рекреации, эстетического опыта, образования и удовлетворения духовных потребностей (Ненько, 2023). То есть зеленые зоны являются сегодня общественными пространствами, которые используются населением для отдыха, знакомств, встреч с друзьями, городских мероприятий, торговли и туризма (Астоянц, Артамонова, 2024).

Мы рассматриваем рекреационное пространство города с точки зрения конструктивистской парадигмы: «Рекреационное пространство города – это часть социального пространства города, конструируемого в результате взаимодействия акторов (рекреантов и рекреаторов) рекреационной деятельности при создании рекреационной зоны и реализации рекреационных потребностей» (Беспалова, 2016). То есть мы допускаем более широкую трактовку, которая подразумевает включение следующих типов пространства: лечебно-оздоровительное; физкультурно-спортивное; познавательное, включая музеи; развлекательное.

Технологии искусственного интеллекта в городе – это «подход к развитию городской среды, основанный на использовании передовых технологий и данных для оптимизации управления городской инфраструктурой и повышения качества жизни жителей. В качестве примера можно привести мобильные приложения и сервисы заказа такси, аренды каршеринга, оплаты парковок и интеллектуальные системы регулирования светофоров» (Искусственный интеллект в концепции...). Тренд на повсеместное внедрение ИИ – является закономерным ответом на современные вызовы и на стремление к идеальному городу (Karvonen, Cugurullo, Caprotti, 2018) наряду с концепциями «умного города», «зеленого города», «здорового города» и др. Все эти идеи объединяет вера в то, что идеал может быть достигнут с помощью технологий и науки.

Результаты и их обсуждение

Горожане пользуются технологиями ИИ в своё свободное время, зачастую даже не задумываясь, как это работает и как меняются их предпочтения в сфере рекреации. «Согласно данным Сбер Про, по состоянию на март 2024 года 56% россиян используют искусственный интеллект в повседневной жизни» (СберПро).

Косвенно на рекреационные практики оказывают влияние технологии, связанные с транспортом и повышающие мобильность населения. Так, в условиях, когда вызов такси или аренда самоката не вызывает затруднений, а за передвижением общественного транспорта можно наблюдать онлайн, далекие от постоянного места жительства рекреационные пространства становятся более доступными. Так, согласно данным исследования ВЦИОМ, проведенного в июле 2024 года, «в мегаполисах абсолютное большинство для заказа такси перешли на мобильные приложения (в Москве и Санкт-Петербурге — 91%, в городах-миллионниках — 90%), жители сел и поселков городского типа по-прежнему отдают предпочтение телефонным звонкам (65% и 71% соответственно)» (Такси в России: восприятие и оценка...). Необходимость поездок становится менее сдерживающим фактором. Согласно данным исследований Forbes (октябрь 2024 г.) «планирование маршрутов путешествий входит в тройку наиболее популярных способов использования ИИ (38%)» (22 Top AI Statistics...). Интеллектуальные системы регулирования светофоров также можно отнести к косвенным эффектам. Они снижают уровень дискомфорта при перемещении по городу, поскольку благодаря им пробки должны становиться меньше, а значит и время, затрачиваемое на дорогу, становится меньше, при этом увеличивая количество свободного времени для занятия рекреационной деятельностью.

Ещё один аспект, на котором следует остановить внимание – это безопасность. То, насколько спокойно люди себя чувствуют в определенном пространстве, может определять выбор типа рекреации. Согласно данным ВЦИОМ, 37 % опрошенных

считает, что использование ИИ для обеспечения правопорядка повысит безопасность граждан (Пределы доверия...). Так, одним из условий повышения безопасности общественных пространств является работа камер видеонаблюдения. Современные камеры, как правило, имеют широкий функционал: контроль соблюдения правил дорожного движения; снижение числа правонарушений, повышение раскрываемости преступлений, обеспечение антитеррористической безопасности; «контроль в сфере ЖКХ; контроль строительства объектов инфраструктуры, реставрационных работ, благоустройства, озеленения, соблюдения санитарных и экологических норм; мониторинг дорожной ситуации и пробок, контроль загруженности автомагистралей, городских парковок, работы освещения; контроль нахождения на маршруте и передвижения городского общественного транспорта» (Умный город...).

Что касается административных структур и организаторов рекреации, они являются своего рода проводниками, поставщиками новых технологий. Все приведенные выше примеры осуществимы только при непосредственном участии администрации города и коммерческих организаций, работающих в сфере досуга и рекреации. По состоянию на 2023 год, согласно данным «Авито работа» и банка «Точка» (опрос 10 тыс. представителей компаний из 19 сфер), 24 % компаний уже используют ИИ, из них почти половина (49%) отмечает, что взаимодействие идет на ежедневной основе. Больше всех ежедневно используют ИИ в сфере транспорта и логистики (67%), в гостинично-ресторанном бизнесе (59%), в банкинге (58%), сферах торговли (56%) и медицины (55%)» (Каждая четвертая российская компания...).

Отметим, что новые технологии призваны лишь повысить качество жизни, но отнюдь не решают всех проблем. Поскольку автоматизированные программы не способны учесть всего многообразия социальных факторов, способных оказать воздействие на повседневные практики, ввиду чего возможны сбои и ошибки в компьютерном моделировании и прогнозировании развития городских сообществ. Это и реакции на внешние изменения, и эмоциональный фон, и воздействие информационного поля и т.д. Поэтому исследователи делают акцент на центральной роли человека в жизни города. С точки зрения методологии конструктивизма можно предположить, что ИИ в будущем станет не просто инструментом или фактором конструирования рекреационного пространства города, а полноценным актором, наряду с рекреантами (туристы, экскурсанты, отдыхающие); организаторами рекреации (коммерческие организации, физические и юридические лица, получающие прибыль от своей деятельности); органами управления рекреационной деятельностью (органы власти, в функцию которых входит управление развитием рекреации в городе). Исследователи акцентируют внимание на колоссальных рисках, связанных с внедрением ИИ, прежде всего, этического характера. Предполагается, что системы смогут принимать решения и действовать без участия человека, это – риск появления «аморальных городов», как пишут зарубежные авторы (Karvonen, Cugurullo, Caprotti, 2018).

Таким образом, ключевую роль в конструировании рекреационного пространства города должны играть люди, своими действиями изменяющие городское пространство с использованием ИИ или без него. При эффективном использовании технологии все же останутся инструментом (не полноценным актором) в городском развитии. С помощью ИИ, специальных интернет-сервисов и приложений возможно наладить диалог между акторами (горожане, представители администрации и коммерческих структур). Это может позволить лучше учитывать интересы и возможности отдельных акторов в процессе принятия решений, а также повысить уровень компетентности горожан в вопросах развития территорий. Для этого одних технических устройств недостаточно, «нужны условия, где горожане могут получать специальные знания, участвовать в исследованиях и обсуждении проектов развития городских территорий» (Расходчиков, 2022).

Следующий аспект, на котором необходимо заострить внимание – то, как в новых условиях изменяются факторы, определяющие конструирование рекреационного пространства в городе. Существует множество их классификаций. В данной работе мы не будем подробно останавливаться на какой-либо определенной классификации, лишь отметим несколько тенденций, отражающих влияние ИИ на ключевые факторы конструирования рекреационного пространства города.

Выделяют внешние (системные) факторы, которые остаются неизменными: историко-культурные и природно-климатические. Эти условия определяют ведущие типы рекреации исходя из имеющихся историко-культурных и природно-климатических ресурсов. Тем не менее, современные технологии позволяют горожанам сделать свой досуг более разнообразным. Например, искусственные катки, крытые склоны, крытые аквапарки и т.д. позволяют создать условия для не характерного для данной территории или времени года рекреации. В этих пространствах ИИ используется для поддержания микроклимата, анализа данных о посещаемости, загруженности, рентабельности. Познавательная и культурная рекреация также изменилась под воздействием ИИ. При наличии соответствующих устройств, доступа к сети Интернет, горожанин может предпочесть виртуальную экскурсию в музей или онлайн мастер-класс по рисованию вместо того, чтобы посетить их лично. Так, новые технологии и ИИ меняют формат и расширяют спектр рекреационных практик.

Население можно рассматривать как фактор конструирования рекреационного пространства города, поскольку рекреационные практики напрямую связаны с количеством свободного времени в соотношении с рабочим, а также с характером рекреационных потребностей. Внедрение ИИ в рабочий процесс, а также в быт освобождает дополнительное время, которое можно использовать для рекреации. Одновременно возрастают требования к рекреационным пространствам. Горожане ценят новизну, креативность, функциональность мест отдыха, поэтому появление новых предложений на рынке рекреационных услуг становится определяющим в работе организаторов рекреации.

В случае внедрения технологий ИИ значимым, если не сказать определяющим, фактором является решение проблем этического характера. Исследователи отмечают «противоречие между проектами городских преобразований и социальными отношениями между органами власти и горожанами. Принимаемые административными органами городов решения часто оборачиваются несанкционированными вмешательствами в жизнь людей, доставляющими им различные беспокойства» (Расходчиков, 2017). Особенно остро этот вопрос касается установки камер видеонаблюдения, защиты личных данных пользователей на различных сервисах и довольно низкий уровень безопасности городских интеллектуальных систем в целом.

Заключение

ИИ в конструировании рекреационного пространства города в равной степени используют все акторы (рекреанты, организаторы рекреации и органы управления рекреационной деятельностью). Начало цепочки – это принятие управленческого решения о внедрении той или иной технологии (задача администрации города), а потребители, пользующиеся благами – это горожане. Получается замкнутая система. Чтобы технология работала, необходимо на уровне администрации согласовать все правовые, этические нормы. В случае с ИИ вопросы этического характера являются, зачастую, главными сдерживающими факторами на пути внедрения новых технологий. Далее, когда управленческое решение принято, коммерческие, некоммерческие, государственные организации приступают к реализации проекта. Но, если в результате не достигнуты положительные изменения в жизни горожан, если пространство в городе не стало комфортнее, то такие проекты не окупают потраченных на их реализацию ресурсов. Поэтому в вопросах о внедрении технологий ИИ особенно важно активное участие научного, гуманитарного сообщества с одной стороны и городского сообщества

– с другой. Социологическая экспертиза городской повседневности является эффективным инструментом для научного обоснования управленческих решений в вопросах конструирования рекреационного пространства города. «Социально значимые решения городских властей должны изначально опираться на изучение проблем жителей, общественные инициативы и обеспечивать участие горожан во всех стадиях: от изучения проблемы и принятия решений до их реализации и корректировки» (Расходчиков, 2022). Рекреационное пространство, как и город в целом, находится в состоянии постоянного развития, изменения, которое происходит под воздействием целого ряда факторов. Нами выделены факторы, на которые оказывает наибольшее влияние ИИ: историко-культурные, природно-климатические, этические проблемы, население города и его потребности в рекреации.

Литература

Астоянц, М. С. Субъективная оценка общественных пространств горожанами: зеленые зоны г. Ростова-на-Дону / М. С. Астоянц, Я. В. Артамонова // *Caucasian Science Bridge*. – 2024. – Т. 7, № 2(24). – С. 66-78. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.2.6>. – EDN MZQHIF.

Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

Беспалова, А. А. Рекреационное пространство крупного российского города креативные практики конструирования: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Беспалова Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 22 с. – EDN ZQHBJB.

Беспалова, А. А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования / А. А. Беспалова. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2016а. – 130 с. – ISBN 978-5-9908991-6-2. – EDN UVICJE.

Латур, Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – Москва: Высшая школа экономики, 2014. – 384 с. – ISBN 978-5-7598-0819-0. – EDN SYZVMJ.

Мертон, Р. К. Социальная теория и социальная структура / Р. К. Мертон. – Москва: АСТ, 2006. – 873 с.

Ненько, А. Е. Социологические методы изучения общественных пространств / А. Е. Ненько; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Университет ИТМО. – Санкт-Петербург: Университет ИТМО, 2020. – 55 с. – EDN FADXYM.

Ненько, А. Е. Культурные экосистемные услуги зеленых зон: что могут рассказать комментарии пользователей / А. Е. Ненько, Е. В. Недосека, А. А. Смирнова // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика*. – 2023. – № 3(51). – С. 5–27. – <https://doi.org/10.15593/2409-5125/2023.03.01>. – EDN KYNSII.

Кайсарова В.П. Методика изучения и оценки реализации проектов открытых городских общественных пространств / В.П. Кайсарова, Е.С. Степанова [и др.]. – СПб: «Свое издательство», – 2023. – 56 с.

Ненько А. Е. Эмоциональное картирование как метод анализа субъективного качества городских зеленых зон / А. Е. Ненько, Е. В. Недосека, А. С. Молоко, М. И. Подкорытова // *Социология науки и технологий*. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 146-168. – <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2022-4-146-168>. – EDN JEWNUF.

Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – Москва: Аспект-Пресс, 1997. – 270 с.

Понукалина, О. В. Социокультурное пространство досуга российского общества в контексте консумеризма: специальность 22.00.06 «Социология культуры»: диссертация

на соискание ученой степени доктора социологических наук / Понукалина Оксана Викторовна. – Саратов, 2010. – 446 с. – EDN QFILQX.

Уханова, Ю. В. Участие студенческой молодежи в развитии комфортной городской среды / Ю. В. Уханова, А. Э. Жданова, К. Е. Косыгина // Вестник университета. – 2023. – № 4. – С. 24–32. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-4-24-32>. – EDN HWUHWТ.

Расходчиков А.Н. Информационно-коммуникационное взаимодействие власти и общества: в поиске эффективных технологий / А.Н. Расходчиков // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 2. – С. 263–273.

Расходчиков А.Н. Искусственный интеллект и «умный город»: от цифровизации к городу-инновации / А.Н. Расходчиков // Социально-политические науки. – 2022. – Т. 12. – № 4. – С. 47–54. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-4-47-54>

Редина М.М. Предварительные результаты оценки транспортной нагрузки на кампус РУДН и Юго-Западный лесопарк / М.М. Редина, А.П. Хаустов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. – 2022. – Т. 30. – № 1. – С. 86–91. <https://doi.org/10.22363/2313-2310-2022-30-1-86-91>. – EDN LVYULF.

Berger, P. L. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge / P. L. Berger, T. Luckmann. – NY: Anchor Books, 1966. – 240 p.

Budruk M. Urban green spaces: A study of place attachment and environmental attitudes in India / M. Budruk, H. Thomas, T. Tyrrell // Society and Natural Resources. – 2009. – 22(9). – С. 824–839. <https://doi.org/10.1080/08941920802628515>.

Karvonen, A. Inside smart cities: Place, politics and urban innovation. / A. Karvonen, F. Cugurullo, F. Caprotti. London and New York: Routledge, 2018. – 322 p.

Stedman R.C. Is it really just a social construction? The contribution of the physical environment to sense of place/ R.C. Stedman // Society & Natural Resources. – 2003. – 16(8). – С. 671–685. <https://doi.org/10.1080/08941920309189>.

Wu C.T. Postsocialist Shrinking Cities / C.T. Wu, M. Gunko, T. Strykiewicz, K. Zhou. London: Taylor & Francis, 2022. 392 p. <https://doi.org/10.4324/9780367815011>.

Жиритская Е.Л. Публичные пространства – это место невидимого, но постоянного диалога между городом и его жителями. Режим доступа: <http://www.msses.ru/about/news/2559/>.

Искусственный интеллект в концепции «Умный город»: тренды 2024 г. Режим доступа: <https://workspace.ru/blog/iskusstvennyu-intellekt-v-koncepcii-umnyu-gorod-trendy-2024-g/>

Каждая четвертая российская компания уже внедрила ИИ. Режим доступа: <https://ai.gov.ru/mediacenter/kazhdaya-chetvertaya-rossiyskaya-kompaniya-uzhe-vnedrila-ii/>

Пределы доверия: естественный интеллект — об искусственном. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predely-doverija-estestvennyi-intellekt-ob-iskusstvennom>

СберПро. Режим доступа: <https://sber.pro/digital/publication/56-rossiyan-ispolzuyut-iskusstvennyi-intellekt-v-povsednevnoi-zhizni/>

Такси в России: восприятие и оценка качества услуг. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/taksi-v-rossii-vosprijatie-i-ocenka-kachestva-uslug>

Умный город и безопасный регион. Режим доступа: <https://www.netris.ru/industries/smart-city-and-safe-region/>

22 главных статистических данных и тенденций в области ИИ в 2024 году. Режим доступа: <https://www.forbes.com/advisor/business/ai-statistics/#3>

References

Astoyants M.S., Artamonova Ya.V. Subjective assessment of public spaces by citizens: green zones of Rostov-on-Don. *Kavkazskiy nauchnyy most=Caucasian Science Bridge*. 2024; 7(2): 66–78. (In Russ.)

- Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. M.: Medium = M.: Medium*; 1966. 392 p. (In Russ.)
- Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city: creative design practices: specialty 22.00.04 "Social structure, social institutions and processes": abstract of a dissertation for the degree of candidate of sociological sciences; 2016. 22 p. (In Russ.)
- Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city: creative design practices. *Rostov-na-Donu: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Fond nauki i obrazovaniya" = Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Foundation for Science and Education"*; 2016a. 130 p. (In Russ.)
- Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki = Moscow: Higher School of Economics*; 2014. 384 p. (In Russ.)
- Merton R. K. *Social theory and social structure. Moskva: AST = Moscow: AST*; 2006. 873 p. (In Russ.)
- Nenko A.E. Sociological methods for studying public spaces. *Ministerstvo Nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii, Universitet ITMO=Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, ITMO University*; 2020: 55. (In Russ.)
- Nenko A.E., Nedoseka E.V., Smirnova A.A. Cultural Ecosystem Services of Green Spaces: What User Comments Can Tell Us. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Prikladnaya ekologiya. Urbanistika = Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Applied Ecology. Urban Studies*. 2023; 3(51); 5–27. (In Russ.)
- Kaisarova V.P., Stepanova E.S., Gruzdeva I., Smolentsev I., Schilling V., Yagudina A., Nikolaeva D., Bolkhovskaya E. Methodology for studying and assessing the implementation of open urban public space projects. *Svoyo izdatelstvo= Your own publishing house*; 2023. 56 p. (In Russ.)
- Nenko A.E., Nedoseka E.V., Moloko A.S., Podkorytova M.I. Emotional mapping as a method for analyzing the subjective quality of urban green spaces. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy = Sociology of Science and Technology*. 2022; 13; 4: 24–32. (In Russ.)
- Parsons T. *The system of modern societies. Aspekt-Press=Aspect-Press*; 1997. 270. (In Russ.)
- Ponukalina O. V. Sociocultural space of leisure of Russian society in the context of consumerism: specialty 22.00.04 "Social structure, social institutions and processes": a dissertation for the degree of doctor of sociological sciences; 2010. 446 p. (In Russ.)
- Ukhanova Yu. V., Zhdanova A. E., Kosygina K. E. Participation of student youth in the development of a comfortable urban environment. *Vestnik universiteta=University Bulletin*. 2023; 4: 24–32. (In Russ.)
- Raskhodchikov A.N. Information and communication interaction between authorities and society: in search of effective technologies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny=Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017; 2: 263–273. (In Russ.)
- Raskhodchikov A.N. Artificial Intelligence and the Smart City: From Digitalization to the City of Innovation. *Sotsial'no-politicheskiye nauki=Social and political sciences*. 2022; 12; 4: 47–54. (In Russ.)
- Redina M.M., Khaustov A.P. Preliminary results of the assessment of the transport load on the RUDN campus and the South-West forest park. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekologiya i bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti=Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Ecology and Life Safety*. 2022; 30; 1: 86–91. (In Russ.)
- Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. NY: Anchor Books; 1966. 240 p.
- Budruk M., Thomas H., Tyrrell T. Urban green spaces: A study of place attachment and environmental attitudes in India. *Society and Natural Resources*. 2009; 22(9): 824–839.
- Karvonen A., Cugurullo F., Caprotti F. *Inside smart cities: Place, politics and urban innovation*. London and New York: Routledge; 2018. 322 p.
- Stedman R.C. Is it really just a social construction? The contribution of the physical environment to sense of place. *Society & Natural Resources*. 2003; 16(8): 671–685.
- Wu C.T., Gunko M., Stryjakiewicz T., Zhou K. *Postsocialist Shrinking Cities*. London: Taylor & Francis; 2022. 392 p.

Zhiritskaya E.L. Public spaces are a place of invisible but constant dialogue between the city and its residents. Available at: <http://www.mses.ru/about/news/2559/>. (In Russ.)

Artificial Intelligence in the Smart City Concept: Trends for 2024. Available at: <https://workspace.ru/blog/iskusstvennyy-intellekt-v-koncepcii-umnyy-gorod-trendy-2024-g/> (In Russ.)

Every fourth Russian company has already implemented AI. Available at: <https://ai.gov.ru/mediacenter/kazhdaya-chetvertaya-rossiyskaya-kompaniya-uzhe-vnedrila-ii/> (In Russ.)

Limits of Trust: Natural Intelligence on Artificial Intelligence. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predely-doverija-estestvennyi-intellekt-ob-iskusstvennom> (In Russ.)

SberPro. Available at: <https://sber.pro/digital/publication/56-rossiyan-ispolzuyut-iskusstvennii-intellekt-v-povsednevnoi-zhizni/> (In Russ.)

Taxi in Russia: perception and assessment of service quality. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/taksi-v-rossii-vozprijatie-i-ocenka-kachestva-uslug> (In Russ.)

Smart city and safe region. Available at: <https://www.netris.ru/industries/smart-city-and-safe-region/> (In Russ.)

22 Top AI Statistics And Trends In 2024. Available at: <https://www.forbes.com/advisor/business/ai-statistics/#3> (In Russ.)

Дата получения рукописи: 22.10.2024

Дата окончания рецензирования: 29.11.2024

Дата принятия к публикации: 30.11.2024

Информация об авторе

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, старший преподаватель Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: anna_isir@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Bespalova Anna Aleksandrovna – Candidate of Sciences in Sociology, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: anna_isir@mail.ru

The author has no conflict of interest to declare

Научная статья

УДК 316.344.34:378.2

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.7>

EDN XVIKGA

**Нормативные основы менеджеристского управления
высшим образованием в России****Ирина А. Петрулевич¹**

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Ростовская область, Россия
e-mail: irusia2@rambler.ru

Аннотация

Введение. Исследование заявленной проблематики актуально в силу отсутствия аналогичных работ по изучению нормативных основ менеджеристского управления высшим образованием в России. Анализ заявленного предметного пространства позволяет прийти к выводу о том, что превращение высшей школы России из социального института, реализующего значимые социальные функции, в квазирыночный институт, функционирующий по преимуществу имитационно, следует считать не результатом ошибки выбора индикаторов эффективности или состава метрик, а целенаправленной политикой, основанной на вере в том, что менеджеризм является единственно правильной моделью управления и, следовательно, должен быть реализован на всех уровнях системы высшего образования.

Методы. Методология работы выстраивается на теоретических разработках, созданных в рамках менеджеристского подхода. Эмпирический метод – анализ документов в виде нормативных актов разной юридической силы: федеральных законов, указов Президента, актов Правительства РФ, приказов Минобрнауки и Южного федерального университета.

Результаты и их обсуждение. Основной вывод исследования следующий: нормативные основы, по которым осуществляется регулирование высшего образования в России, построены на принципе менеджериализации управления. Создана разветвленная система права, в которой отражаются базовые менеджеристские цели, ценности, установки, принципы. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» включает в себя основные менеджеристские категории: услуга, рынок образовательных услуг, рейтинг. Положения Закона уточняются и дополняются подзаконными актами: указами Президента, постановлениями и распоряжениями Правительства, приказами Минобрнауки, локальными актами образовательных организаций высшего образования. Целостный и заверченный характер действующих нормативных основ позволяет предположить, что менеджеристское управление создано на основе строго продуманного замысла и четкой концептуальной проработанности.

Ключевые слова: менеджеризм; менеджеристское управление; нормативные основы; законодательство; рейтинг; эффективный контракт; высшее образование; услуга.

Для цитирования: Петрулевич И.А. (2024). Нормативные основы менеджеристского управления высшим образованием в России. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), С. 80-88. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.7>

**Normative foundations of managerial management
of higher education in Russia****Irina A. Petrulevich¹**

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia
e-mail: irusia2@rambler.ru

Abstract

Introduction. The study of the stated issues is relevant due to the lack of similar work on the study of the normative foundations of managerial management of higher education in Russia. The analysis of the stated subject space allows us to conclude that the transformation of the higher school of Russia from a social institution implementing significant social functions into a quasi-market institution functioning primarily imitatively should not be considered the result of an error in choosing performance indicators or the composition of metrics, but a purposeful policy based on the belief that managerism is the only the correct management model and, therefore, should be implemented at all levels of the higher education system.

Methods. The methodology of the work is based on theoretical developments created within the framework of the managerial approach. The empirical method is the analysis of documents in the form of normative acts of different legal force: federal laws, presidential decrees, acts of the Government of the Russian Federation, orders of the Ministry of Education and Science and the Southern Federal University.

The results and their discussion. The main conclusion of the study is as follows: the regulatory framework for regulating higher education in Russia is based on the principle of managerialization of management. An extensive legal system has been created, which reflects the basic managerial goals, values, attitudes, and principles. The Federal Law "On Education in the Russian Federation" includes the main managerial categories: service, educational services market, rating. The provisions of the Law are clarified and supplemented by by-laws: decrees of the President, resolutions and orders of the Government, orders of the Ministry of Education and Science, local acts of educational institutions of higher education. The holistic and complete nature of the current regulatory framework suggests that managerial management was created on the basis of a strictly thought-out plan and clear conceptual elaboration.

Keywords: managerism, managerial management, regulatory framework, legislation, rating, effective contract, higher education, service.

For citation: Petrulevich I.A. (2024). The normative foundations of managerial management of higher education in Russia. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), P. 80–88. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.7>

Введение

Основой управления высшим образованием в современной России является менеджеристская идеология. Она обладает определенной системой ценностей и целевых ориентиров. Эти ценности и цели используются для того, чтобы социальные акторы, чья деятельность осуществляется в институциональном пространстве высшей школы, имели четко определенную программу социального поведения, без которой невозможно интегрировать в единое целое все имеющие смысл и значимость социальные интеракции. Основным механизмом регуляции социальных отношений следует считать принятие и применение законодательных актов, осуществляемые специально уполномоченными органами государственной власти. В социологии это называется системой жестких институциональных ограничений или, как можно сказать иначе, установлением формальных «правил игры». Оба варианта одинаково равноценны. Означают они лишь то, что социальные акторы обязаны следовать нормативным стандартам, т.к. именно от них социум получает одобряемые целевые ориентиры и ценностные ориентации. Разумеется, эти обязательства не исключают возможности оппортунистического поведения и поддержки (создания) альтернативных норм неформального характера. Но ответственность, а это важнейший показатель для складывания релевантных поведенческих установок, по преимуществу зависит от формальных норм. И всегда только от них, если неформальные нормы поддерживают оппортунистические ценности и цели. Всё сказанное означает, что заявленное в титуле научной статьи предметное поле следует считать актуальным. Дополнительно нужно обратить внимание на то, что работ, претендующих на изучение действующих

формальных правил (ограничений) о менеджеристском управлении высшей школой, в общем-то нет. Существует обширный дискурс по другим аспектам проблематики, но научных исследований, в которых акцентированно и в системном виде анализируется законодательство, устанавливающее менеджеристские правила для акторов российского высшего образования, на данном этапе не проведено.

Отталкиваясь от представленной актуальности, цель данной статьи видим в том, чтобы отразить основные цели и ценности менеджеристского управления в действующих нормативных правилах федерального и локального уровней.

Методология

Оценка сложившегося институционального пространства, в котором мы выделили для себя в качестве предмета исследования лишь формальные ограничения, будет осуществляться в опоре на труды, написанные по менеджеристской проблематике. В постановочной части статьи говорилось о том, что нас интересует, прежде всего, цели и ценности. Полагаем, что наиболее оптимальным способом их отражения стала бы привязка действующих менеджеристских правовых норм с определенными признаками, присущими менеджеризму как понятию. С этой точки зрения нам будет несложно сложившийся дискурс классифицировать. Это, впрочем, не является самостоятельной задачей. В данном разделе статьи куда более продуктивным считаем указание на содержательные признаки менеджеризма, отраженные в исследованиях того или иного автора.

Менеджеризму в системе высшего образования свойственны следующие признаки: 1) трансформация институтов в квазирынки (Дадаев, 2022; Вольчик, Маслюкова, 2019); 2) установление конкурентных правил взаимодействия между социальными акторами (Дятлов, Ковалев, 2023; Курбатова, 2020); 3) создание гибких управленческих систем (Ковалев, Дятлов, 2024); 4) измерение эффективности посредством количественных показателей (Романов, 2023). Данные четыре позиции, как нам представляется, вполне способны помочь выделить из множества принятых те нормативные акты (или отдельные правовые нормы), которые приводят к менеджериализации практик социального взаимодействия в высшей школе.

В качестве прикладного использован документарный метод. Он сводится к изучению действующих нормативных актов и выделению в них тех норм, которые, по нашему мнению, образуют менеджеристский институт высшей школы.

Результаты исследования

Основным нормативно-правовым актом в сфере образования является Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Он определяет основные принципы, базовые правила, руководящие цели и прочие указания, по которым должен развиваться базовый социальный институт. Нас интересует в данном законе статьи, которые имеют менеджеристскую природу. К их числу можно отнести целый комплекс правовых установлений.

Прежде всего, речь идет о регулировании краеугольных категорий менеджеризма: услуга, рейтинг, эффективный контракт.

До принятия Закона в научном сообществе протекали ожесточенные споры о том, можно ли считать образование услугой (Кузьмина, 2009). Традиционно оно воспринималось в виде общественного блага. Предполагалось, что раз основным источником финансирования выступает государство, которое получает финансовые ресурсы от общества, то и образование следует считать общественным благом. Иными словами, главным выгодоприобретателем от него становится социум, а не обучающийся. Общество через образование воспроизводится, в том числе за счет пополнения его квалифицированными работниками. Однако вопреки этому мнению утвердилась точка зрения на образование как на услугу, существующую в формате взаимодействия образовательной организации, функционирующей на квазирынке

образовательных услуг, и потребителем этих услуг в лице студента, который в этой схеме позиционируется как клиент.

Данная позиция методологически основывается на либеральной менеджеристской доктрине, позаимствованной из англо-саксонских образовательных практик. После того, как геополитическая ситуация в мире изменилась, в обществе актуализировался запрос на отмену подобных представлений. 8 июля 2022 г. термин «образовательная услуга», как принято считать, из федерального закона «Об образовании в РФ» исключен. На самом деле, это не совсем так. Он исключен лишь из нескольких статей. В действительности же в Законе сохраняется семьдесят одно (71) упоминание о данной менеджеристской категории. Как бы ни выступали противники отождествления образовательной деятельности с сервисной, законодатель не в состоянии полностью отказаться от использования слова «услуга», т.к. оно жестко связано с концепцией сервисного государства, которое по другим социальным институтам декларируется российским государством в рамках глобального менеджеризма. Кроме того, остаются иные нормативно-правовые акты, которые задают именно менеджеристские правила игры. К ним мы несколько позже обратимся.

Термин «рейтинг» встречается в ФЗ Об образовании всего лишь два раза. Одно упоминание дано в контексте установления рейтингов для образовательных организаций, второе – для образовательных программ. Это понятие задает рамки конкурентному механизму взаимодействия, который в менеджеристских практиках считается важнейшим. Столь редкое упоминание рейтинга в Законе считаем не вполне обоснованным и явно неотражающим его значимость.

Что касается эффективного контракта, то он и вовсе как нормативная категория в ФЗ Об образовании не используется. Для него разработано специальное законодательство, в котором, однако, не вполне уместно реализована привязка к п. 11 ст. 108 ФЗ Об образовании, где говорится не о рейтинге, а о денежных прибавках ППС за должности и ученые степени, а также о денежной компенсации работникам за покупку учебной литературы (Письмо Минобрнауки России от 12 сентября 2013 года № НТ-883/17 «О реализации части 11 статьи 108 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»)).

Отдельные аспекты менеджеристской политики реализуются через Указы Президента России и специальные постановления Правительства РФ.

Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» предусмотрено создание комплекса норм, направленных на повышение доходов представителей бюджетных профессий. Значительное место в них занимает эффективный контракт, который выполняет две функции: усиливает межвузовскую конкуренцию, переводя ее в плоскость борьбы за бюджетное финансирование, и создает конкуренцию между научно-педагогическими работниками за дополнительные премиальные выплаты. И в первом, и во втором случае предполагается действие законов конкуренции, типичных для рыночных условий, в которых выживают сильнейшие. В данном случае – организации и сотрудники. Неконкурентоспособные организации теряют аккредитацию, а сотрудники – увольняются.

Ещё один важнейший акт, установивший правила конкуренции между вузами – Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. №599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», которым согласно абз. 9 пп. «а» п. 1 на июнь 2013 г. был определен переход к нормативно-подушевому финансированию образовательных программ высшего профессионального образования. Если коротко, смысл данной реформы проистекал от менеджеристской установки на студентоцентрированность организации современных университетов. Студент не просто клиент. Это душевая единица, которая приносит вузу бюджетное финансирование. В соответствии с таким подходом оплачивается не образовательная программа в целом, а отдельно обучающийся студент. При этом социальная ценность

образовательной программы обуславливается именно тем, сколько абитуриентов ее выбирает. Чем чаще делается выбор, тем эффективнее обучение по данной программе. Логичным стало то, что государство определило минимальный пороговый барьер от численности студенческих образовательных групп и привязало его к соотношению численности преподавательских кадров. Всё это обосновывалось соображениями экономической эффективности, но в действительности выстраивалось под стандарты квазирыночной модели, которая скорее имитирует законы экономики, чем реально им следует.

В настоящее время Постановлением Правительства РФ от 17 марта 2015 г. №234 «О соотношениях численности работников профессорско-преподавательского состава и обучающихся образовательных организаций высшего образования» установлены пропорции по медианному значению в виде двенадцати студентов на одного преподавателя. Этот показатель необходим для того, чтобы образовательная организация, демонстрирующая бóльшую эффективность в сфере производства «научных и образовательных услуг», могла монетизировать свои результаты через коммерческих студентов и государственное бюджетное финансирование. Также власти рассчитывали, что таким образом удастся «обанкротить» те вузы, которые были малопродуктивны в научной и образовательной сфере. Для реализации этих идей было принято Постановление Правительства РФ от 3 июня 2013 г. № 467 «О мерах по осуществлению перехода к нормативно-подушевому финансированию имеющих государственную аккредитацию образовательных программ высшего профессионального образования». Все эти акты утвердили студентоцентрированность университетов, превратив обучающихся в некую высшую и безусловную ценность, в каком-то смысле даже несоотносимую с ее реальными достоинствами в контексте реализуемого образовательного процесса. Студент стал монетарной единицей, чем-то вроде живых денег. При таких обстоятельствах их качество как-то постепенно отошло на второй план, что крайне негативно сказалось на качестве образовательного процесса. Отныне к студентам принято относиться бережно, как к старой китайской вазе.

Нормативно-подушевое финансирование – это не только пропорции численных соотношений между преподавателями и студентами, и даже не только фиксированная оплата, выделяемая государством через бюджетные ассигнования на одного обучающегося. Это ещё и определенный порядок конкурентной борьбы за контрольные цифры приёма, под которыми подразумевается нечто вроде государственного обязательства на текущий год обучения оплатить по конкретной образовательной программе для определенного вуза четко фиксированную численность обучающихся. В законодательстве это получило наименование контрольные цифры приема (КЦП). С одной стороны, это рейтинговый результат конкурентной состоятельности вуза, с другой, государственное задание, которое вуз обязан выполнить, т.к. санкцией за невыполнение является снижение КЦП на следующий учебный год.

Указанные процедуры на данном этапе регулируются Постановлением Правительства РФ от 10 июня 2023 г. № 964 «Об утверждении Правил установления организациям, осуществляющим образовательную деятельность, контрольных цифр приема по профессиям, специальностям и направлениям подготовки и (или) укрупненным группам профессий, специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования, а также по группам научных специальностей и (или) научным специальностям для обучения по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета...».

Структура документа определена в названии. В первой части, общих положениях, устанавливаются ведомственные разграничения; во второй – формулируются нормы конкурсного отбора образовательных организаций; в третьей – определяются

особенности норм конкурсного отбора в зависимости от ведомственной принадлежности образовательной организации.

Возвращаясь к эффективному контракту, следует вспомнить Распоряжение Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 2190-р, утвердившее Программу поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы. Эффективные контракты стали вводиться повсеместно во всех образовательных учреждениях. Они стали своего рода индикатором профессиональной успешности, посредством которой измеряли не только возможность предоставления дополнительного финансирования в общую совокупность доходов отдельного сотрудника, но и его уместность на занимаемой ступени в академической иерархии. Эффективный контракт в некотором роде стал инструментом разрушения всем привычных академических статусов, поскольку в новых условиях требуется ежегодное подтверждение занимаемых статусов.

Проанализированное законодательство заложило основы, базовую платформу под менеджеристские идеи. Оно до сих пор является действующим, т.к. в нем заключены основополагающие идеи, цели, ценности и принципы.

Что касается измеряемых количественных показателей, то есть реальных индикаторов успешности на квазирынке высшего образования и науки, то они постоянно обновляются при помощи нормативных актов Министерства науки и высшего образования. В настоящий момент действуют два главных документа, определяющих менеджеристские «правила игры»: Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 1 февраля 2022 г. №92 «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений» и Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 28 августа 2023 г. № 824 «Об утверждении Порядка проведения конкурса по распределению контрольных цифр приема по специальностям и направлениям подготовки и (или) укрупненным группам специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам высшего образования, а также по группам научных специальностей и (или) научным специальностям для обучения по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета».

Первый документ является основой для составления эффективных контрактов для руководителей университетов. В нем перечислены конкретные количественные показатели и начисляемые за них баллы, которые по итогам финансового года подсчитываются и конвертируются в денежные средства. Именно это нормативная модель дает основание считать современного ректора эффективным менеджером. Его заслуги на посту руководителя вуза оцениваются через призму того, насколько успешно он достигает поставленные менеджеристские цели.

Второй документ детализирует количественные показатели не в целом по образовательной организации, а по отдельным образовательным направлениям. Их результаты оцениваются не в виде прямых денежных выплат, а через сопоставление полученных баллов укрупненной группы специальностей и направлений (УГСН) одного вуза с достигнутым объемом баллов УГСН других вузов. Те вузы, у которых УГСН имеют конкурентные преимущества перед УГСН других вузов получают больший объем КЦП. Иными словами, добиваются большего объема денежных средств в рамках нормативно-подушевого финансирования.

Большое значение для реализации менеджеристских идей в образовании выполняют локальные акты отдельных образовательных организаций. Рассмотрим их на примере нормативных документов Южного федерального университета.

Целиком и полностью менеджеристскими можно признать два документа: Приказ от 2 апреля 2014 г. №12600Д «Об утверждении форм документов по оформлению трудовых отношений с работниками на условиях эффективного контракта» и Приложение к Приказу ЮФУ от 1 апреля 2015 г. №3553 «Методические рекомендации по анализу рейтинговых показателей научно-педагогических работников Южного федерального университета».

Приказ от 2 апреля 2014 г. №12600Д «Об утверждении форм документов по оформлению трудовых отношений с работниками на условиях эффективного контракта» определяет стандартные формы трудовых договоров, которые приняты в Южном федеральном университете. Для каждой должности определена совокупностей обязательств, которые вырастают исходя из того, на какой ступени академической иерархии находится соискатель должности. В некотором роде такой эффективный контракт фиксирует академические достижения. Но возможно и обратное утверждение: те, кто перевыполняют обязательства по низшим академическим должностям, имеют право претендовать на замещение высших. В этом качестве в ЮФУ отражается типичная менеджеристская установка об отсутствии устоявшейся академической иерархии. Структура академических статусов формируется исходя из текущих достижений.

Более детально данный принцип проявляется в Приложении к Приказу ЮФУ от 1 апреля 2015 г. №3553 «Методические рекомендации по анализу рейтинговых показателей научно-педагогических работников Южного федерального университета», регулирующий учет рейтинга НПП. Все преподаватели и научные сотрудники ЮФУ заполняют ежегодный рейтинг, состояющийся по итогам научной, образовательной, воспитательной и финансовой деятельности. Каждый вид работ имеет определенный размер премирования в баллах, которые, в свою очередь, конвертируются в рубли. По итогам заполнения рейтинга и после проведения проверочных работ ректор издает приказ о конкретной сумме вознаграждения, которую получает каждый отдельный сотрудник ЮФУ в строгом соответствии со своими академическими достижениями. При этом у рейтинга есть и административная, помимо финансовой, функция: притязания на определенную должность должны быть обеспечены достижением минимального рейтингового порога в баллах. Наиболее высокий порог, как и следовало ожидать, для должности профессора – 60 баллов. За эти баллы премия не начисляется. Конвертируются в деньги только те, которые достигаются сверх порогового барьера.

Заключение

На текущий момент в Российской Федерации сложилась разветвленная система права, в которой отражаются базовые менеджеристские цели, ценности, установки, принципы. Ведущий нормативно-правовой акт страны, регулирующий отношения в сфере высшего образования, – ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», включает в себя основные менеджеристские категории, к которым относятся услуга, рынок образовательных услуг, рейтинг. В соответствии с федеральным законом, а также в дополнение его положений принята совокупность нормативных актов разной юридической силы: указы Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства России, приказы министерства науки и высшего образования, а также локальные акты образовательных организаций высшего образования. В настоящее время нормативная модель менеджеристского управления обеспечивает все основные потребности в реализации данной управленческой идеологии в образовательных практиках. Несмотря на то, что в обществе существует устойчивая тенденция на отказ от псевдолиберальных образовательных доктрин, менеджеризм по-прежнему выступает основополагающей основой управления высшим образованием.

Литература

Вольчик, В. В. Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования и науки / В.В. Вольчик, Е.В. Маслюкова // *Terra Economicus*. – 2019. – №17. – С. 146–162. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162>.

Дадаев, Я. Э. Возможности и риски коммерциализации высшего образования / Я.Э. Дадаев // *Журнал прикладных исследований*. – 2022. – № 2-2. – С. 135–143. https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_2_2_135.

Дятлов, А. В. Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов // А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // *Вестник Института социологии*. – 2023. – Том 14. – № 2. – С. 70–91. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.3>.

Ковалев, В.В. Субъектность академического сообщества в условиях менеджеристского управления / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // *Наука. Культура. Общество*. – 2024. – Т. 30. – №2. – С. 37–51. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3>.

Кузьмина, А.А. Расширение ассортимента образовательных услуг вуза как условие обеспечения конкурентных позиций на рынке образовательных услуг / А.А. Кузьмина // *Вестник Уральского института экономики, управления и права*. – 2009. – №3 (8). – С. 102–105.

Курбатова, О.В. Подходы к пониманию сущности публичных услуг / О.В. Курбатова // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2020. – №1. – С. 229–232.

Романов, Е. В. Публикационная активность российских университетов: от «академического капитализма» к «академическому социализму» / Е.В. Романов // *Вопросы экономики*. – 2023. – № 2. – С. 100–115. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-100-115>.

References

Dadaev Y.E. Opportunities and risks of commercialisation of higher education. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research*. 2022; 2-2: 135-143. https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_2_2_135. (In Russ.)

Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Efficiency of management of higher education in Russia in the practice of managerial tools. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023; 14(2): 70-91. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.3>. (In Russ.)

Kovalev V.V., Dyatlov A.V. Subjectivity of the academic community in the conditions of managerialist management. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Science. Culture. Society*. 2024; 30(2): 37-51. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3>. (In Russ.)

Kurbatova O.V. Approaches to understanding the essence of public services. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020; 1: 229-232. (In Russ.)

Kuzmina A.A. Expanding the range of educational services of the university as a condition for ensuring competitive positions in the market of educational services. *Vestnik Ural'skogo instituta ehkonomiki, upravleniya i prava = Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*. 2009; 3: 102-105. (In Russ.)

Romanov E.V. Publishing activity of Russian universities: from 'academic capitalism' to 'academic socialism'. *Voprosy ekonomiki = Economic issues*. 2023; 2: 100-115. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-10-115>. (In Russ.)

Volchik V.V., Maslyukova E.V. Reforms, tacit knowledge and institutional traps in the sphere of education and science. *Terra Economicus*. 2019; 17: 146-162. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 7.11.2024

Дата окончания рецензирования: 27.11.2024

Дата принятия к публикации: 29.11.2024

Информация об авторе

Петрулевич Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и методики преподавания истории и обществознания Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: irusia2@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Petrulevich Irina Anatolyevna – Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Special Historical Disciplines and Methods of Teaching History and Social Studies at the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: irusia2@rambler.ru

The author has no conflict of interest to declare

Научная статья**УДК 316**<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.8>

EDN YTWLUB

Управленческие практики межрегионального сотрудничества в Южном федеральном округе: проблемы и перспективы**Наталья А. Латушко¹**¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: nlatushko@sfedu.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируются управленческие практики межрегионального сотрудничества в регионах Южного федерального округа. Актуальность исследования вызвана необходимостью выстраивания более тесных межрегиональных связей, основанных на сотрудничестве в пространстве макрорегиона.

Методы. Выявление управленческих практик и форм межрегионального сотрудничества осуществлялось на основе структурно-содержательного анализа нормативно-правовых документов, стратегий развития субъектов Южного федерального округа, Южного макрорегиона.

Результаты и обсуждение. На сегодняшний момент потенциал межрегионального сотрудничества достаточно высок, но используется не в полной мере, что характерно и для регионов Южного федерального округа. Поэтому в целях закрепления эффективных практик, способных усилить межрегиональное взаимодействие, необходима выработка на федеральном уровне единой системы принципов и подходов к осуществлению межрегионального взаимодействия, а также координация всех участников межрегионального взаимодействия посредством создания единой структуры на уровне администрации субъекта федерации, синхронизация административно-управленческих решений между федеральным и региональным уровнями.

Ключевые слова: межрегиональное сотрудничество; межрегиональное взаимодействие; макрорегион; управленческие практики; ассоциации экономического взаимодействия, стратегия развития региона.

Для цитирования: Латушко Н. А. (2024). Управленческие практики межрегионального сотрудничества в Южном федеральном округе: проблемы и перспективы. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), С. 89-95. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.6>.

Management practices of interregional cooperation in the Southern Federal District: problems and prospects**Natalia A. Latushko¹**¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: nlatushko@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the management practices of interregional cooperation in the regions of the Southern Federal District. The relevance of the study is caused by the need to establish closer interregional ties based on cooperation in the macroregion.

Methods: The identification of management practices and forms of interregional cooperation was carried out on the basis of a structural and substantive analysis of regulatory documents, development strategies of the subjects of the Southern Federal District, the Southern macroregion.

Results and its discussion. At the moment, the potential of interregional cooperation is quite high, but it is not fully used, which is typical for the regions of the Southern Federal District. Therefore, in our opinion, in order to consolidate effective practices that can strengthen interregional cooperation, it is necessary to develop at the federal level a unified system of principles and approaches to the implementation of interregional interaction, as well as coordination of all participants in interregional interaction through the creation of a structure at the level of the administration of the subject of the federation, synchronization of administrative and managerial decisions between the federal and regional levels.

Keywords: interregional cooperation; interregional interaction; macroregion; management practices; associations of economic cooperation, regional development strategy.

For citation: Latushko N. A. Management practices of interregional cooperation in the Southern Federal District: problems and prospects. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), P. 89–95. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.8>.

Введение

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации отмечается необходимость создания единого пространства макрорегиона, а одним из инструментов достижения поставленной цели является межрегиональная интеграция. Несмотря на то, что на сегодняшний момент в виду объективно существующих ограничений регионы в большей степени используют стратегии межрегиональной конкуренции, именно межрегиональное сотрудничество как система партнёрских отношений органов власти субъектов РФ в комплексном решении вопросов социально-экономического развития локалитетов может принести более значительные экономические результаты и в целом оказать положительное влияние на развитие регионов и страны в целом.

Необходимо отметить, что интеграционные процессы между регионами важны не только в социально-экономической сфере. Устойчивые социальные связи, обмен лучшими практиками и передовым опытом как в части реализации инвестиционных, так и социальных проектов между субъектами может повысить качество государственного управления.

Материалы и методы

Выявление управленческих практик и форм межрегионального сотрудничества осуществлялось на основе сравнительного анализа действующих документов стратегического характера субъектов Южного федерального округа, стратегии Южного макрорегиона, а также динамике заключенных соглашений и выбора регионов в качестве партнеров на примере Ростовской области.

Проведенный анализ позволил выявить существующие формы межрегионального сотрудничества, поддерживаемые органами власти и управления в регионах Южного федерального округа и предложить направления, которые могут усилить эффективность межрегионального сотрудничества.

Результаты исследования

В современной отечественной научной литературе межрегиональное сотрудничество трактуется по-разному, используя дефиниции «межрегиональные связи», «межрегиональная интеграция», «межрегиональные отношения» и т.д. (Глезман, 2023, Климанов 2021, Рогачева, 2010). Рассматриваются две основные формы межрегионального сотрудничества: ассоциации экономического взаимодействия и соглашения о сотрудничестве (Кузнецова, 2019). Отдельно ряд авторов выделяет необходимость использования потенциала межрегионального сотрудничества в связи с утверждением нового формата системы стратегического планирования территории РФ. В рамках данного исследования под межрегиональным сотрудничеством понимается совместная деятельность региональных органов власти и управления, направленная на решение вопросов социально-экономического развития территорий.

Анализ источников свидетельствует о том, что в настоящее время в отечественной и зарубежной практике существует множество форм межрегионального взаимодействия. В рамках нашего исследования были выделены форматы сотрудничества между субъектами РФ, инициируемые органами государственного управления (табл. 1).

Региональный уровень институционализации межрегионального сотрудничества включает две формы интеграционных форм: соглашения о сотрудничестве и ассоциации экономического взаимодействия.

Соглашения о сотрудничестве между правительствами регионов, не предусматривающие финансирования в различных областях социально-экономической деятельности между субъектами РФ, являются устоявшейся формой межрегионального взаимодействия. Они были институционализированы в 1990-х годах. Практически во всех регионах РФ осуществляется практика заключения соглашений. Каждым регионом индивидуально определены локусы сотрудничества и форма документа, не предусматривающая создания отдельных органов управления. Динамика заключенных соглашений и выбор регионов в качестве партнеров разнообразны. Несмотря на то, что данная форма предусматривает реализацию многостороннего межрегионального сотрудничества, на практике региональные власти предпочитают соглашение в двустороннем порядке, предусматривающий обширный перечень сотрудничества.

Таблица 1

Формы межрегионального сотрудничества, инициируемые органами государственной власти в субъектах Южного федерального округа

Соглашения о сотрудничестве	Инициатором создания выступают региональные органы власти и управления. Документ предусматривает широкий спектр направлений, включая торгово-экономическое сотрудничество, социальную защиту населения, сотрудничество в области науки и высоких технологий, образования, здравоохранения, культуры. Является формой многостороннего сотрудничества.
Ассоциации экономического взаимодействия	Инициатором выступают органы власти и управления федерального уровня и относится к многостороннему сотрудничеству. Законодательно закреплено в законе от 28.06.2014 № 172-ФЗ. «О стратегическом планировании в Российской Федерации»
Формирование макрорегионов согласно Стратегии пространственно о развития РФ до 2025 года	Инициатором выступают органы власти и управления федерального уровня и относится к многостороннему сотрудничеству. Законодательно закреплено в законе от 28.06.2014 № 172-ФЗ. «О стратегическом планировании в Российской Федерации»

На основе анализа документов официального сайта Администрации в Ростовской области выделена практика двусторонних соглашений в период с 2023 и 2024 годов. В это время заключено соответственно по 1 и 3 соглашения с субъектами, не входящими в ЮФО; в 2022 году – 7, из них 1 с субъектом ЮФО; в 2020 году 3, из них 1 с субъектом ЮФО; в 2019 году – 6, из них 2 с субъектом ЮФО. Исключение составляет рамочное соглашение о многостороннем межрегиональном сотрудничестве «Донбасс» (2023 г.) и Соглашение о сотрудничестве в сфере туризма (2018 г.), заключенного между субъектами ЮФО – Ростовская область, Краснодарский край, р. Крым и Севастополь и федеральными организациями Ростуризм и Русское географическое общество. И в целом, между всеми субъектами Южного федерального округа заключены двусторонние

соглашения одновременно отражающие приоритетные направления межрегионального сотрудничества и служащие основой дальнейшей совместной деятельности органов исполнительной власти южнороссийских регионов.

Ассоциативные структуры создаются в координационных целях и направлены на улучшение социально-экономической системы регионов. В настоящее время функционирует пять Ассоциаций экономического взаимодействия, на территории Южного федерального округа – Ассоциация «Юг», созданная с целью обеспечения межрегиональной интеграции, в Приволжском и Уральском федеральных округах ранее созданные структуры прекратили свое существование. Представители Ассоциаций экономического взаимодействия, консолидируя мнение всех участников, представляют его в структурах федерального уровня. Наибольшая активность деятельности ассоциаций была в 1990-2000 гг., что вызвано объективной необходимостью преодоления разобщенности хозяйственных связей, образовавшихся вследствие распада СССР, и выстраиванием новой системы вертикальных и горизонтальных связей между федерацией и регионами. Всё это требовало институционального закрепления статуса региона как субъекта рыночных отношений, а следовательно, и появление у региональных властей нового спектра полномочий и обязанностей

Направления деятельности Ассоциации «Юг», контролируемые 16 координационными советами, в состав которых входит более 500 представителей региональных органов власти и управления, общественных и научных организаций, охватывают вопросы экономического, экологического, социального и культурного взаимодействия между регионами. На сегодняшний момент участие в деятельности Ассоциации совместно с органами власти субъектов за счет обмена лучшими практиками позволяет распространять успешный опыт в деятельность органов государственной власти субъектов Южного федерального округа, а также более локально выстраивать межрегиональное социально-экономического и гуманитарное сотрудничество. Также в рамках проводимых тематических мероприятий у регионов Юга России имеется возможность более точно обозначить возникающие социально-экономические проблемы регионов и в дальнейшем посредством Ассоциации представлять интересы отдельных регионов на уровень федерального центра.

Необходимо отметить, что степень и направления вовлеченности региональных органов власти и управления, а следовательно, и использование формальных практик в процесс интеграции межрегионального взаимодействия фиксируется в стратегиях социально-экономического развития субъектов РФ. Анализ реализуемых стратегий социально-экономического развития субъектов ЮФО свидетельствует о следующем:

В Ростовской области опорным институтом межрегионального сотрудничества является Ассоциация «Юг» и усилия региональных властей концентрируются на минимизации нормативно-правовых, финансовых и др. ограничений, затруднявших реализацию межрегиональных проектов на всех стадиях.

В Краснодарском крае с целью повышения региональной конкурентоспособности усилия региональных властей направлены на использование потенциала межрегиональной конкуренции в процессе проведения кластерной политики, реализации инфраструктурных проектов и межрегионального трансграничного сотрудничества.

В Республике Адыгея и Астраханской области усилия региональных властей направлены на активизацию межрегионального взаимодействия в сфере культуры, а также участия в межрегиональных инженерных и транспортных инфраструктурных проектах.

В свою очередь в республике Калмыкия региональные власти нацелены на активизацию межрегионального взаимодействия в сфере туризма и развития отраслей животноводства, а также смещение акцентов от межрегиональной конкуренции к межрегиональному сотрудничеству.

В стратегических документах Волгоградской области прослеживается курс на активизацию межрегионального взаимодействия в сфере культуры и туризма, инфраструктурных проектах. И также отмечается необходимость заключения двусторонних соглашений о сотрудничестве, имеющих выгоды для обеих сторон как формы активизации межрегионального сотрудничества.

В республике Крым и г. Севастополь развитие межрегионального сотрудничества сконцентрировано в торгово-экономической сфере, лечебно-оздоровительного туризма, образования и культуры, используя практику заключения соглашений о сотрудничестве с субъектами РФ.

Таким образом, межрегиональное взаимодействие на горизонтальном уровне в Южном федеральном округе поддерживается всеми исполнительными органами власти субъектов федерации, позволяя более гибко выстраивать управленческое взаимодействие между регионами, интегрировать локальные ресурсы и, участвуя в деятельности Ассоциации «Юг» посредством вносимых предложений на федеральный уровень, принимать участие в региональной политике.

Федеральный уровень использования потенциала межрегионального сотрудничества представлен участием региональных органов власти и управления в формировании стратегий и программ развития макрорегионов, что законодательно определено в законе от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Стратегии пространственного развития Российской Федерации и др. Несмотря на то, что реализуемые стратегии развития макрорегионов незначительно дублируют стратегии развития федеральных округов, в их содержании только декларируется значимость потенциала межрегионального сотрудничества субъектов макрорегиона как источника повышения конкурентоспособности, связности и однородности экономического и социального пространств. В стратегиях социально-экономического развития федеральных округов практика использования межрегионального сотрудничества иная. В стратегиях СЗФО, ЮФО, УрФО межрегиональному сотрудничеству отведено точечное внимание. Но, в Стратегии Южного федерального округа формат взаимодействия определен лишь через реализацию крупных инвестиционных проектов в отдельных сферах транспортной и инженерной инфраструктур.

Таким образом, потенциал межрегионального сотрудничества на уровне федерация – регион в Южном федеральном округе на сегодняшний момент используется не в полной мере, а региональные администрации практически не вовлечены в вопросы формирования стратегий макрорегионов, что в дальнейшем может быть препятствием в достижении стратегических задач социально-экономического развития страны посредством межрегиональной интеграции.

Заключение

Повестка межрегионального взаимодействия по-прежнему остается актуальной, особенно в силу существующих международных ограничений, что побуждает региональные администрации искать новые возможности и ресурсы. На сегодняшний момент потенциал межрегионального сотрудничества, что отмечено как представителями экспертного, так и научного сообщества, достаточно высок, но используется не в полной мере, что характерно и для регионов Южного федерального округа. Это связано с рядом объективных факторов.

В регионах накоплен достаточно разнообразный опыт использования в комбинации форм межрегионального сотрудничества, что зафиксировано в нормативно-правовых актах и документах стратегической ориентации регионального уровня. Но в дальнейшем необходима выработка на федеральном уровне единой системы принципов и подходов к осуществлению межрегионального взаимодействия. И в данном предложении необходимо учитывать уровень социально-экономического развития региона, в целях наиболее их полного ресурсного использования.

Также необходима координация всех участников межрегионального взаимодействия (органов власти, бизнес-структур, некоммерческих организации, стейкхолдеров) посредством создания структуры на уровне администрации субъекта федерации, синхронизации административно-управленческих решений между федеральным и региональным уровнями. А также привлечение представителей региональных администраций к формированию стратегий макрорегионов, установление устойчивых прямых и обратных связей на уровне регион-макрорегион.

Литература

Глезман, Л.В. Генезис понятия «межрегиональное взаимодействие» в пространственной экономике/ Глезман Л.В., Исаев С.Ю., Федосеева С.С. // *Управленческий учет*. – 2023. – №9. – С.97-104.

Климанов, В. В. Инструменты межрегионального взаимодействия в системе государственного управления / В. В. Климанов, С. М. Казакова, В. А. Яговкина. // *Регионология*. – 2021. – Т. 29, № 2. – С. 250–282

Кузнецова, О.В. Межрегиональное сотрудничество в России: перспективы кооперации региональных властей/ О.В. Кузнецова // *Региональные исследования*. – 2019. – № 1. – С. 16–25. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-1-2>

Лаврикова, Ю.Г. Приоритеты и механизмы межрегиональных взаимодействий: опыт уральских регионов в проекте «Арктический вектор Уральского созвездия»/ Ю.Г. Лаврикова, В.В. Акбердина// *Регион: экономика и социология*. – 2018. – № 100. – С. 168–191. <https://doi.org/10.15372/REG20180407>

Рогачева, Л. И. Межрегиональные связи как фактор формирования гражданского общества и укрепления государства/ Л. И. Рогачева // *Власть*. – 2010. – № 5. – С. 20–23. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Закон Республики Крым от 9 января 2017 года N 352-ЗРК/2017 «О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» / СПС КонсультантПлюс

Закон города Севастополя от 21 июля 2017 № 357-ЗС «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года»// СПС КонсультантПлюс

Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 года N 3930-КЗ «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года»// СПС КонсультантПлюс

Закон Астраханской области 25.12.2020 № 115/2020-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Астраханской области на период до 2035 года» // СПС КонсультантПлюс

Закон Волгоградской области от 28 декабря 2021 года N 134-ОД «О Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс

Постановление Правительства Республики Калмыкия от 24 декабря 2019 года N 388 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс

Постановление Правительства Ростовской области от 26 декабря 2018 года N 864 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года» / СПС КонсультантПлюс

Постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 26 декабря 2018 года N 286 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года» // КонсультантПлюс

References

Glezman L.V., Isaev S.Yu., Fedoseeva S.S. The genesis of the concept of "interregional interaction" in spatial economics. Upravlencheskij uchet = Managerial accounting. 2023; 9:97-104. (In Russ.)

Klimanov V. V. Instruments of interregional interaction in the system of public administration. *Regionologiya = Regionology*. 2021; 29 (2): 250-282. (In Russ.)

Kuznetsova O.V. Interregional cooperation in Russia: prospects of cooperation between regional authorities. *Regional'nye issledovaniya = Regional studies*. 2019; 1:16-25. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-1-2>. (In Russ.)

Lavrikova Yu.G., Akberdina V.V. Priorities and mechanisms of interregional interactions: the experience of the Ural regions in the project "Arctic vector of the Ural constellation". *Region: ekonomika i sociologiya = Region: economics and sociology*. 2018; 100:168-191. <https://doi.org/10.15372/REG20180407>. (In Russ.)

Rogacheva L. I. Interregional relations as a factor in the formation of civil society and strengthening the state. *Vlast' = Power*. 2010; 5: 20-23. (In Russ.)

Federal Law No. 172-FZ dated June 28, 2014 «On Strategic Planning in the Russian Federation». (In Russ.)

The Law of the Republic of Crimea dated January 9, 2017 N 352-ZRK/2017 «On the strategy of socio-economic development of the Republic of Crimea until 2030». *SPS ConsultantPlus*. (In Russ.)

The Law of the City of Sevastopol dated July 21, 2017 No. 357-ZS «On approval of the Strategy of socio-economic development of the city of Sevastopol until 2030». *SPS ConsultantPlus*. (In Russ.)

The Law of the Krasnodar Territory dated December 21, 2018 No. 3930-KZ «On the Strategy of socio-economic development of the Krasnodar Territory until 2030». *SPS ConsultantPlus*. (In Russ.)

Law of the Astrakhan region No. 115/2020-OZ «On the Strategy of socio-economic development of the Astrakhan region for the period up to 2035». *SPS ConsultantPlus*. (In Russ.)

The Law of the Volgograd region dated December 28, 2021 No. 134-OD «On the Strategy of socio-economic development of the Volgograd region until 2030». *SPS ConsultantPlus*. (In Russ.)

Resolution of the Government of the Republic of Kalmykia dated December 24, 2019 No. 388 «On approval of the Strategy of socio-economic development of the Republic of Kalmykia for the period up to 2030». *SPS ConsultantPlus*. (In Russ.)

Resolution of the Government of the Rostov Region dated December 26, 2018 No. 864 «On approval of the Strategy of socio-economic development of the Rostov region for the period up to 2030». *SPS ConsultantPlus*. (In Russ.)

Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Adygea dated December 26, 2018, No. 286 «On the Strategy of socio-economic development of the Republic of Adygea until 2030». *ConsultantPlus*. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 30.10.2024

Дата окончания рецензирования: 28.11.2024

Дата принятия к публикации: 30.11.2024

Информация об авторе

Латушко Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: nlatushko@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Latushko Natalia Alexandrovna – Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: nlatushko@sfedu.ru

The author has no conflict of interest to declare

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья**УДК 316**<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.9>

EDN: SUDYWF

Социально-демографические и стратификационные факторы удовлетворенности досугом (на примере Ростовской области)**Юлия И. Исакова¹**¹Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: isakova.pravo@bk.ru

Аннотация

Введение. В данной статье представлен анализ влияние социально-демографических и стратификационных факторов на удовлетворенность досугом среди жителей Ростовской области. Автор исходит из предположения, что дифференциация по социальному статусу, полу и возрасту может оказать серьезное влияние на субъективное восприятие удовлетворенности собственным досугом.

Методы. Цель исследования – определить влияние социально-демографических факторов на восприятие индивидом возможностей собственного досуга. Для реализации цели поставлены следующие задачи: выявить влияние пола и возраста на удовлетворенность собственным досугом; определить, как социальный статус респондента влияет на удовлетворенность собственным досугом; установить, оказывает ли влияние места проживания респондента на его удовлетворенность своим досугом. Социологическое исследование опирается на результаты массового опроса жителей Ростовской области в возрасте от 14 лет. В выборку вошло 2100 респондентов, выборка – случайная. Критерии отбора респондентов: пол, возраст, тип территории проживания (областной центр, городской округ, муниципальный район), социально-профессиональное положение, уровень материального благосостояния (самооценка респондента). Вопросы посвящены оценке субъективной удовлетворенности респондента возможностями интересно провести свободное время; выявлению того, чего не хватает для интересного времяпровождения.

Результаты и их обсуждение. Определено, что возраст, социально-профессиональное положение и уровень благосостояния оказывают непосредственное влияние на восприятие досуга. Богатые и образованные, с одной стороны, чувствительны к качеству досуга, но, с другой, чаще высказываются о нем позитивно; бедные, напротив, ощущают дефицит возможностей интересного времяпровождения, но, что примечательно, чаще других говорят, что «им ничего не надо, всего хватает». Аналогична ситуация и с пенсионерами. Эмпирически подтверждено, что малообеспеченные респонденты и пенсионеры воспринимают досуг по-другому, не имеют на него времени/возможностей и стремятся найти «оправдание» его недостатку, объяснив это тем, что «оно им и не нужно». Школьники и студенты чаще других недовольны возможностями своего досуга, особенно в муниципальных районах. Автором сформулированы три ключевых «группы риска», нуждающиеся в формах организованного досуга.

Ключевые слова: досуг; свободное время; организованный досуг; социальная дифференциация; социальная стратификация; удовлетворенность досугом; досуговые практики.

Для цитирования: Исакова Ю.И. (2024). Социально-демографические и стратификационные факторы удовлетворенности досугом (на примере Ростовской области). *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), С. 97-106. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.9>.

Socio-demographic and stratification factors of satisfaction with leisure time (On the example of Rostov region)

Isakova Yulia Igorevna¹

¹Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: isakova.pravo@bk.ru

Abstract

Introduction. This article analyzes the influence of socio-demographic and stratification factors on the satisfaction with leisure time among the residents of Rostov region. The author proceeds from the assumption that differentiation by social status, gender and age can have a serious impact on the subjective perception of satisfaction with one's own leisure time. **Methods.** The aim of the study is to determine the influence of socio-demographic factors on an individual's perception of his/her own leisure opportunities. To realize the goal the following tasks were set: to identify the influence of gender and age on the satisfaction with own leisure time; to determine how the social status of the respondent affects the satisfaction with own leisure time; to determine whether the place of residence of the respondent influences his satisfaction with his leisure time. The sociological study is based on the results of a mass survey of Rostov region residents aged 14 years and older. The sample included 2100 respondents; the sample is random. Respondents' selection criteria: gender, age, type of residence territory (regional center, urban district, municipal district), socio-professional status, level of material well-being (respondent's self-assessment). The questions are devoted to the assessment of the respondent's subjective satisfaction with the opportunities to spend interesting free time; identification of what is missing for interesting pastime.

Results and its discussion: it was determined that age, socio-professional status and level of well-being have a direct impact on the perception of leisure. The rich and educated, on the one hand, are sensitive to the quality of leisure, but, on the other hand, more often speak positively about it; the poor, on the contrary, feel the lack of opportunities for interesting pastime, but, remarkably, more often than others say that "they do not need anything, everything is enough". The situation with pensioners is similar. It has been empirically confirmed that low-income respondents and pensioners perceive leisure differently, do not have time/opportunities for it and try to find an "excuse" for its lack, explaining it by the fact that "they do not need it". Schoolchildren and students are most often dissatisfied with their leisure opportunities, especially in municipal areas. The author formulated three key "risk groups" in need of forms of organized leisure.

Key words: leisure; free time; organized leisure; social differentiation; social stratification; satisfaction with leisure; leisure practices.

For citation: Isakova Y.I. (2024). Socio-demographic and stratification factors of satisfaction with leisure (on the example of Rostov region). *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), P. 97-106. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.9>.

Введение

Современные муниципальные пространства постоянно усложняются, профессиональная жизнь людей преобразуется и приобретает более сложные, дифференцированные формы. Очевидно, что в такой ситуации растут потребности местных жителей в разнообразных формах досуга. Однако не каждая муниципальная администрация обладает необходимыми ресурсами для обеспечения инфраструктуры и пространства, соответствующего постоянно повышающимся требованиям к качеству досуга. Допустимо полагать, что разные страты будут иметь различные отношения к тем или иным формам досуга и воспринимать его качество неоднозначно. В данной статье мы предпримем попытку установить взаимосвязь между факторами пола, возраста, типа поселения, социального статуса и восприятием удовлетворенности досуговыми практиками.

Тема досугового времяпровождения вызывает стабильный интерес у исследователей. Г.В. Тартыгашева писала о том, как проводят свободное время

российские работники, которых можно отнести к прекариату (Тартыгашева, 2022), О.В. Ионова изучала ценности досуговой сферы молодежи (Ионова, 2016), А.А. Жилиева исследовала досуговые практики молодежи (Жилиева, 2021), А.А. Беспалова акцентировала внимание на рекреационных практиках горожан (Беспалова, 2016). Чаще всего научной рефлексии подвергается досуг молодежи (Цветкова, 2017), но встречаются и работы, посвященные свободному времяпровождению лиц, принадлежащих к старшим возрастным группам. Так, Ю.С. Смирнова изучала формы организации досуга лиц пожилого возраста (Смирнова, 2018). Но большинство работ данного предметного спектра либо концентрируются на психологическом аспекте проблемы (например, о досуге в условиях стационарных учреждений), либо являются достаточно устаревшими. Можно сказать, что наибольшее число статей, доступных в открытых источниках, опубликованы в период 2014-2018 гг. Современные реалии России, в свою очередь, требуют обновленного подхода к изучению данной проблемы, а недостаток социологических работ, посвященных проблеме современного досуга, повышает как социальную, так и научную значимость заявленной темы. Особо следует указать на дефицит социологических исследований, фокусирующих внимание на проблеме дифференциации восприятия досуга и свободного времяпровождения у общностей, разделенных по полу, возрасту, месту проживания и полу.

Методы

Цель данной статьи – установить влияние социально-демографических и стратификационных факторов на удовлетворенность жителями Ростовской области своим досугом.

Для реализации обозначенной цели сформулированы следующие задачи:

- 1) выявить влияние пола и возраста на удовлетворенность собственным досугом;
- 2) определить, как социальный статус респондента влияет на удовлетворенность собственным досугом;
- 3) установить, оказывает ли влияние место проживания респондента на его удовлетворенность своим досугом.

Возраст респондента поделен на три группы: молодежь (14-35 лет), лица среднего возраста (36-50 лет), лица старшего возраста (51 и старше). Рассматриваемые социальные статусы: рабочий (сельское хозяйство), служащий, руководитель отдела, интеллигенция (не занятая на производстве), инженерно-технический работник, индивидуальный предприниматель, школьник, студент колледжа, студент ВУЗа, пенсионер, инвалид, домохозяйка, безработный. По материальному положению респонденты дифференцированы на богатых, обеспеченных, среднеобеспеченных, малообеспеченных и бедных.

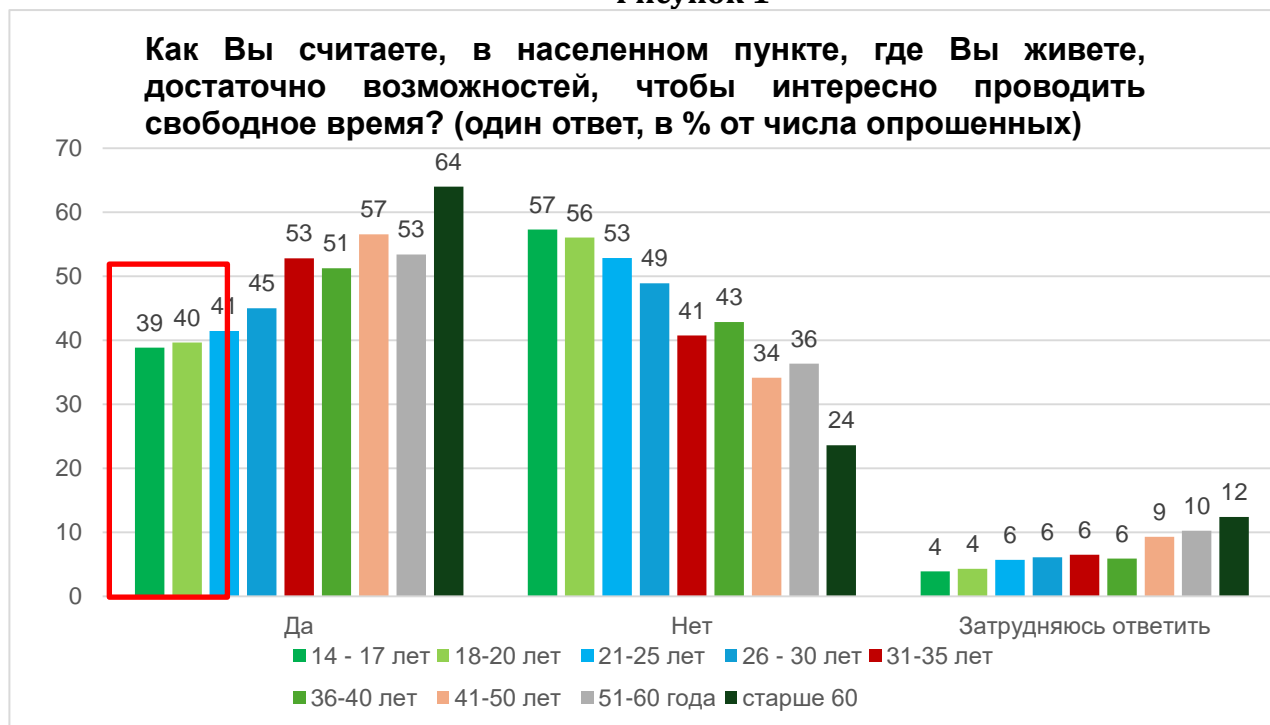
Социологическое исследование было реализовано на территории Ростовской области в 2024 г в формате личных формализованных интервью face-to-face с респондентами, проживающими в г. Ростове-на-Дону, городских округах и муниципальных районах. Случайная выборка – 2100 респондентов, критерии отбора – пол, возраст, тип территории проживания. Мужчин – 45%; женщин – 55%. В Ростове-на-Дону 26% опрошенных; городах области (8 городских районов) – 43%; в сельских поселениях (21 муниципальный район) – 31%.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим распределение ответов респондентов на вопрос о достаточности возможностей для проведения досуга. Первая переменная – возраст. Как следует из данных, представленных на рисунке 1, имеет место ярко выраженная дифференциация восприятия репертуара досуговых возможностей в зависимости от возраста

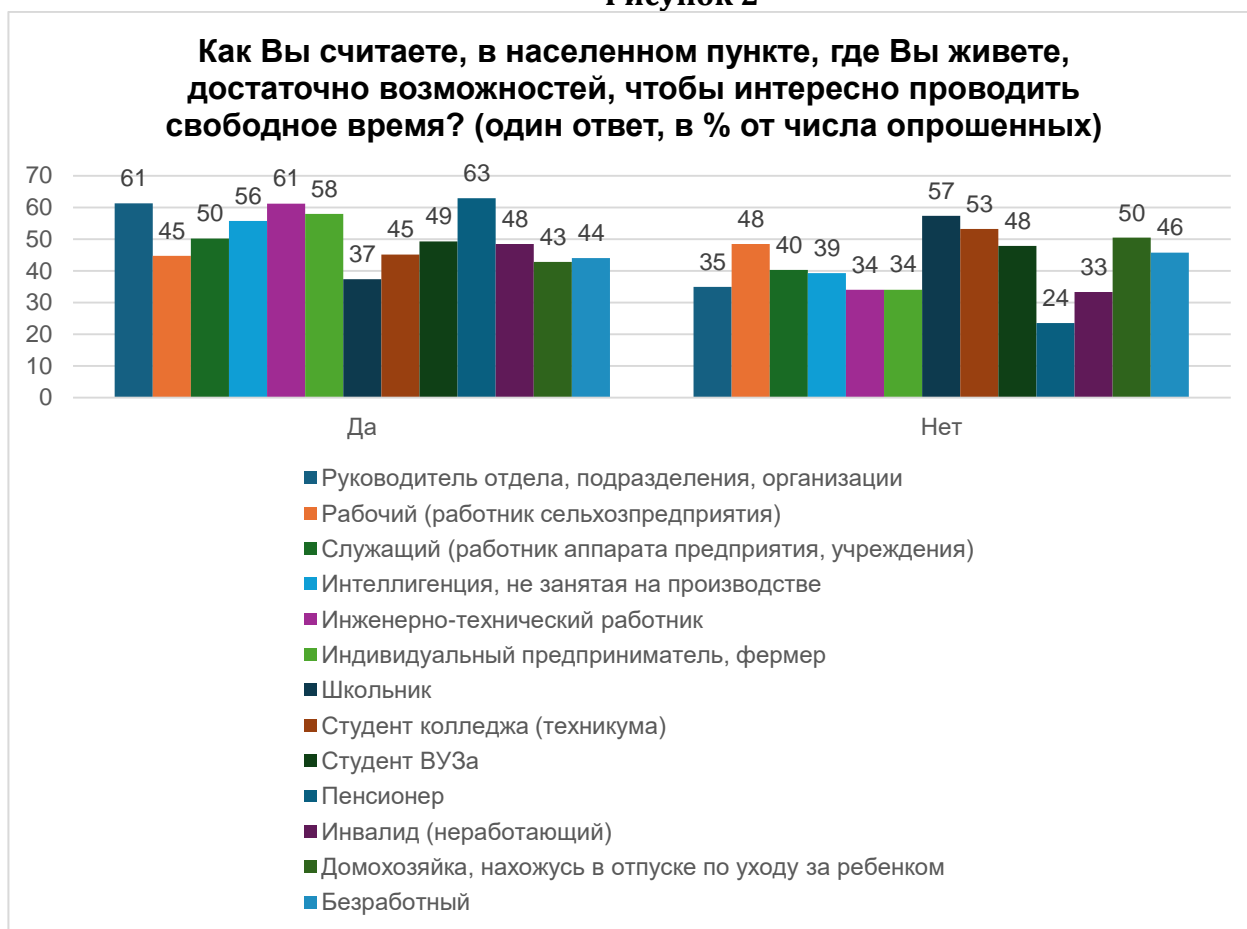
респондента. Чем старше респондент, тем более он склонен воспринимать возможности для досуга позитивно. Мы предполагаем, что это связано с тем, что досуг – неотъемлемая часть образа жизни молодежи. Из этого следует, что чувствительность молодых людей к недостатку, дефициту доступного досуга намного выше, чем у людей, принадлежащих к старшим возрастным группам.

Рисунок 1

По вышеприведенному вопросу не наблюдается достойной упоминания динамики распределения ответов по полу респондента. Перейдем к рассмотрению этого вопроса в разрезе социального положения респондента.

Рисунок 2

Примечательно, что школьники (37%), студенты колледжа (45%) и ВУЗа (49%) оказались наименее удовлетворены возможностями своего досуга, что вполне коррелируется с распределением ответов по возрастным категориям. Обратим внимание на несколько интересных деталей: домохозяйки и матери, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, чаще оказывались недовольны своим досугом (50%), а следом за ними идут рабочие сельхоз предприятий (48%) и безработные (46%). Наибольшую удовлетворенность возможностями своего досуга демонстрируют руководители отделов и организаций (61%) и пенсионеры (63%). Следом за ними идут инженерно-технические работники (61%) и индивидуальные предприниматели/фермеры (58%).

Во-первых, описанная нами выше «чувствительность» самой молодой части аудитории к возможностям своего досуга подтверждается и в разрезе социальных статусов. Школьники, студенты колледжей и ВУЗов оказываются недовольны своим досугом чаще других. Во-вторых, домохозяйки и женщины, ухаживающие за ребенком, оказались самой неудовлетворенной общностью среди «взрослых» респондентов. В-третьих, представители среднего и средневысокого класса чаще заявляют о своей удовлетворенности досугом. Это подтверждается высокой долей позитивных ответов у руководителей, предпринимателей и инженеров.

Теперь рассмотрим распределение ответов респондентов в зависимости от их уровня образования. Данные, представленные на рисунке 3 демонстрируют, что чем выше уровень образования, тем выше удовлетворенность возможностями собственного досуга. 61% респондентов с высшим образованием выбрали позитивные ответы, в то время как 50% опрошенных со средним и средне-профессиональным образованием выбрали аналогичные варианты ответа. Мы предполагаем, что на это влияет два фактора:

- 1) в городах имеется больше возможностей интересно проводить время, а высшее образование чаще имеется у респондентов, проживающих в городах;

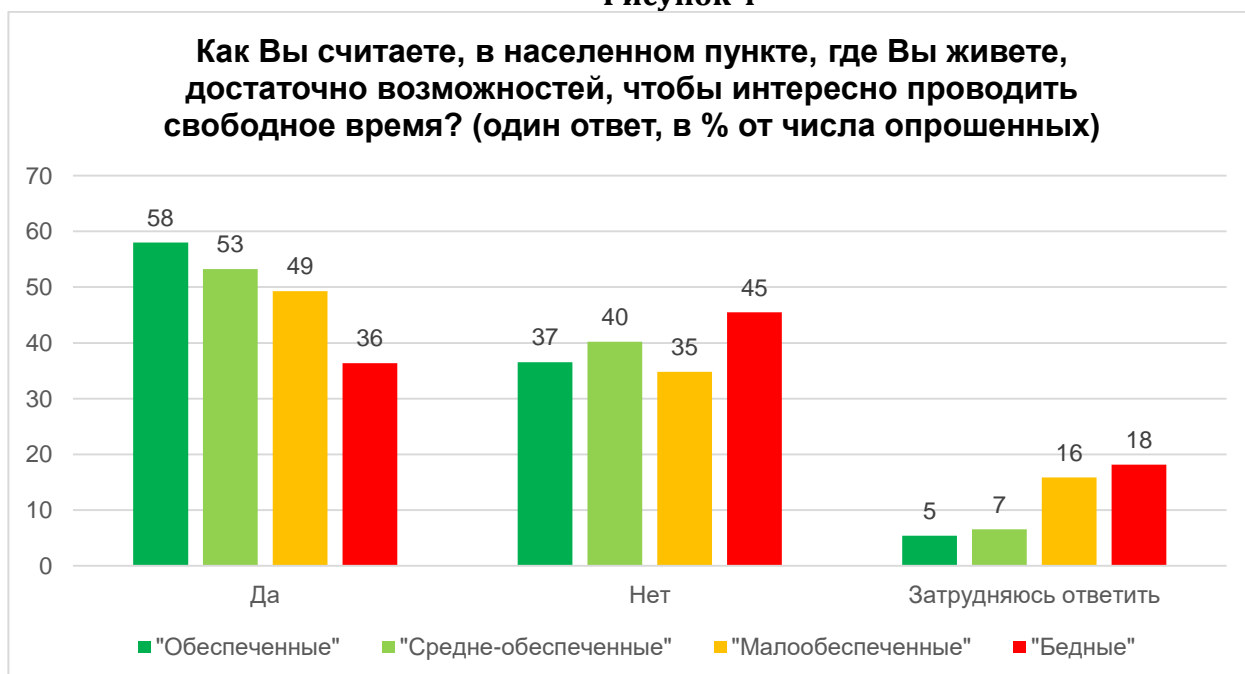
- 2) высшее образование «открывает» для индивида большее число возможностей досуга, оказывает влияние на поведение и восприятие индивида. Как правило, люди, обладающие высшим образованием, чаще высказываются о своей жизни позитивно.

Рисунок 3

Рассмотрим данный вопрос в разрезе уровня материального положения респондента. Опрошенным задавался вопрос, направленный на получение данных об их материальном положении, а варианты ответа были следующие: «Денег вполне достаточно, чтобы вообще ни в чем себе не отказывать» (богатые); «Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор и др.) не вызывает у нас трудностей, однако покупка квартиры, автомобиля нам сейчас не доступна» (средне-обеспеченные); «Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, на более крупные покупки приходится откладывать» (малообеспеченные) и «Денег не хватает на продукты питания, постоянно приходится занимать в долг» (бедные). Отметим, что никто не выбрал первый вариант ответа и не может быть отнесен к «богатой» части респондентов. Распределение ответов респондентов представлено на рисунке 4.

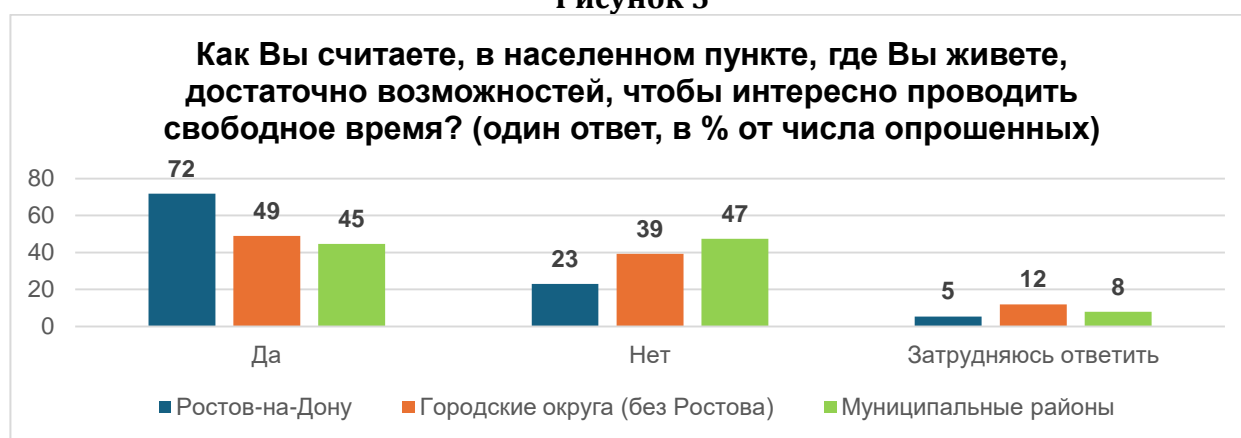
Рисунок 4

Как и ожидалось, наибольшая доля позитивных ответов наблюдается среди респондентов, причисливших себя к «обеспеченным» и «средне-обеспеченным» людям. Примечательно, что среди «малообеспеченных» и «бедных» наблюдается значительное число затруднившихся ответить (16% и 18% соответственно). Становится очевидно, что материальное положение респондента напрямую влияет на его восприятия возможностей собственного досуга. Мы предполагаем, что это связано, в первую очередь, с большими возможностями обеспеченных людей, а, во-вторых, с более высоким уровнем организации досуга, доступного обеспеченным людям. Можно сказать, что у малообеспеченных граждан не просто меньше финансовых возможностей интересно проводить свободное время, но и меньше понимания того, как это можно делать, о чем свидетельствует значительное число затруднившихся ответить.

На рисунке 5 можно увидеть распределение ответов респондентов по типу территории проживания.

Рисунок 5

Из вышеприведенных данных следует, что наименьшие проблемы с досугом наблюдаются в Ростове-на-Дону, а наибольшие – в муниципальных районах. Результаты эмпирического исследования подтверждают, что в сельских поселениях намного меньше возможностей провести время с пользой и интересом.

Далее рассмотрим вопрос, позволяющий понять, чего не хватает респондентам для интересного времяпровождения. Им был задан вопрос, допускающий выбор множества вариантов ответа, в котором жители области должны были оценить наиболее привлекательные для них объекты, совершенствующие их досуг. Распределение ответов приведено на рисунке 6. Примечательно, что в Ростове-на-Дону, городе с населением более 1 млн. чел., самым популярным вариантом ответа стал «ничего дополнительно не нужно, всё есть», выбранный в 35% случаев. Наиболее востребован среди жителей области новый парк (32%) и новый спортивный клуб/открытая спортивная площадка (27%). Из распределения ответов респондентов можно извлечь достаточно органичные и объяснимые выводы: в сельских поселениях проблем с «близостью к природе» нет, поэтому востребованность парков ниже, чем в городах, а спортивная инфраструктура, при этом, часто не развита, что объясняет более высокий приоритет спортивных площадок и клубов именно в сельских поселениях.

Заключение

Проведенный в рамках статьи анализ показывает, что восприятие удовлетворенности досугом дифференцировано по уровню материального благосостояния, образования, возрасту и типу поселения, в котором проживает респондент.

Мы выявили, что чем выше уровень материального благосостояния респондента, тем выше его удовлетворенность наличием возможностей интересно провести свободное время. И, напротив, чем респондент беднее, тем более негативно он

воспринимает свои досуговые возможности. Интерпретировать это можно в двух направлениях: малообеспеченные группы граждан имеют меньше возможностей (преимущественно материальных) проводить свободное время интересно; они не имеют достаточно времени, чтобы задумываться о досуговых практиках.

Рисунок 6

Около 16% респондентов, отнесших себя к малообеспеченным, затруднились ответить на вопросы о собственном досуге, что не наблюдалось среди более обеспеченных респондентов. К интересным результатам можно отнести суждения наименее обеспеченных слоев населения. «Бедные» чаще (33%), чем обеспеченные люди (28%), выбирали вариант «ничего дополнительно не нужно, всего достаточно» чаще. Можно сделать вывод о том, что уровень благосостояния респондента повышает чувствительность к возможностям собственного досуга.

Определено, что пол респондента практически не влияет на восприятие возможностей провести свободное время с интересом. В то же время возраст оказывает очень значимое влияние. Во-первых, установлено, что самые младшие возрастные группы (14-17 лет, 18-20 лет, 21-25 лет) чаще других заявляют о недостатке, дефиците возможностей интересно провести время. Это подтверждается и анализом распределений ответов респондентов по их социально-профессиональному положению. Школьники, студенты колледжей и ВУЗов являются наиболее чувствительными к недостатку способов интересного досуга. Самые старшие возрастные группы (51-60 и 60 и старше), в свою очередь, наиболее удовлетворены своим досугом (53% и 64% соответственно) и чаще остальных отвечают, что «ничего дополнительно не надо, всего хватает». Допустимо предположить, что это связано с трансформацией досуговых практик, принимающих принципиально иные формы в случае лиц предпенсионного и пенсионного возраста. Как правило, частота социальных взаимодействий, встреч,

вечеринок и других коллективных форм досуга утрачивают приоритет и уступают более «спокойному» и индивидуальному времяпровождению.

Мы также определили, что тип территории проживания респондента напрямую влияет на восприятие возможностей досуга. Городское население испытывает намного меньший дефицит возможностей интересно проводить свободное время, в то время как сельские жители чаще заявляют о дефиците, например, спортивной инфраструктуры.

Выделим несколько значимых социальных общностей, испытывающих наибольшие проблемы с поиском способов интересно провести свой досуг, и сформулируем дальнейшие исследовательские перспективы.

Пенсионеры не жалуются на свой досуг, удовлетворены им, но их досуговые практики требуют более детальной научной рефлексии. Мы предполагаем, что досуг пенсионеров, по большей части, неорганизованный и, соответственно, может значительно варьироваться в качестве.

Сельские жители чаще всего обращают внимание на недостаток спортивной инфраструктуры, ощущают намного больший дефицит возможностей провести свободное время, чем городские жители.

Школьники и студенты (колледжей/ВУЗов) чаще других испытывают проблемы с поиском интересного времяпровождения. Мы предполагаем, что дефицит досуговых возможностей в их случае может привести к значительным социальным проблемам, связанным с выбором неорганизованного досуга, уходом из-под надзора родителей, зависимости от различных субстанций и другим негативным последствиям. Скучающие школьники/студенты – самая значимая «группа риска», так как их привычки и досуговое поведение может сформировать паттерны потребления и времяпровождения во взрослой жизни.

Малообеспеченные и бедные слои населения демонстрируют отличное от других понимание досуга. Эта группа объективно имеет меньше возможностей и ресурсов (преимущественно материальных) для интересного времяпровождения, но её участники часто затрудняются ответить на вопрос о собственном досуге и достаточно часто заявляют о том, что им «всего хватает». Мы интерпретируем это как способ «отмахнуться» от неважного вопроса, который не входит в их актуальную повестку дня. Подтверждение данного предположения потребует от нас в будущем дополнительных исследовательских процедур, направленных на выявление досуговых практик малообеспеченных слоёв населения.

Итак, досуг – важная часть современного человека, позволяющая ему отдохнуть от работы, учебы и других проблем, а качество этого досуга может напрямую повлиять не только на продуктивность труда индивида, но и на его социальные взаимодействия. Дефицит организованного досуга может привести к вытеснению досуговых практик в «серое», находящееся вне установленных институциональных рамок. Во избежание вышеописанной проблемы необходимо актуализировать проблему научного осмысления досуговых практик среди молодежи, лиц пожилого возраста, жителей сельских поселений и других общностей, испытывающих проблемы с качественным и организованным досугом. В данном исследовании мы смогли очертить общие контуры проблемных полей, связанных с досугом и свободным времяпровождением, продемонстрировали каким образом социально-демографические и стратификационные факторы оказывают влияние на восприятие жителями Ростовской области возможностей своего досуга и планируем продолжить свои изыскания в дальнейшем, сосредоточившись на описанных выше группах и общностях, испытывающих недостаток возможностей интересно провести свободное время.

Литература

Белозерова, И.А. Мониторинг культурно - досуговой деятельности студенческой молодежи / И.А. Белозерова, Е.В. Крикун // Азимут научных исследований: педагогика и

психология. – 2020. – Т. 9. – №3(32). – С. 30-34. – <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0903-0004>. – EDN ZWVSYE.

Беспалова, А. А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования / А. А. Беспалова. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2016. – 130 с. – ISBN 978-5-9908991-6-2. – EDN UVICJE.

Жиляева, А.А. Досуг как неотъемлемая часть жизни современной молодежи / А.А. Жиляева // Молодой ученый, 2021. – № 5. – С. 109-110.

Ионова, О.В. Ценности досуговой сферы студенческой молодежи / О.В. Ионова // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки, 2016. – №2 (38).

Тартыгашева, Г.В. О досуге российских работников / Г.В. Тартыгашева // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение», 2022. – №3.

Цветкова, И.В. Типология студенческой молодежи по видам досуга / И. В. Цветкова // Карельский научный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 3(20). – С. 160-164. – EDN ZQKNAP.

References

Belozerova I.A., Krikun E.V. Monitoring of cultural and leisure activities of student youth. Azimut of scientific research: pedagogy and psychology. 2020; 9, 3: 32, 30-34. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0903-0004>. (In Russ.)

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city: creative design practices. Rostov-na-Donu: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Fond nauki i obrazovaniya" = Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Foundation for Science and Education"; 2016, 130 p. (In Russ.)

Ionova O.V. Values of the leisure sphere of student youth. Izvestiya VUZov. Povolzhsky region. Social Sciences, 2016; 2 (38). (In Russ.)

Tartygashева G.V. On the leisure of Russian workers. Bulletin of Russian State University of Humanities. Series "Philosophy. Sociology. Art History", 2022; 3. (In Russ.)

Tsvetkova I.V. Typology of student youth by types of leisure. Karelian Scientific Journal. 2017; 6, 3:20, 160-164. (In Russ.)

Zhilyaeva A.A. Leisure as an integral part of the life of modern youth. Young Scientist. 2021; 5: 109-110. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 9.10.2024

Дата окончания рецензирования: 13.11.2024

Дата принятия к публикации: 15.11.2024

Информация об авторе

Исакова Юлия Игоревна – доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический», заведующий кафедрой «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» ФГБОУ ВО «Донской государственной технической университет» (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Россия, email: isakova.pravo@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Isakova Yulia Igorevna – Doctor of Sciences in Sociology, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Don State Technical University (DSTU), Rostov-on-Don, Russia, email: isakova.pravo@bk.ru

The author has no conflict of interest to declare

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.10>

EDN: TTSEYY

Российская семья в эпоху перемен: автономная, неуправляемая, непредсказуемая

Анна В. Верещагина¹

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: anrietta25@mail.ru

Аннотация

В разделе «Введение: находится ли институт семьи под реальной угрозой?» анализируются текущие реалии функционирования российской семьи, неоднозначно интерпретируемые современными специалистами в области фамилистики, зачастую, в формате катастрофических последствий (гибель семьи как социального института). Анализ данных статистического и эмпирического характера по «болевым» точкам развития российской семьи позволил сформулировать проблему, связанную с поиском альтернативного ответа на вопрос о сути протекающих в пространстве современной семьи процессов и изменений, помимо уже имеющих в социологической литературе.

В содержательных разделах в виде вопросов о смысловой перезагрузке семьи, ее парадигмальном переходе к модели семьи платформы с описанием ее существенных характеристик и проблем управления ею традиционно принятыми в российском государстве способами, даются ответы, выводящие на итоговый вывод о том, что наблюдается начало заката семейной цивилизации в том ее виде, в котором привыкли традиционно воспринимать. Однако это не означает гибель семьи. Она меняется в логике глобальных перемен, и эти изменения нуждаются в своевременном научном осмыслении с тем, чтобы повысить эффективность семейной политики и иметь возможность изменить просматриваемые в будущем российской семьи негативные сценарии развития.

Ключевые слова: семья; институт семьи; развод; неполная семья; брак; семейные отношения; семья платформы; демографические процессы.

Для цитирования: Верещагина А. В. (2024). Российская семья в эпоху перемен: автономная, неуправляемая, непредсказуемая. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), С. 108-116. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.10>.

Russian family in times of change: autonomous, uncontrollable, unpredictable

Anna V. Vereshchagina¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: anrietta25@mail.ru

Abstract

In the part "Introduction: is the family institution under real threat?" the modern functioning of Russian family is analysed. It is ambiguously interpreted by modern experts in the field of family studies, as a catastrophe (the death of the family as a social institution). The analysis of statistical and empirical data on the "pain points" of the development of Russian family allows us to formulate a problem related to the search for an alternative answer to the question of the essence of the processes and changes taking place in the modern family, in addition to those already available in the sociological literature.

The answers are given **in the substantive sections**. They are presented in the form of propositions about the semantic reboot of the family, its paradigmatic transition to the family-platform model, with a description of its essential characteristics and management problems in

the ways traditionally accepted in the Russian state. The conclusion is that the beginning of the decline of family civilization in traditional form is observed. However, it does not mean the death of family. It is about changes occurring in the logic of global changes. These changes need scientific research in order to improve family policy and be able to change the negative development scenarios in the future of Russian family.

Keywords: family; family institution; divorce; single-parent family; marriage; family relations; family platforms; demographic processes.

For citation: Vereshchagina A. V. (2024). Russian family in times of change: autonomous, uncontrollable, unpredictable. *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), P. 108-116. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.10>.

Введение: находится ли институт семьи под реальной угрозой?

Современные дискуссии вокруг настоящего и будущего российской семьи все чаще и чаще принимают характер катастрофических прогнозов (Катастрофа института семьи..., 2024). Специалисты в области социологии семьи пророчат гибель этому ключевому социальному институту, ответственному за воспроизводство общества посредством реализации функций по рождению и воспитанию детей. Продолжение рода, воспитание детей, любовь и другие составляющие института семьи, как полагают исследователи, в недалеком будущем окажутся на свалке истории. Так ли это? Стоит ли так категорично говорить о кризисах и катастрофах, угрожающих семье? Возможно, это не тот язык, которым следует описывать происходящее с семьей изменения с учетом того, что семья по-прежнему остается важнейшей ценностью в системе ценностей российского общества? Очевидно, что речь идет о трансформации института семьи, о чем говорят многочисленные факторы, и приведем важнейшие из них, обычно используемые для анализа демографического состояния российского общества, столь же критически оцениваемого (Росстат оценил динамику ..., 2023), как и состояние института семьи.

Первый из них связан с высокой динамикой разводов (особенно среди молодых семей (Верещагина, Жиденко)) при снижении численности заключенных браков. В рейтинге стран с высоким уровнем разводов Россия занимает высокую позицию при том, что россияне, по-прежнему, согласно данным ВЦИОМ (осень 2024 года), больше привлекает создание семьи, нежели одиночество (Разводы в России..., 2024). Среди причин разводов, согласно данным того же опроса ВЦИОМ, доминируют финансовые трудности и жилищные проблемы, а также деструктивное поведение партнера.

Рост разводов увеличивает и другой показатель, сказывающийся на семейно-демографической ситуации в обществе, - численность неполных семей. Согласно данным последней Всероссийской переписи населения (2020 года), 31,2% семей в России составляют семьи, в которых несовершеннолетние дети воспитываются одним из родителей, т.е. те самые неполные семьи (Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 года...). Каждый третий ребенок в России живет в неполной семье, и у этой неполной семьи «женское лицо» (Эксперты при Минтруда описали «портрет»...).

Высокий уровень разводов способствует заключению повторных браков. Россияне не только активно разводятся, но и вступают в повторные браки. После расставания почти половина жителей России вступают в новые семейные отношения. В брак на всю оставшуюся жизнь уже мало кто верит, но в возможность создания счастливых супружеских/семейных отношений после распада предыдущих, очевидно, вера сохраняется. Однако в последнее время наблюдается снижение официально зарегистрированных повторных браков, что не исключает самого факта создания новых семейных союзов – люди все чаще предпочитают вступать в гражданский брак (так называемое сожительство). Наиболее распространены такого рода браки среди молодежи. Не все сейчас рискуют вступать в брак сразу же под влиянием романтических отношений, а предпочитают проверить свои чувства, отношения. Те же, кто уже прошел через разочарование в семейной жизни и процедуру бракоразводного процесса, не всегда стремятся снова связать себя узами официально (зарегистрированного) брака. И

потому понятен вывод демографов, которые установили в свете последних статистических данных о динамике брачности в России, что россияне все реже женятся повторно (Повторные браки теряют популярность...), а рост популярности гражданских брачных союзов на фоне обозначенной ситуации позволил некоторым исследователям предположить, что со временем возможно введение института пробного брака, как часто называют гражданский брак (сожитительство), как официальной формы брака (Григ А. Красная книга...).

Непрочность брачных уз, изначальная установка на возможность их разрыва с последующими проблемами, стрессами, финансовыми затратами, связанными с процедурой развода, в том числе и разделом имущества супругов, по всей видимости, стали причинами роста в России брачных союзов, оформленных по типу брачного договора. Несмотря на то, что эту семейно-брачную практику еще сложно назвать массовой, ее распространение связано не только с изменением отношения к владению и распоряжению семейным имуществом в российском обществе, но и с сохранением высокого уровня социального недоверия, в том числе и на межличностном уровне. Так, в ходе опроса ВЦИОМ (январь 2024 года) было установлено: только каждый четвертый россиянин считает, что можно доверять большинству людей, а большинство (71%) полагает, что во взаимоотношениях с другими людьми стоит соблюдать осторожность (В поисках доверия. ВЦИОМ, 2024). Рекордное количество брачных договоров в России было зафиксировано в период пандемии коронавируса, в 2020 году, что, по мнению экспертов, связано со стремлением защитить имущество от неудач в бизнесе, от кредиторов (Под влиянием Голливуда...). Мы же полагаем, что причина кроется также в другом – пандемия заставила многих осознать подлинный характер сложившихся семейных/супружеских отношений в результате вынужденной изоляции от общества в границах семейных пространств, обнажить семейные «язвы и раны», латентно существовавшие в допандемийный период, что вызвало волну разводов в России и во всем мире (Как пандемия повлияла на разводы..., 2021). В этой связи, как нам представляется, вполне логично предположить, что в массовом сознании произошли некоторые изменения, связанные с более осторожным подходом к заключению семейных союзов.

Следующим фактором выступает возраст вступления в брак. Он поступательно растет из года в год и уже составляет в пределах 27–29 лет. Многие из россиян в условиях современной реальности предпочитают заводить семью после 35 лет (Когда пора по парам?...), и в сравнении с 90-ми годами прошлого века этот возраст значительно увеличился. С этим фактором связан также фактор повышения среднего возраста матери при рождении первого ребенка (Когда пора по парам?...). Он поступательно растет в российском обществе, и на сегодняшний день составляет порядка 26 лет. Связано это как с женской эмансипацией, так и откладыванием свадьбы, т.е. официального заключения брака, а в российской семье по-прежнему предпочитают следовать традиции, когда дети рождаются в браке. Этому способствует и современная семейная политика государства, помощи молодым семьям и т.д.

Безусловно, указанные факторы не могут не сказываться на динамике рождаемости в российском обществе, которая, имея пониженный характер на протяжении нескольких десятилетий на фоне превышающей ее показатели смертности, выступает основным аргументом при прогнозировании неблагоприятного сценария дальнейшего демографического развития страны. Также в качестве такового приводится такое явление, как чайлдфри (добровольная бездетность). Этот стиль репродуктивного поведения семьи получает распространение в российском обществе, символизируя не только реакцию на внешние обстоятельства (экономическая нестабильность, небезопасность, высокая степень социальной неопределенности и т.д.), но и глубинные изменения в массовом сознании молодежи, в ее ценностных ориентациях, в частности, в отношении ценности семьи и детности. Все опросы российской молодежи на протяжении последних десятилетий фиксируют репродуктивные установки на малодетную, а зачастую и бездетную семью. Молодежь не планирует в раннем возрасте становиться родителями, ориентируясь на иные ценности,

планы, жизненные стратегии, связанные с образованием, профессионализацией, карьерой, обретением устойчивого экономического статуса и т.д. Хорошо известно, что отложенные во времени рождения, пролонгация рождения первого ребенка негативно сказываются на динамике рождаемости, но это уже реальность современной жизни. Молодежь не готова к реализации своих репродуктивных установок в условиях отсутствия собственного жилья, уверенности в завтрашнем дне, в стабильном доходе. Молодежи нужны гарантии, уверенность в том, что с появлением в семье ребенка они, молодые родители, смогут поднять этого ребенка самостоятельно. Такие гарантии формируются у многих только к 30-ти годам, в лучшем случае, а потому и возраст рождения первого ребенка в России (собственно, как и во многих странах современного мира) активно приближается к 30-ти годам. При этом опросы общественного мнения показывают - большинство россиян уверены в том, что первого ребенка надо родить до 30 лет (93% опрошенных россиян..., 2024).

Учитывая приведенные выше показатели, современный период в жизни современной российской семьи можно назвать серийной моногамией. Это означает, что городская российская семья существует, в среднем, 5–7 лет в одном и том же составе. Затем, в результате различных событий в семейной жизни (развод, повторный брак), происходят трансформации, связанные с изменениями в составе партнеров. На протяжении жизни у человека может быть несколько брачных партнеров в разное время, и это уже стало некоей нормой, но для специалистов устойчивое воспроизводство таких явлений, как рост разводов, снижении брачности, повторные браки, распространение гражданских браков, а также феномена чайлдфри и различных форм семейно-брачных отношений, в том числе нетрадиционных, выступает основанием для вывода о том, что институт семьи скоро занесут в Красную книгу. Этот вывод нам представляется преждевременным, но разобраться в том, что происходит, необходимо.

Современная семья: смысловая перезагрузка?

Совершенно очевидно, что семья в современном мире переживает период парадигмального перехода, смысловой перезагрузки. Не подвергая сомнению тезис о том, что семья – ячейка общества, его базовый социальный институт, следует, тем не менее, задать вопрос – остается ли она фундаментом общества, без которого немислима жизнь человека? Безусловно, опираясь на все опросы о базовых ценностях, о мечтах россиян, мы, в итоге, придем к утвердительному ответу – да, остается. Однако на практике ситуация выглядит иначе.

Что делало семью фундаментом общества? Обратимся к традиционно сформировавшейся и активно используемой до сих пор социологами формуле «общество-семья-индивид», в которой семья выступает неким посредником между социумом и индивидом, обеспечивая потребности не только личности, но и государства, общества (в контексте реализации своих функций, прежде всего, по рождению и воспитанию детей). Согласно этой формуле ни общество, ни индивид не способны существовать без семьи в ее традиционном понимании. И для традиционного общества это было, действительно, так. Без семьи человек превращался в изгоя, не внушал доверие, ему приходилось нелегко в жизненной самореализации, так как семья выступала, во многом, экономической ячейкой общества и тем социальным капиталом, который и до сих пор продолжает много значить для человека. Но и без помощи семьи, семейных связей современный человек способен многого добиться, а статус одинокого человека, в том числе и добровольно (осознанно) выбравшего себе одиночество как стратегию жизни, никого уже не пугает и не удивляет. Более того, одному порой легче добиться жизненного успеха, нежели тому, у кого есть семья, дети. Т.е. индивид уже в состоянии прожить без семьи без особого труда, а сама семья, в свою очередь, уже не ориентирована на реализацию запросов общества, тех функций, которые так необходимы государству для социально-воспроизводственного процесса. Иными словами, семья автономизируется, становится самостоятельной единицей, самостоятельным микромиром, ориентированным на удовлетворение собственных

потребностей, интересов, которые зачастую не совпадают с государственными (примером служат добровольно бездетные семьи), т.е. формула «общество-семья-индивид» уже вызывает сомнения в своей аксиоматичности.

Автономизация семьи – закономерный процесс, соответствующий формату современного атомизированного мира. В ряде футуристических прогнозов семья выглядит обреченным институтом, который необходим для выживания посредством кооперации усилий, ресурсов. В атомизированном обществе, основанном на стремлении к личному комфорту, необходимость в семье отмирает, и она даже мешает комфорту частного существования, что и стало источником распространения одиночества как сознательно выбранной траектории жизни.

Но на эти суждения также можно возразить. Разве при высокой динамике изменений и рисков современной жизни человеку не нужна более-менее стабильная среда, которая позволит чувствовать себя увереннее, спокойнее по типу «мой дом – моя крепость»?

Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией крайних по своей сути тенденций, характеризующих состояние и функционально-смысловое наполнение семьи в современном мире и в российском в том числе. С одной стороны, семья, действительно, перестает быть формой организации жизнедеятельности человека, необходимой для выживания, а ее сущностное предназначение, складывавшееся веками, выхолащивается, расщепляется на множество смыслов, рожденных на стыке культурного слома, ознаменовавшего переход к обществу сначала индустриального, а затем и информационного типа. С другой же, в этом безумно динамичном и небезопасном мире некая стабильная основа крайне необходима для обеспечения социально-психологической устойчивости, и ситуация пандемии это продемонстрировала (Верещагина, 2021). В условиях, когда на глазах у всего мира рушится привычный мир и не знаешь, чего ожидать от завтрашнего дня, сколько придется находиться в режиме социальной изоляции и чем все это закончится, вдруг осознаешь важность прочных семейных уз, с которыми ассоциируется отсутствие страха одиночества и стабильность, как минимум в таких важных проявлениях человечности и человеческого, как поддержка, взаимопонимание, теплые отношения, любовь, доверие, дружба.

На пересечении крайне противоречивых тенденций происходит оформление и постепенное закрепление модели семьи, адекватной современному цифровому миру, – модели семьи платформы. Ее временные рамки, границы (состав семьи), характер взаимодействий не имеют четких очертаний. Важно другое – такая платформа необходима для того, чтобы «здесь и сейчас» индивид мог создать нужную ему систему взаимодействий для жизненной самореализации, для решения текущих задач (Фирсов А. Трансформация брака...). Если ситуация изменится, то может измениться и решение в отношении семьи, семейной жизни, ее формы, значимости и необходимости для индивида. Современный мир утратил свойство и умение, а также, что важно, желание сохранять долговременные связи, отношения, а семья уже зачастую не является доминантной в жизни человека, а вплетена в паутину социальных взаимодействий, жизненных конструкторов и платформ на правах одной из многих. Таких платформ может быть много, как и форм, в которых она создается. Кому-то удобна форма гостевого брака, кому-то – чайлдфри, кому-то – гражданского брака. И человек сам выбирает себе модель в зависимости от своих предпочтений, интересов, жизненных целей и планов, конкретной ситуации. Можно было бы сказать, что семья перестала быть целью, что она становится средством, что, по Канту неэтично, безнравственно, однако, утверждать что-либо еще рано, так как множество семейных миров в границах даже одного российского общества, производных от региональных и этнокультурных факторов, еще сохраняют традиционное отношение к семье как к терминальной ценности, как к цели, а не средству. В этой связи, вероятно, следует сделать осторожный вывод. Для нас очевидно, что мы наблюдаем парадигмальный сдвиг в сущностном значении семьи, в траектории ее социокультурной динамики, но этот сдвиг, знаменующий переход к модели «семья-платформа» как определяющей семейные процессы в социуме, не фиксируется на уровне тотальных проявлений. Тем не менее, те, что уже имеют место быть, довольно

заметны для того, чтобы осознавать важность их научной и социологической, в частности, рефлексии.

Таким образом, семья и брак встраиваются в модель современного цифрового мира, в котором сильные, устойчивые и долговременные связи постепенно утрачивают свою значимость и становятся довольно редким явлением. Укорененность, привязанность к чему-либо, к кому-либо на всю жизнь нетипична для высоко мобильного мира. Семья перестает быть доминантой в жизни человека и вплетается в многообразный и разнообразный, динамично меняющийся и непостоянный мир сетевых взаимодействий, в пространстве которых семья существует в виде одной из платформ, а не фундамента – ни для человека, ни для общества.

Как управлять институтом семьи и семейными процессами в обществе?

При таком вариативном, противоречивом, еще не полностью научно осмысленном характере развития семьи, которая становится независимой, автономной, не ориентированной на обеспечение социально значимых задач и функций, возникает важный вопрос: как управлять институтом семьи?

На этот вопрос пока однозначного ответа нет. Российское государство использует монетарный способ воздействия на семейно-брачные процессы в обществе в стремлении решить демографические проблемы. Хорошо всем известен проект под названием «Материнский капитал», но хочется привести другой пример, связанный с государственной поддержкой неполных семей. Она стала оказываться с мая 2022 года. До этого в России специальные виды социальной поддержки неполных семей с детьми отсутствовали. Теперь им оказывается помощь при наличии детей от 8 до 17 лет в виде ежемесячной выплаты в размере 50–100% от величины прожиточного минимума на детей в субъекте РФ. В Дагестане, Чечне и других кавказских республиках после принятия закона об этом виде социальной поддержки семей стала наблюдаться высочайшая динамика разводов, а также внебрачной рождаемости, что нетипично для мусульманских народов, однако, ситуация объясняется просто – религиозный брак гораздо важнее для народов кавказских народов, нежели светский (Росстат назвал регионы..., 2023). Иными словами, ради возможности получить пособие на детей (а их, как правило, несколько в мусульманской семье), такие семьи идут на формальный развод, сохраняя при этом семью в контексте мусульманского брака.

Возникает ряд вопросов. Во-первых, аналогичная ситуация может возникнуть и в других регионах России, и у других этнических групп. К примеру, среди русского населения распространён гражданский брак (сожительство). В обществе уже не осуждают строго тех, кто принимает решение не регистрировать супружеские отношения – за каждым признается право выбора стратегии семейно-брачных отношений. Описанный выше поведенческий механизм решения материальных проблем может использоваться и в этом формате семейно-брачных ориентиров – официально развестись, сохранив семейные отношения в форме сожительства.

Логично рождается следующий вопрос. К чему может привести сложившаяся ситуация, связанная с изменением семейно-брачного поведения супругов под влиянием монетарной политики государства, когда благие намерения с его стороны вызывают к жизни социально-демографические явления и показатели, отнюдь неблагоприятного свойства? Во-первых, это ведет к девальвации ценности брака как формы организации семейно-брачных отношений. Во-вторых, – к серьезным проблемам в области социологической диагностики и прогнозирования семейно-брачных процессов в обществе, когда, отталкиваясь от реальных данных в виде показателей брачности, разводимости, исследователи получают картину семейной жизни в стране, не отражающую реальность. Иными словами, семья как реальный объект научного осмысления и изучения ускользает, принимает облик ускользающей реальности, а, следовательно, управлять этим объектом будет все сложнее и сложнее. Излишняя идеализация «традиционной российской семьи» с акцентом на ее постоянном разрушении, как отмечает Т.А. Гурко, только создает барьеры для изучения реальных

проблем (Гурко, 2017, 99), не позволяет выйти за пределы устоявшихся, уже принявших, во многом, мифический облик, взглядов и исследовательских установок на семью. Много говорится о том, какой должна быть семья и какой хотелось бы ее видеть, а подлинный научный анализ как основа эффективных управленческих решений предполагает обращение к реалиям.

Заключение: мир не будет прежним после пандемии, а семья?

Исходя из всего, сказанного выше, можно порассуждать о перспективах развития семьи в современный период с акцентом на постпандемических реалиях. Почему именно на них? Дело в том, что пандемия коронавируса более остро поставила перед всем миром вопрос безопасности, а вместе с ним и семьи как формы организации жизни людей в ее сущностном значении и функциональном предназначении. Как выжить в этом глобальном и совершенно небезопасном мире? Как безопаснее организовать жизнь - в одиночку или в семье? А если в семье, то в какой...?

Наши суждения сводятся к следующим тезисам.

Тезис первый. Мир не будет прежним после пандемии. И семья тоже, так как она попадает в логику этого нового постпандемического мира. Этот новый мир характеризует много различных аспектов, признаков, но основной из них – это осевшая в массовом сознании мысль, что в один миг может все измениться, все разрушиться, можно даже умереть от очередной эпидемии или военных действий, очаги которых стремительно распространяются по всему миру. В этой связи в массовом сознании формируются следующие установки:

1) надо жить «здесь и сейчас», получать удовольствие, жить счастливо;

2) надо жить так, чтобы к любой ситуации подобного (пандемического, военного) рода быть готовым и с меньшим ущербом ее перенести.

Тезис второй. В такой парадигме жизни по типу «здесь и сейчас» поменяется и смысл семьи, которая утвердится в границах модели семьи платформы, став одной из многих платформ, существующих в современном мобильном цифровом мире. Если такая платформа и будет создаваться людьми, то для реализации выше указанных установок (см. тезис первый), а для этого семья должна стать пространством личного комфорта и безопасного существования.

Тезис третий. Жизненный срок семей будущего будет недолгим, но в них как в открытых системах будет больше честности, доверия, комфорта.

В этих семьях не будет много детей, поскольку дети – это проекция будущего, не вписывающаяся в стратегию жизни по типу «здесь и сейчас».

Семья будет существовать ровно столько, сколько она сможет выполнять свою основную функцию – комфортного и безопасного пространства жизнедеятельности для членов семьи.

Тезис четвертый. Вероятно, мы наблюдаем начало заката семейной цивилизации в том ее традиционном виде, в котором привыкли воспринимать, но это не означает гибель семьи. Она меняется в логике глобальных перемен, и эти изменения нуждаются в своевременном научном осмыслении.

Литература

Верещагина, А. В. Роль семейной медиации в урегулировании семейных конфликтов и снижении динамики разводов в российском обществе (по материалам глубинных интервью) / А. В. Верещагина, А. А. Жиденко // Caucasian Science Bridge. – 2023. – Т. 6, № 4(22). – С. 126-138. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.12>. – EDN ВКАСІU.

Верещагина, А. В. Российская семья в условиях постпандемической реальности: смысловая перезагрузка? / А. В. Верещагина // Российское общество в условиях постпандемической реальности: ценностная трансформация и стратегии адаптации: Материалы Всероссийской научной конференции, Дивноморское, 18–19 мая 2021 года / Отв. редактор А.В. Верещагина. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2021. – С. 28-33. – EDN TKUZAC.

Гурко, Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия / Т. А. Гурко // Социологические исследования. – 2017. – № 11(403). – С. 99-110. – <https://doi.org/10.7868/S0132162517110113>. – EDN ZRQQPZ.

93% опрошенных россиян уверены, что родить первого ребенка нужно до 30 лет. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27568.5/4892596/>

В поисках доверия. ВЦИОМ. 11 января 2024 г. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-doverija>

Григ А. Красная книга. Институт семьи исчезнет из-за технологий. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/362757-krasnaya-kniga-institut-semya-ischeznet-iz-za-tehnologii>

Как пандемия повлияла на разводы. Режим доступа: <https://covid19.fom.ru/post/kak-pandemiya-povliyala-na-razvody>

Катастрофа института семьи. Российское общество движется к безбрачности и бессемейности. Режим доступа: <https://www.nakanune.ru/articles/121739/>

Когда пора по парам? Современная семья в графиках и цифрах. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8901099>

Повторные браки теряют популярность. Режим доступа: <https://www.hse.ru/demo/news/209068615.html>

Под влиянием Голливуда: россияне побили рекорд по брачным контрактам. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2021/03/22/13522376.shtml>

Разводы в России: мониторинг. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring>

Росстат назвал регионы с наибольшей долей разводов. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/06/27/982427-rosstat-nazval-regioni-s-naibolshei-dolei-razvodov>

Росстат оценил динамику численности населения России к 2030 году. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/11/10/2023/6523d6669a7947fbf1552967>

Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 года. Том 8. Число и состав домохозяйств. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpr_popul

Фирсов А. Трансформация брака. Как будут меняться формы совместной жизни. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/357085-transformaciya-braka-kak-budut-menyatsya-formy-sovmestnoy-zhizni>

Эксперты при Минтруда описали «портрет» неполной семьи в России. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2024/661677bc9a794770abfbb1f5>

References

Vereshchagina A.V., Zhidenko A. A. The role of family mediation in resolving family conflicts and reducing the dynamics of divorce in Russian society (based on in-depth interviews). *Caucasian Science Bridge = Caucasian Science Bridge*. 2023; 6; 4(22): 126–138. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.12>. (In Russ.)

Vereshchagina A.V. The Russian family in a post-pandemic reality: a semantic reboot? *Rossiyskoye obshchestvo v usloviyakh postpandemicheskoy real'nosti: tsennostnaya transformatsiya i strategii adaptatsii: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, Divnomorskoye, 18–19 maya 2021 goda = Russian society in a post-pandemic reality: value transformation and adaptation strategies: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Divnomorskoe, May 18-19, 2021 / Editor-in-chief A.V. Vereshchagina*. Rostov-on-Don: Limited Liability Company Foundation for Science and Education; 2021: 28-33. (In Russ.)

Gurko T. A. New family forms: trends in distribution and concepts. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2017; 11(403): 99-110. <https://doi.org/10.7868/S0132162517110113>. (In Russ.)

93% of Russians surveyed are sure that it is necessary to give birth to the first child before the age of 30. Available at: <https://www.kp.ru/daily/27568.5/4892596/> (In Russ.)

In search of trust. VTSIOM. January 11, 2024. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-doverija>

reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-doverija (In Russ.)

Grig A. The Red Book. The institution of the family will disappear due to technology. Available at: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/362757-krasnaya-kniga-institut-semya-ischeznet-iz-za-tehnologiy> (In Russ.)

How the pandemic affected divorces. Available at: <https://covid19.fom.ru/post/kak-pandemiya-povliyala-na-razvody> (In Russ.)

The catastrophe of the family institute. Russian society is moving towards celibacy and family absence. Available at: <https://www.nakanune.ru/articles/121739/> (In Russ.)

When is it time for couples? Modern family in graphs and figures. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/8901099> (In Russ.)

Remarriages are losing popularity. Available at: <https://www.hse.ru/demo/news/209068615.html> (In Russ.)

Influenced by Hollywood: Russians have broken the record for marriage contracts. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2021/03/22/13522376.shtml> (In Russ.)

Divorces in Russia: monitoring. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring> (In Russ.)

Rosstat named the regions with the highest proportion of divorces. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/06/27/982427-rosstat-nazval-regioni-s-naibolshei-dolei-razvodov> (In Russ.)

Rosstat estimated the dynamics of the Russian population by 2030. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/11/10/2023/6523d6669a7947fbf1552967> (In Russ.)

Rosstat. The 2020 All-Russian Population Census. Volume 8. Number and composition of households. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (In Russ.)

Firsov A. Transformation of marriage. How the forms of living together will change. Available at: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/357085-transformaciya-braka-kak-budut-menyatsya-formy-sovmestnoy-zhizni> (In Russ.)

Experts at the Ministry of Labor described the "portrait" of a single-parent family in Russia. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2024/661677bc9a794770abfbb1f5> (In Russ.)

Дата получения рукописи: 5.11.2024

Дата окончания рецензирования: 29.11.2024

Дата принятия к публикации: 30.11.2024

Информация об авторе

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: anrietta25@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: anrietta25@mail.ru

The author has no conflict of interest to declare

Рецензия**УДК 316.74**<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.11>.

EDN BXJTQA

Рецензия на учебник для вузов «Социология образования»

Социология образования: учебник для вузов. А. М. Осипов [и др.], под редакцией А. М. Осипова. 3-е издание, переработанное и дополненное. М.: Издательство «Юрайт», 2024.

Елена Е. Сухова¹

¹ Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия
e-mail: elena-suchova@mail.ru

Аннотация. В 2024 году на Образовательной платформе «Юрайт» вышло переработанное и дополненное учебное издание «Социология образования», рекомендованное учебно-методическим отделом высшего образования в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям. Актуальность выхода нового издания обусловлена тем, что сегодня остро стоит вопрос о подготовке кадров, способных к реализации новых подходов образовательной политики – руководителей и специалистов органов управления образованием и подведомственных учреждений, педагогов, в связи с переходом от менеджмента, ориентированного на краткосрочные проекты и адаптацию моделей бизнес-управления, к целостному управлению образованием, основанному на научном понимании его институциональных функций, социального строения и взаимосвязи с социально-экономическими и общественно-политическими процессами. На сегодняшний день это единственное полноформатное издание в своей отрасли науки за счет того, что его новая версия обогащена тремя главами – об общественной эффективности образования (гл. 6), образовательной политике (гл. 7) и российской социологии образования (гл. 13). Эти темы прежде были «белыми пятнами» и источником вненаучных толкований правовых норм и критериев управления, а сегодня они особенно важны ввиду отказа от деформаций и навязывания отечественному образованию западных образцов, ориентации на возвращение его в число лучших в мире и служащих подлинным интересам России. В рецензируемом издании учебника уточнены названия некоторых глав и параграфов, улучшен стиль языка. Формулировки стали более лаконичными и выверенными. Проработаны учебно-методические сюжеты: глоссарий, вопросы и контрольные задания по каждой теме учебника на образовательной платформе «Юрайт» и в одноименном мобильном приложении, что усиливает возможности организации самостоятельной работы обучающихся. Заложенный в учебнике проблемный подход отвечает требованиям подготовки кадров сферы образования, обладающих социологической культурой.

Ключевые слова: социология образования; учебник для вузов; образовательная политика; общественная эффективность; российская социология образования.

Для цитирования: Сухова Е. Е. (2024). Рецензия на учебник для вузов «Социология образования». *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), С. 117-123. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.11>.

Review on the textbook for universities "Sociology of Education"

Sociology of education: a textbook for universities. by A.M. Osipov et al., edited by A.M. Osipov. 3rd edition, revised and expanded. Moscow: Yurayt Publishing House, 2024.

Elena E. Sukhova¹

¹ Smolensk State University, Smolensk, Russia
e-mail: elena-suchova@mail.ru

Abstract. In 2024, the Educational platform 'Yurait' published a revised and supplemented

textbook 'Sociology of Education', recommended by the Educational and Methodological Department of Higher Education as a textbook for students of higher education institutions studying in humanitarian profile. The relevance of the new edition is due to the fact that today there is an urgent issue of training personnel capable of implementing new approaches to educational policy – managers and specialists of educational authorities and subordinate institutions, teachers. It is due to the transition from management, focused on short-term projects and adaptation of business management models, to the holistic management of education, based on a scientific understanding of its institutional functions, social structure and interrelationship with socio-economic, social and economic aspects of education. To date, it is the only full-length publication in its field of science since its new version is enriched with three chapters – on the social effectiveness of education (Ch. 6), educational policy (Ch. 7) and Russian sociology of education (Ch. 13). These topics were previously “white spots” and a source of extra-scientific interpretations of legal norms and management criteria. Today they are especially important due to the refusal to deform and impose Western models on domestic education, and to focus on returning it to the ranks of the best in the world and serving the genuine interests of Russia. In the reviewed edition of the textbook, the titles of some chapters and paragraphs have been clarified, and the language style has been improved. The wording has become more concise and verified. The teaching and methodological subjects have been elaborated: glossary, questions and control tasks for each topic of the textbook on the educational platform 'Yurait' and in the mobile application. It enhances the possibilities of organising students' independent work. The problem-based approach of the textbook meets the requirements of training educational personnel with sociological culture.

Keywords: sociology of education; textbook for universities; educational policy; social efficiency; Russian sociology of education.

For citation: Sukhova E.E. (2024). Review on the textbook for universities "Sociology of Education". *Caucasian Science Bridge*, 7 (4), P. 117-123. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.11>.

Введение. Сталкиваясь с новыми вызовами глобального общества, образование становится движущей силой и показателем социально-экономического развития стран, важной основой их политической стабильности и национальной безопасности. Глубинные трансформации российского общества вызвали смену вектора системы образования, его перезагрузку согласно национальным приоритетам. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ, статья 3) научная обоснованность развития системы образования обозначена как один из принципов государственной политики и правового регулирования отношений в этой сфере.

Сегодня остро стоит вопрос о подготовке кадров, способных к реализации новых подходов образовательной политики – руководителей и специалистов органов управления образованием и подведомственных учреждений, педагогов. Здесь целесообразен переход от менеджмента, ориентированного на краткосрочные проекты и адаптацию моделей бизнес-управления, к целостному управлению образованием, основанному на научном понимании его институциональных функций, социального строения и взаимосвязи с социально-экономическими и общественно-политическими процессами. Таким потенциалом, позволяющим обеспечить сообразную подготовку кадров, обладает социология образования, которая в программах подготовки социологов, педагогов и менеджеров для образования пока занимает явно недостаточное место.

Исследователи социологии образования заявляют о выходе этой отрасли науки в нашей стране на качественно новый уровень. Подтверждением этого можно считать третье издание учебника для вузов «Социология образования» под редакцией А.М. Осипова, предыдущая версия которого ранее получала положительный отзыв (Гаврилюк, 2020, 197-203). Соглашаясь с оценками, содержащимися в рецензии доктора социологических наук В.В. Гаврилюк, отметим особенности новейшего издания. Оно аккумулирует сведения о «твердом ядре» социологии образования, выраженном в выверенном категориальном аппарате, теоретических и методологических основаниях,

а также наработки, выражающие ее эвристический и социально-практический потенциал, апробированные в научных журналах и ряде монографий (Глобальная социология образования, 2015; Социология образования, 2005; Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании, 2020).

Результаты и их обсуждение. Учебник является на сегодняшний день единственным полноформатным изданием в своей отрасли науки и, по нашему мнению, служит хорошим примером для других областей знания за счет того, что его новая версия обогащена тремя главами – об общественной эффективности образования (гл. 6), образовательной политике (гл. 7) и российской социологии образования (гл. 13). Эти темы прежде были «белыми пятнами» и источником вненаучных толкований правовых норм и критериев управления. Они сегодня особенно важны ввиду отказа от деформаций и навязывания отечественному образованию западных образцов, ориентации на возвращение его в число лучших в мире и служащих подлинным интересам России.

Вне всякого сомнения, исходной позицией совершенствования образования должно стать научное понимание его общественной эффективности. Этой теме в учебнике посвящена отдельная глава, в центре внимания которой вопросы применения социальной информации в управлении образованием, социальной обусловленности трактовок его эффективности и роли социологии в ее научном понимании. Учебник предлагает анализ того, какие информационные ресурсы, кем и как используются в управлении (Социология образования, 2024, 142). Он вскрывает противоречивость управления системой образования, обусловленную социально-экономическими интересами разных социальных групп, участвующих в принятии решений и их реализации (Социология образования, 2024, 143). Группами, несущими ответственность за кризисные явления в российском образовании в XXI веке, в главах 6 и 7 учебника названы бюрократия и обслуживающие ее околонучные кланы. Вскрыты причины ослабления социальной эффективности образования, в частности переход к универсальному и проектному менеджменту в ущерб научному и стратегическому управлению (Социология образования, 2024, 144).

Многообразие социальных интересов в образовании порождает противоречивость трактовок его общественной эффективности от сугубо утилитарных до макросоциальных и глобальных (Социология образования, 2024, 145). При их анализе вскрывается ограниченность и разрушительная сила воздействия на отечественное образование как неолиберальных, так и педоцентристских подходов (Социология образования, 2024, 145). Особое внимание уделяется проблеме подмены эффективности маркетинговой «успешностью», в связи с насаждением неолиберальной трактовки образования как рыночной услуги (вопреки декларации государственно-общественного управления в Законе ФЗ-273). Такой подход привел к фрагментации решения проблем в этой сфере в виде реализации отдельных проектов и как следствие сложности и зачастую невозможности комплексной оценки результативности образовательной политики в целом (Социология образования, 2024, 146–148).

При этом авторы не ограничиваются артикуляцией актуальных проблем российского образования, проявившихся в постсоветский период (программных и концептуальных, правовых, экономических, социальных и социально-психологических, культурных, управленческо-технологических). Признавая сложность и междисциплинарность проблемы общественной эффективности, учебник акцентирует внимание на давно назревшем отказе от фрагментарности в управлении образованием в пользу комплексного подхода, который опирается на концепцию институциональных функций образования и научный характер образовательной политики. Социологии отведена важная роль в междисциплинарной интеграции, разработке теоретических решений и эмпирических индикаторов, в выработке стратегии и планировании образования, определении критериев его общественной эффективности (Социология образования, 2024, 148–151).

В учебнике утверждается, что стратегия образования и образовательная

политика должны опираться на концепцию его институциональных функций, оценку общественных затрат в образовании и его результатов (Социология образования, 2024, 151). Особое значение приобретает дисфункциональность затрат и косвенные издержки (неоплачиваемый труд персонала, деформация структуры деятельности под давлением бюрократизации и компетентностного подхода, финансовое бремя родственников учащихся и др.). Учебник возвращает к проблеме общественного интеллекта, которая предполагает ревизию подлежащих передаче знаний, умений и навыков на разных уровнях образования и направлениях подготовки с точки зрения стратегических целей и задач общества: какими знаниями мы пользуемся, как долго они сохраняются, каких знаний нам недостает (Социология образования, 2024, 152). Наконец, эффективность образования требует учета отложенности его результатов во времени на разных уровнях (макросоциальном, групповом и индивидуальном) (Социология образования, 2024, 153).

Авторы обосновывают высокий потенциал создания системы научного управления образованием, предполагающего реорганизацию регулирования этой отрасли, во-первых, путем разработки образовательной доктрины и методологии оценки эффективности образования, в том числе неформального и самообразования, общественная эффективность которых до сих пор остается *terra incognita*; во-вторых, путем совершенствования законодательства; в-третьих, путем внедрения в систему отраслевого менеджмента социологии образования как перспективной технологии управления и внедрения на ее основе специальной подготовки управленческих кадров (Социология образования, 2024, 156).

В учебнике предпринято осмысление образовательной политики как сложного феномена, анализ которого отсутствует как в российских, так и в зарубежных учебных изданиях по социологии образования, а в смежных научных отраслях (педагогике, педагогической психологии и образовательном менеджменте) его рассмотрение исчерпывается проектным подходом (Социология образования, 2024, 157–158). Приводя примеры накопившихся в последние десятилетия проблем, учебник обосновывает необходимость корректировки образовательной политики и приводит убедительные аргументы в пользу того, что в ее основу должен быть положен институциональный подход. Последний ориентирован на достижение общественно значимых целей развития образования и обеспечивает возможности упорядочения и координации взаимодействия всех его элементов, взаимосвязи с другими социальными институтами. В свою очередь, опора на институциональные функции образования обеспечит подбор адекватных инструментов экспертизы образовательной политики, ее оценки и оперативного регулирования (Социология образования, 2024, 159).

Учебник очерчивает границы образовательной политики, исходя из трактовки образования как социального института и политики как осуществления власти. Предлагается дефиниция образовательной политики как разновидности социального управления, деятельность субъектов которого обусловлена историко-культурными, политико-правовыми и социально-экономическими факторами, а потому имеет свою специфику в разных странах (Социология образования, 2024, 160–161). Залог научного управления системой образования – комплекс процедур научной разработки управленческих решений и сбалансированное взаимодействие субъектов – органов управления, образовательных общностей, работодателей, научно-экспертных групп (Социология образования, 2024, 165–166). Учебник вводит в оборот концепт функций образовательной политики (воспроизводственной, регулятивной, интегративной, транслирующей и коммуникативной) в разрезе потребностей общества и социальных субъектов в удобном для учебных целей схематическом и табличном виде (Социология образования, 2024, 163).

Анализируя федеральное законодательство в области образования в плане его соответствия потребностям общества, авторы доказывают, что заложенные им принципы образовательной политики неполны и противоречивы, содержат ценностные диссонансы. Сделан вывод о необходимости их исправления с учетом институциональных функций образования (Социология образования, 2024, 166–169).

Отдельное внимание при рассмотрении образовательной политики уделено проблеме бюрократизации образования и бюрократологий. Учебник описывает их виды: экономические (неэффективное распределение бюджетных средств), нормативно-правовые (дисбаланс полномочий органов управления и подведомственных организаций), информационные (избыточный документооборот и «бумажный прессинг»), социальные и культурные (выгорание работников и их текучесть). Вскрыты инструменты бюрократии и их тупиковый характер для всей отрасли и целей развития России (Социология образования, 2024, 169–172). В проблеме перспектив образовательной политики учебник ставит ключевые задачи: научная оценка общественной эффективности отрасли и результативности управления, предотвращение бюрократологий, переход к государственно-общественному и научному управлению образованием. Особая роль в их решении отведена социологии образования, при систематическом участии научно-экспертных сообществ в законодательном процессе, обосновании стратегии образования и оценке его эффективности (Социология образования, 2024, 172–173).

Расширен до отдельной главы учебный материал об отечественной социологии образования. Учебник не идет по дескриптивному пути, а продолжает ранее принятый *проблемный* формат с анализом теоретического состояния и признаков кризиса научной отрасли на фоне глобальных трендов, дефицита координации НИР из-за рыночных норм управления наукой. Учебник отмечает потерю ресурса этой науки в ряде регионов (с. 289–292). Внимания заслуживает осмысление зарубежных влияний на развитие отечественной социологии образования: проанализирован теоретический потенциал течений зарубежных разработок и их состояние по регионам мира (Социология образования, 2024, 30–54, 241–288). Отмечена слабая освещенность опыта стран Европы и Латинской Америки, Китая, Индии, Японии, Сингапура и др., полезного для развития научной отрасли и управления образованием в России (Социология образования, 2024, 295–298).

В главе «Социология образования в России» (Социология образования, 2024, 289–303) обоснован вывод о ее качественно новом уровне ввиду достигнутой проработанности теоретико-методологических основ и постановки особого класса ее пороговых проблем. Благодаря этим достижениям российская социология образования в начале XXI в. опережает наработки зарубежных школ и близка к развитию новой социальной технологии управления образованием в соответствии с национальными приоритетами и общественными потребностями (Социология образования, 2024, 298–300). Обозначены задачи дальнейшего развития социологии образования: формирование самоуправляющейся ассоциации исследователей с должным уровнем дискуссий, основательное вхождение в программы вузовского образования и превращение в полноценную профессию и научную специальность, выработка системы координации НИР и ее финансирования, включение в механизмы выработки образовательной политики (Социология образования, 2024, 303).

Помимо трех новых глав в учебнике расширена научно-методическая проблематика: появился параграф о ловушках для социологов, негативных ситуациях, искажающих результаты НИР. Описаны типичные черты ловушек, что дает социологу возможность вовремя распознать угрозы качеству своей работы избежать попадания в них (Социология образования, 2024, 338–341). По-прежнему остается уникальным для социологических учебников хорошо организованный раздел о надежности исследовательской информации (Социология образования, 2024, 327–337).

В новом издании учебника уточнены названия некоторых глав и параграфов, улучшен стиль языка. Формулировки стали более лаконичными и выверенными. Проработаны учебно-методические сюжеты: глоссарий, вопросы и контрольные задания по каждой теме учебника на образовательной платформе «Юрайт» и в одноименном мобильном приложении, что усиливает возможности организации самостоятельной работы обучающихся.

В целом, заложенный в учебнике проблемный подход отвечает требованиям

подготовки кадров сферы образования, обладающих социологической культурой. Учебник успешно апробирован преподавателями и студентами социологического факультета Смоленского государственного университета, применяется в ряде вузов страны и открывает перспективу воспроизводства кадров по социологии образования – в этом Россия отстает от зарубежных партнеров. Эта отрасль социологии заслужила статус дисциплины обязательной части базового и специализированного уровней высшего образования по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «Образование и педагогические науки». Она поможет совершенствованию подготовки управленческих и научных кадров в виде отдельной научной специальности наряду с социологией культуры, социологией управления, экономической и политической социологией и др.

Литература

Гаврилюк В.В. Рецензия на учебник «Социология образования» под ред. А.М. Осипова / В.В. Гаврилюк // Социологический журнал. 2020. – №4. – С. 197-203.

Глобальная социология образования: зарубежный опыт решения социальных проблем в сфере образования: Коллективная монография / Ш. Аизава, Х. Белтран, П. Бояджиева [и др.]; Под редакцией А. М. Осипова. – Великий Новгород; Москва: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; Журнал РАН «Социологические исследования», 2015. – 300 с. – (Монографическое приложение к журналу Российской академии наук «Социологические исследования»). – ISBN 978-5-89896-576-1. – EDN YTYJYRP.

Социология образования: Учебное пособие для вузов по специальности 020300 "Социология" / А. М. Осипов, В. В. Тумалев, Д. Баллантайн [и др.]; Ответственные редакторы А.М. Осипов и В.В. Тумалев. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Феникс", 2005. – 320 с. – (Alma mater). – ISBN 5-222-05675-9. – EDN QODOJD.

Социология образования: учебник для вузов/ А.М. Осипов [и др.]; под редакцией А.М. Осипова. — 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 393 с. (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-19723-5.

Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании / Ю. В. Башкирова, П. А. Бояджиева, К. К. Елкина [и др.]. – Великий Новгород: Российский научный фонд, 2020. – 351 с. – ISBN 978-5-6042052-1-1. – EDN MSNLLC.

References

Gavrilyuk V.V. Review of the textbook "Sociology of Education" edited by A.M. Osipov. *Sociologicheskii zhurnal = Sociological Journal*. 2020; 4: 197-203. (In Russ.).

Global sociology of education: foreign experience in solving social problems in the field of education: Collective monograph/ Sh. Aizawa, H. Beltran, P. Boyadzhieva [et al.]; Edited by A.M. Osipov. *Velikiy Novgorod. Moskva. Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet imeni Yaroslava Mudrogo. Zhurnal RAN Sociologicheskie issledovaniya = Veliky Novgorod; Moskva: Yaroslav the Wise Novgorod State University; Journal of the Russian Academy of Sciences "Sociological Research"*; 2015. 300 p. (Monographic supplement to the Journal of the Russian Academy of Sciences "Sociological Research"). (In Russ.).

Sociology of education: A textbook for universities specializing in 020300 "Sociology" / A. M. Osipov, V. V. Tumalev, J. Ballantine [et al.]; General editors A. M. Osipov and V. V. Tumalev. *Rostov-na-Donu. OOO "Feniks" = Rostov-on-Don: Phoenix*; 2005. 320 p. (In Russ.).

Sociology of education: a textbook for universities/ A.M. Osipov [et al.]; edited by A. M. Osipov. 3rd ed., revised and enlarged. *Moskva: Yurayt = Moscow: Yurait Publishing House*; 2024. 393 p. (In Russ.).

School in the paper abyss: the crisis of information flows in education / Yu. V. Bashkirova, P. A. Boyadzhieva, K. K. Elkina [et al.]. *Velikiy Novgorod: Rossijskiy nauchnyy fond = Veliky Novgorod: Russian Scientific Foundation*, 2020. 351 p. (In Russ.).

Дата получения рукописи: 24.10.2024

Дата окончания рецензирования: 28.11.2024

Дата принятия к публикации: 30.11.2024

Информация об авторе

Елена Евгеньевна Сухова – кандидат социологических наук, доцент, декан, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия, e-mail: elena-suchova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Elena Evgenievna Sukhova – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Dean, Smolensk State University, Smolensk, Russia, e-mail: elena-suchova@mail.ru

The author has no conflict of interest to declare

А. М. Осипов

Post-scriptum к рецензии на учебник

Жанр *post-scriptum* в нашей социологии, при дефиците в ней дискуссионности, оказывается востребованным, увы [CSB, 2024/4:41]. Он позволяет при ограниченности печатной площади или времени среагировать на злободневную ситуацию. Рецензия Е.Е. Суховой на 3-е издание учебника «Социология образования» имеет непростую историю, о которой стоит знать. Рецензия была отклонена «Социологическим журналом» (далее – СЖ) без предложения доработки – на основании анонимной «экспертизы», текст которой журнал сообщил Е.Е. Суховой. Позже он попал к редактору учебника, поскольку пафос «эксперта» – против объекта рецензии. Текст поверхностной, тенденциозной и лживой «экспертизы» – образчик *внеаучной* цензуры дан ниже (по файлу «Экспертиза_Сухова.docx» из переписки с СЖ), за нею – короткий комментарий.

«Отзыв о рецензии

Рецензия. Социология образования: учебник для вузов. А. М. Осипов [и др.], под ред. А. М. Осипова. 3-е издание, перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2024. – 393 с.

Является ли выход учебника (его очередной редакции) социологическим событием? На наш взгляд, нет. Авторы предлагают политически ангажированный и довольно архаичный взгляд на образование на уровне представлений 60-70х годов прошлого века. Социологическая ценность учебника как минимум вызывает вопросы. Учебник написан догматически, а не критически/полемически, как можно было бы ожидать от интересного издания. Даже если авторы избегают традиционных для социологии образования полемических тем, таких как легитимация порядка, нормализация и контроль, воспроизводство неравенства и др., и концентрируются на узком понимании образования как «передаче знания», и в этом случае есть значительное пространство для научной рефлексии.

В частности, встает вопрос о том, как изложенные социологические теории и подходы выглядят в контексте основных достижений смежных дисциплин: социобиологии (в т.ч. нейрофизиологии), когнитивизма, экспериментальной и эмпирической психологии (в т.ч. психолингвистики). Современное образование – это гибридное, интердисциплинарное научное пространство. И в области «передачи знания» именно в упомянутых дисциплинах в последние годы были получены наиболее заметные достижения.

Рецензия на учебник представляет собой не критическое осмысление, как этого следовало бы ожидать, а превознесение издания, которое преподносится как уникальное и единственное, а российская социология образования (видимо, в лице автора учебника А.М.Осипова) – как «опережающая наработки зарубежных школ» (цит.).

Рецензия написана «канцелярским» языком.

Рекомендация для журнала – отклонить рецензию.

Комментарий

Судить о корректности этой «экспертизы» могут все, знакомые с учебником (сайт Юрайт). Упрек в «канцелярском» языке – вкусовщина «эксперта», утратившего меру доброжелательной критики и выплескивающего эмоциональный негатив, без научной критики. Все мнимые недостатки учебника сообщены в общих фразах и не локализованы (номера страниц). Ниже – комментарии редактора учебника.

1. «Эксперт» без знания источника (даже оглавления учебника) ложно утверждает, что его «авторы избегают традиционных для социологии образования полемических тем, таких как легитимация порядка, нормализация и контроль, воспроизводство неравенства и др., и концентрируются на узком понимании образования как "передаче знания"».

1.1. Опровержение «экспертного» приписывания – давняя (с 1997) позиция А.М. Осипова о корпусе институциональных функций образования, не сводимом к передаче знания и охватывающем все сферы общества. Она защищена в докторской (1999), вошла в его 16 книг и 3 десятка статей (ядра РИНЦ), без единого возражения или опровержения в

печати.

1.2. «Эксперт» не знает Оглавление учебника и не видел главу 9 «Образование: социальные различия и неравенство» (5 параграфов, с. 185-216).

2. «Эксперт» проявил *вкусовщину*, утверждая, что в учебнике должен быть раскрыт «вопрос о том, как изложенные социологические теории и подходы выглядят в контексте основных достижений смежных дисциплин: социобиологии (в т.ч. нейрофизиологии), когнитивизма, экспериментальной и эмпирической психологии (в т.ч. психолингвистики)». Продолжая перечень пробелов учебника, я признаю: в нем нет и популярных в узких кругах сюжетов об образовании секс-меньшинств. Но может ли учебник уходить от теоретического ядра социологии образования в смежные области? И компетентен ли «эксперт» в создании учебных текстов по социологии образования? Пусть СЖ сообщит о таких его/ее трудах.

3. «Эксперт» не скрыл личной *неприязни* к учебнику: «Учебник написан догматически», на что можно сказать: в учебнике, в отличие от статьи или монографии, излагается выверенное научное знание и не может превалировать полемика. «Авторы проявляют политически ангажированный и довольно архаичный взгляд на образование на уровне 60-70х годов прошлого века». Отвечу: в учебнике есть политический контекст – в отстаивании социальной интеграции общества и государственных интересов России на фоне глобального соперничества, в критике неолиберальной образовательной политики и тяжелых бюрократических патологий, в избавлении от мифов маркетинга и «культуры недоверия», в поиске путей к общественному участию и научному управлению образованием. А упрек в том, что учебник освещает идеи 1960-1970-х гг., не говорит ли о желании «эксперта» прервать преемственность в теоретическом развитии социологии образования?

4. «Эксперт» назвал А.М. Осипова «автором учебника», но авторов – 10. Среди них 5 докторов наук, авторы и редакторы более 30 книг по социологии образования.

5. «Эксперт» сыронизировал по поводу мнения Е.Е. Суховой и редактора учебника об опережающих идеях нашей социологии образования, но не опроверг ни одну из них.

6. Очевидна непоследовательность СЖ: Е.Е. Сухова в рукописи рецензии согласна (прим. 1, стр. 1) с вышедшей в СЖ ранее рецензией д.с.н. В.В. Гаврилюк на 1-е издание учебника (2020/4:197-203), но сосредоточена на его новых главах в 3-м издании, на опыте его применения в вузе и перспективах развития социологии образования в России.

Итак, отклонение рецензии в редакции СЖ основано на некомпетентной, ложной «экспертизе», оно – цензура в науке и заслуживают осуждения. Нужно бы знать ФИО «экспертов», злоупотребивших анонимностью. **Журналы «Высшее образование в России» и «Социологические исследования» в 2022-2024 гг. отклоняли рукописи автора. Но с задержкой в 1-2 года эти рукописи вышли в «Вестнике Института социологии» (2023/2, 2024/3), «Вестнике РУДН. Серия: Социология» (2023/4, 2024/3).** Подытоживая *post-scriptum*, призываю не считать ложные экспертизы последней инстанцией. *Принятие* таких «экспертиз» и уход от научной дискуссии прививает ученым «внутреннюю цензуру» – установку следовать «разрешенным» темам и концептуальным трендам (как правило, неолиберальным и постмодернистским), развязывает руки анонимным *псевдоэкспертам*, безответственным и безнаказанным. Цензоры этого и ждут. Оживим ли мы нашу науку и профессию, осадим ли кланы цензоров от социологии?

*Д.с.н., Почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации, эксперт РАН, эксперт РНФ проф. А.М. Осипов*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция принимает научные материалы по следующим научным специальностям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);

5.4.6. Социология культуры (социологические науки);

5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в ERHPUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: *методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).*

В журнале «Caucasian Science Bridge» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте о политике журнала, в частности:

- публикационная этика;
- процесс рецензирования;
- обязанности и ответственность авторов.

**Требования к публикациям для авторов журнала
«Caucasian Science Bridge»
(редакция от 31.07.2024)**

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью).

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Контактный мобильный телефон (для ответственного автора).

Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя).

Номер идентификатора ORCID.

Идентификаторы (при наличии) Web of Science Researcher ID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, скачайте подробную инструкцию по регистрации в Реестре ORCID.

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках в соответствии с уставом учебного заведения – обычно находится в разделе «Документы» сведений об образовательной организации на сайте учебного заведения).

Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны).

Рабочий телефон (с кодом города).

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке (Anna V. Ivanova). Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Телефон.

Аффилиация на английском языке.

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи – 1 а. л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе «Антиплагиат» на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.

- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.

- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.

- *Самоплагиат.* Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей, и вместе с тем выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование.* В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление ее авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукометрических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.

Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем ваше внимание: аннотация является источником информации обо всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются в ней), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5–10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать двух.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – не допускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эмпирического характера целесообразным будет деление на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования желательно представлять в том числе с помощью *таблиц* и *рисунков* (весь иллюстративный материал: схемы, диаграммы, фотографии и т.д. – обозначаются словом «рисунок»).

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название полужирным шрифтом. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное *требование к подписям рисунков* – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка – Рисунок 1. Далее следует название. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например: (Иванов, 2015, 74–75) или (Smith, 2019, 7–8).

Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации: По мнению Иванова (2019), ...

Если цитируются две работы, и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например: (Михайлов А. П., 2015; Михайлов И. М., 2019).

Если авторов четыре и более, источник в ссылке, как и в списке литературы, описывается по названию: (Молодая семья в России..., 2020).

Если цитируется несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации, то после года добавляются буквы *a, b, в* (*a, b, c*), выделенные курсивом. Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов, 2018*a*; Smith, 2019*b*).

Если в качестве автора выступает организация (групповое авторство), название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010).

Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Если необходимо включить в одну ссылку несколько источников, их размещают в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу), через точку с запятой: (Иванов, 2022; Петров, 2014; Levitas, 2021; Smith, 2020).

Если дата публикации неизвестна, вставляйте в скобки «н.д.» («n.d.»).

Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово: От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея), 1 Cor. 13:1 (King James Version).

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания, том и номер (для журнального источника), интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, URL электронного источника, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. *На все источники в тексте должны быть даны ссылки.*

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хорошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество авторских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше пяти лет) – это позволит читателям оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключения составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES).

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском языке или на языках, использующих латиницу). Если источники опубликованы на языках, использующих иероглифы, арабское письмо и т.п., допустимо их приведение на русском языке с указанием языка оригинала в конце: (На кит. яз.).

REFERENCES – список источников на английском языке, расположенных по алфавиту. *Важно:* все источники в списке должны быть переведены на английский язык, даже те, которые не используют латинскую графику (на французском, немецком языке и т.п.), с указанием в конце языка оригинала: (In French), (In German).

Общие правила формирования библиографического списка

Источники в списке литературы размещаются в алфавитном порядке, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

Оформление библиографических описаний производится в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018.

Для источников, имеющих DOI, он должен быть указан в обязательном порядке в конце библиографической записи, для публикаций вышедших в свет с 2022 г. также обязательно указание EDN.

Для сетевых изданий, имеющих DOI, указывать сетевой адрес (URL) и дату доступа нет необходимости.

References представляет собой повторение библиографического списка, однако оформленное иным образом, в соответствии с приведенными ниже образцами.

В случае, если библиографический список состоит только из англоязычных изданий, отдельный список *References* не требуется.

В *References* для изданий на русском языке приводятся опубликованные англоязычные версии названия (большинство российских научных изданий начиная с 2010 г. имеют таковые).

После библиографического описания в круглых скобках указывается язык публикации (In Russ.).

В случае отсутствия оригинальной англоязычной версии названия перевод делается автором самостоятельно. Только в этом случае в *References* необходимо привести также оригинальное название, транслитерированное латиницей по стандарту BGN (можно прибегать к любым программам транслитерации, использующим данный стандарт).

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

Книги, статьи

Один-три автора:

Замятин, Е.И. Техника художественной прозы / Е.И. Замятин. – М.: АСТ, 2023. – 416 с.

Дятлов, А. В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // Социологические исследования. – 2021. – № 3. – С. 66–77. – <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. – EDN ULZWNA.

Ласкова, М.В. Гендерная асимметрия в языковом воплощении / М.В. Ласкова, В.А. Лазарев, М.В. Ивченко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2016. – 112 с. – EDN XHISRB.

Четыре автора:

Молодая семья в России в условиях демографического кризиса / А.В. Верещагина, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин, Л.И. Щербакова. – М.: Русайнс, 2016. – 128 с. – EDN XDUGKH.

Пять авторов и более:

Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований / А.В. Волкова, А.В. Глухова, А.А. Гнедаш [и др.]. – Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2015. – 260 с. – EDN UNTSCH.

Электронный ресурс

Оскар Нимейер in memoriam. Блог О. Н. Яницкого // Официальный портал Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html.

Диссертация и автореферат диссертации

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования: дис.....канд. социол. наук / Беспалова Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 170 с. – EDN NDPSLE.

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования: автореф. дис.....канд. социол. наук / Беспалова Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 22 с. – EDN ZQHBJB.

Издание под общей редакцией

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / отв. ред. В.В. Семёнова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 512 с.

Статья в сборнике трудов конференции

Верещагина, А.В. Архаическое, традиционное и современное в пространстве семейно-брачных ценностей и установок молодежи на Юге России / А.В. Верещагина // *Молодежь XXI века: образ будущего: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием* (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г.) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – СПб.: Скифия-принт, 2019. – С. 513–514. – EDN GAMLVA.

Оформление литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Reference оформляется согласно **Vancouver Style**.

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов.

Пример оформления списка – REFERENCES

Книги, статьи

Vereshchagina A.V. A young family in Russia in the context of the demographic crisis. Moscow: *RUSAINS = RUSAINS*; 2016. 128 p. (In Russ.)

Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Transformation of the institute of city management in the municipal administration of the South of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2021; 3:66–77. <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. (In Russ.)

Al-Sharfi, Pfeffer M., Kirsty K. The effects of polygamy on children and adolescents: A systematic review. *Journal of Family Studies*. 2016; 22(3):272–286. <https://doi.org/10.1080/13229400.2015.1086405>.

Электронный ресурс

Oskar Niemeyer in memoriam. Official portal of the Institute of Sociology of FCTAS RAS. Accessed 12.10.2020. Available at: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html (in Russ.).

Диссертация, автореферат диссертации

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city: creative design practices: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 170 p.

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city creative design practices: abstract of dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 22 p.

Издание под общей редакцией

Social mobility in complicating society: Objective and subjective aspects. Ed. by V.V. Semionova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko. Moscow: FCTAS RAS; 2019. 512 p. (in Russ.).

Статья в сборнике трудов конференции

Vereshchagina A.V. Archaic, traditional and modern in the space of family and marital values and attitudes of youth in the South of Russia. *Molodezh' XXI veka: obraz budushchego: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem = Youth of the XXI century: the image of the future. Materials of the scientific conference.* St. Petersburg: Scythia-print; 2019. P. 513–514. (In Russ.)

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи

Иван И. Иванов¹,¹Университет, город, страна, e-mailПетр П. Петров²² Институт, город, страна, e-mail

Введение. Авторами доказывается актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Используются такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:... Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Методы

ТЕКСТ СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов).

Авторский вклад (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи).

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарем определяют соответствие статьи профилю журнала и направляют ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую по отношению к теме статьи научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: «автору неизвестен рецензент, рецензенту неизвестен автор».

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.
6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статьи в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т.д.
9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Используемые источники, их качественная и количественная характеристика. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней.

В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением с его стороны принятия почтовых и организационных расходов на свой счет по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редсоветом решения о допуске статьи к публикации администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.